

Том 15 № 6 • 2025

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Вестник
Финансового университета

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

DOAJ
DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Bulletin
of Financial University

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Vol. 15, No. 6 • 2025

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-практический журнал

Том 15, № 6 (78), 2025

Издаётся с 2016 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Подписной индекс

в каталоге «Пресса России»: 44090

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-6707 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

125167, Российская Федерация, Москва,

Ленинградский проспект, 49

+7 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» — рецензируемый научно-практический журнал в области общественных и гуманитарных наук, сочетающий в себе фундаментальные исследования и практическую составляющую, в котором публикуются оригинальные научные статьи, обзоры, аналитические материалы на русском языке по актуальным вопросам социологии (структура, институты, процессы), истории и теории политики, политических процессов (технологии, отрасли, институты), международных отношений, философии (история, социальная и политическая философия).

Журнал **«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета»** индексируется в базах данных: РИНЦ, Ebsco, RePec, eLibrary.ru

Специальности ВАК:

5.4.2. Экономическая социология

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.5.1. История и теория политики

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

5.5.4. Международные отношения

5.7.2. История философии

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Главный редактор **А.Б. Шатилов**
Выпускающий редактор **А.А. Извекова**

Корректор **Н.В. Колобова**

Верстальщик **Е.А. Смирнова**

Переводчик **И.М. Евстратов**

Подписано в печать 20.11.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Отпечатано в ООО «СТ», г. Воронеж

Заказ № 2507878

Выход в свет 20.12.2025

© Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Пляйс Я.А., доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь, кафедра политологии факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Уилкокс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodovskaya E.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., Dr. Sci. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Osipova N.G., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Plyays Ya.A., Dr. Sci. of Political, Dr. Sci. of Historical, Professor, Research Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Polevaya M.V., Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sillaste G.G., Dr. Sci. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Truel J.-L., Dr. Sci. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Wilcox K., Dr. Sci. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., Dr. Sci. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Scientific and practical journal

Vol. 15, No. 6 (78), 2025

Published Since 2016

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Founder and Publisher:

**Financial University under the Government
of the Russian Federation**

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167,

Russian Federation

+7 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Aims and Scope: *Humanities and Social
Sciences. Bulletin of the Financial University*

is a peer-reviewed journal in the social sciences and humanities which blends rigorous research with practical insights. It publishes original articles, reviews, and analyses in Russian on contemporary issues in sociology, including structure, institutions, and processes. The journal also explores the history and theory of politics and political processes, with a focus on technologies, industries, and institutions. It delves into international relations and philosophy, covering history and social and political philosophy.

The journal *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* is indexed in the following databases: RISC, Ebsco, RePEC, eLibrary.ru

Editor-in-Chief **A.B. Shatilov**

Managing editor **A.A. Izvekova**

Proofreader **N.V. Kolobova**

Design & layout **E.A. Smirnova**

Translator **I.M. Evstratov**

Format 60×84 1/8.

Passed for printing 20.11.2025

Printed in ST LLC, Voronezh

Order № 2507878

Issue Date 20.12.2025

© *Financial University
under the Government of the Russian
Federation*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: НОВЫЕ РАКУРСЫ

Мухаев Р.Т., Чубаров А.И.

Трансформация глобального управления в фокусе метода анализа иерархий:
сценарии и модели 6

Васюков Е.А.

Экономическое развитие БРИКС:
роль центральных банков в формировании валютной политики 19

Шандра И.Г., Сороко П.А.

Международные образовательные проекты Российской Федерации в реализации Цели 4
устойчивого развития ООН 34

Дань Шэнь, Михайлова Н.В.

Эволюция стратегий и новое лицо Китая в мировой торговле 46

Микрюков В.О., Останина Е.А.

Применение искусственного интеллекта для улучшения городской мобильности в Москве 55

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Дягилев В.В., Кунижева Д.А.

Не рублем единым:
факторы, сдерживающие россиян от участия в краудфандинге. 66

Воеводина Е.В., Смирнова Я.Н., Тюриков А.Г.

Анализ социальной активности мужчин пожилого возраста:
на примере сотрудников Финансового университета 79

Яманова О.А.

Технологос власти: исследование дискурса об искусственном интеллекте в России 90

Никлаус А.А.

Влияние региональных элит на оптимизацию внутрирегионального пространства в федеративном
государстве 103

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Возмитель И.А., Мчедлова М.М.

Особенности современной электоральной культуры в США:
на примере президентских выборов 2024 года 112

Колокольцев А.В.

Стратегическое планирование развития
сельских территорий: региональные особенности 120

Хакки А.М.

Опыт обучения в англоязычных школах
в арабских странах — пример Эмирата Дубай. 130

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Барышева Е.В.

Советская модель производственной физкультуры
в контексте государственной социально-трудовой политики. 137

Чжэнкунь Ван

Многомерное переплетение истории, идентичности и памяти
в романе «Одсун. Роман без границ» А. Варламова 146

Благовещенская У.П.

Музыка, социум и конструирование реальности. 153

CONTENTS

COVER STORY: GLOBAL GOVERNANCE AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT: NEW PERSPECTIVES

Mukhaev R.T., Chubarov A.I.

Transformation of Global Governance in the Focus
of the Hierarchy Analysis Method: Scenarios and Models. 6

Vasyukov E.A.

BRICS Economic Development:
The Role of Central Banks in Shaping Monetary Policy. 19

Shandra I.G., Soroko P.A.

International Educational Projects
of the Russian Federation for the Implementation
of the UN Sustainable Development Goal 4. 34

Dan Shen, Mikhailova N.V.

The Evolution of Strategies and the New Face of China
in Global Trade. 46

Mikryukov V.O., Ostanina E.A.

Application of Artificial Intelligence
for Improving Urban Mobility in Moscow. 55

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Diaghilev V.V., Kunizheva D.A.

Not in a Single Ruble: Factors Deterring Russians
from Participating in Crowdfunding. 66

Voevodina E.V., Smirnova Ya.N., Tyurikov A.G.

Analysis of Social Activity of Elderly men:
On the Example of Employees of the Financial University. 79

Yamanova O.A.

Technologist of Power: A Study of the Discourse
on Artificial Intelligence in Russia. 90

Niklaus A.A.

The Influence of Regional Elites on the Optimization
of Intraregional Space in a Federal State. 103

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Vozmitel I.A., Mchedlova M.M.

Features of Modern Electoral Culture in the United States:
On the Example of the 2024 Presidential Election. 112

Kolokoltsev A.V.

Strategic Planning of Rural Development: Regional Features. 120

Hakki A.M.

The Experience of Studying in English-Speaking Schools
in Arab Countries – the Case of the Emirate of Dubai. 130

HISTORICAL DIGRESSION

Barysheva E.V.

The Soviet Model of Workplace Physical Exercises
in the Context of State Social and Labor Policy. 137

Zhengkun Wang

Multidimensional Interweaving of History, Identity, and Memory in A. Varlamov's Novel
"Odsun. A Novel Without Borders". 146

Blagoveshchenskaya U.P.

Music, Society and Construction of Reality. 153

Трансформация глобального управления в фокусе метода анализа иерархий: сценарии и модели

Р.Т. Мухаев, А.И. Чубаров

РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель настоящего исследования — выявление рисков в глобальном публичном управлении в условиях неопределенности с использованием математических методов анализа, позволяющих распознавать угрозы и тем самым выступать механизмом их идентификации и купирования. Современный глобальный миропорядок, задающий тренды трансформации мирохозяйственных связей, характеризуется высокой степенью турбулентности и активным противостоянием Глобального Севера и Глобального Юга в борьбе за ресурсы и правила их распределения. Вопреки стереотипу о всемогуществе цифровых инструментов, способных к выстраиванию долговременных прогнозов, проблема распознавания потенциальных рисков принимаемых решений, их релевантности конкретной ситуации, остается не решенной. Возможно, произошла переоценка роли цифровых технологий, используемых в глобальном прогнозировании, и не все так оптимистично, как хотелось? Очевидно, что возможностей для просчета различных сценариев развития событий стало несоизмеримо больше, а объемы получаемой информации о мире ежедневно растут, однако все это по какой-то причине не дает желаемого эффекта. Методами исследования выступают: математическое моделирование и прогнозирование, кейс-стади. Основные выводы проведенного исследования: математические инструменты могут оказывать значительную поддержку в вопросах выявления оптимальных решений или же конструирования трендов, при этом результаты их применения крайне зависимы от установок и когнитивных способностей лиц, принимающих решения (ЛПР), и экспертов, их применяющих. Использование таких инструментов коррелирует с «картиной мира», набором установок прочтения проблемы, что снижает адекватность поиска оптимальных решений, увеличивает окно возможностей для появления «черных лебедей» (по терминологии Н. Талеба), трудно-прогнозируемые и редкие события, имеющие особые характеристики и порождающие значимые последствия. Под термином «Среднестан» он понимал реальность, в которой выборочная совокупность велика, а единичный случай не вносит существенных изменений для итоговой суммы. Напротив, термин «Крайнестан» обозначает реальность, где одно единственное событие может непропорционально сильно повлиять на совокупный или общий показатель. В таких условиях наиболее эффективные решения лежат в плоскости нестандартного подхода человеческого мышления. Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении прогностического потенциала использования математических инструментов в публичном управлении цифровым обществом как средства преодоления неопределенности, распознавания возможностей и рисков использования таких инструментов в глобальном управлении.

Ключевые слова: публичное управление; цифровое общество; неопределенность; математические инструменты; метод анализа иерархий (МАИ)

Для цитирования: Мухаев Р.Т., Чубаров А.И. Трансформация глобального управления в фокусе метода анализа иерархий: сценарии и модели. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):6-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-6-18

Transformation of Global Governance in the Focus of the Hierarchy Analysis Method: Scenarios and Models

R.T. Mukhaev, A.I. Chubarov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify risks in global public administration under conditions of uncertainty using mathematical analysis methods that allow recognizing threats and thereby acting as a mechanism for their identification and mitigation. The modern global world order, which sets the trends for the transformation of world economic relations, is characterized by a high

degree of turbulence and active confrontation between the Global North and the Global South in the struggle for resources and the rules of their distribution. Contrary to the stereotype of the omnipotence of digital tools capable of making long-term forecasts, the problem of recognizing the potential risks of decisions made and their relevance to a particular situation remains unresolved. Perhaps there has been a reassessment of the role of digital technologies used in global forecasting and not everything is as optimistic as we would like? Obviously, the possibilities for calculating various scenarios have become disproportionately greater, and the amount of information received about the world is growing daily, but for some reason all this does not give the desired effect. The methods used in the research are: mathematical modeling and forecasting, case study. The main conclusions of the study are the next: mathematical tools can provide significant support in identifying optimal solutions or constructing trends, while the results of their use are highly dependent on the attitudes and cognitive abilities of decision makers and experts who use them. The use of such tools correlates with the "picture of the world", a set of attitudes towards reading the problem, which reduces the adequacy of the search for "optimal" solutions, increases the window of opportunity for the appearance of "black swans", by the terminology of N. Taleb, difficult-to-predict and rare events with special characteristics and generating significant consequences. By the term "Average", he understood the reality in which the sample population is large, and a single case does not significantly change the total amount. On the contrary, the term "Extremistan" refers to a reality where a single event can disproportionately affect the aggregate or overall indicator. In such conditions, the most effective solutions lie in the non-standard approach of human thinking. The theoretical significance of the study lies in identifying the predictive potential of using mathematical tools in the public management of digital society as a means of overcoming uncertainty, recognizing the opportunities and risks of using such tools in global management.

Keywords: public administration; digital society; uncertainty; mathematical tools; hierarchy analysis method (MAI)

For citation: Mukhaev R.T., Chubarov A.I. Transformation of global governance in the focus of the hierarchy analysis method: scenarios and models. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):6-18. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-6-18

ВВЕДЕНИЕ

Главная черта современной реальности — неопределенность, диктующая необходимость адаптации существующих обществ к новому миропорядку, конфигурация которого далеко неочевидна. Одним из инструментов адаптации к нему выступает применение математических методов в процессе управления. Цифровизация публичного управления открывает возможности использования подобных методов в мировой политике. Современные технологии и программное обеспечение сократили время сложных вычислений с нескольких лет и месяцев до считанных минут.

Цифровые технологии способны решить проблемы, которые прежде были не под силу большим корпорациям, правительствам. Подобные возможности, даруемые цифрой, с одной стороны, способны стать панацеей от многих бед в публичном управлении, а с другой — ставят вопрос, в чьих интересах используются эти прогнозы и расчеты?

В практике публичного управления преобладает когнитивная модель ограниченной рациональности, исходящая из постулата, что в основе поведения человека лежат когнитивные ограничения, приводящие к тому, что политические решения принимаются на основе упрощенных представлений о реальной ситуации без опоры на науку и эмпирические выкладки. При этом сама реальность, в рамках которой осуществляется управление, полна неопределенности, что таит в себе как возможности, так и риски. «Черные лебеди» стали нормой управленческой действительности. Негативный эффект модели ограниченной рациональности, особенно

ощутимый в такой среде, как управление, может быть снижен посредством использования метода анализа иерархий для принятия оптимального решения.

Цель исследования — изучить возможности и риски применения математических инструментов в публичном управлении. Эти инструменты могут как помогать преодолевать неопределенность и выявлять скрытые угрозы и преимущества, так и использоваться для манипуляций.

Под термином «Среднестан» в статье понимается реальность, в которой выборочная совокупность велика, и никакой единичный случай не внесет существенных изменений в среднее значение или сумму. Даже если отклонения поражают размерами, для итоговой суммы они окажутся не принципиальными. Под термином «Крайнестан» понимается реальность, в которой неравенство таково, что один единичный пример может дать непропорционально большую прибавку к совокупности или сумме.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С некоторых пор вопросы использования математических инструментов в публичном управлении, а также связанные с этим возможности и риски стали предметом научного анализа в зарубежной и отечественной науке. Наибольшее внимание зарубежных исследователей уделяется инструментам экономического прогнозирования, что позволяет повысить эффективность государственного администрирования, оптимизировать существующие процессы и т.п. [1, 2]. Также изучалась проблематика алгоритмизации управления, ее особенности и последствия в лице трансформации роли государства

и гражданина [3]. В последние годы российские исследования в этой области следуют западным тенденциям, но также разрабатывают собственные модели для оценки выполнения прогнозов. [4]. В научной среде сделаны попытки построения моделей управления организационными проектами с учетом перманентной неопределенности [5].

МЕТОДЫ

Инструментами анализа современного глобального политического порядка и траекторий его трансформации выступают доктрина многополярного мироустройства, кейс-стади и метод анализа иерархий, позволяющие выявлять наиболее вероятные сценарии формирования новой модели миропорядка.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Метод анализа иерархий (МАИ) — математический инструмент, позволяющий при помощи системного подхода вычислить оптимальное решение в конкретной ситуации. Сам по себе МАИ не предписывает ЛПР какое-либо единственно верное решение, а позволяет подобрать среди ряда альтернатив оптимальное, в наибольшей степени согласующееся с его пониманием проблемы и требованиями к ее решению. Учитывая, что то или иное решение и его конфигурацию ЛПР принимает, опираясь на собственные представления и/или мнения экспертов, данный инструмент не является гарантией от принятия нерелевантных решений, вызванных влиянием человеческого фактора. В этом случае МАИ тиражирует внешне более фактурную практику публичного управления экспертами и чиновниками, продолжающих ошибочную траекторию анализа, что приводит его к новым некачественным решениям. В основе МАИ, помимо математических методов, заложены и психологические аспекты. Метод позволяет рационально структурировать сложную проблему принятия решений через иерархии значений, осуществить сравнительный анализ альтернатив, а также выполнить их количественную оценку.

Анализ алгоритма принятия решений в МАИ первоначально предполагает построение иерархической структуры, включающей цель, критерии, альтернативы и иные факторы, влияющие на выбор. Выстроенная иерархическая структура отражает понимание проблемы ЛПР и экспертами, задействованными в процессе принятия решения.

Каждый элемент иерархии отражает разные аспекты решаемой задачи, не ограничиваясь исключительно на материальных его элементах. В процесс

разработки решения включаются объективные факты, нематериальные факторы, количественные и качественные параметры и субъективные экспертные оценки. В известном смысле поиски оптимального решения в МАИ напоминают процедуры и методы аргументации, используемые на интуитивном уровне. Однако процесс формирования иерархической структуры поиска оптимального решения в МАИ предполагает мозговой шторм, где взамен хаотичного набора предложений предлагается хорошо организованный механизм вычисления оптимального решения.

Заключительным этапом анализа выступает процедура определения приоритетов в форме последовательных действий, алгоритм которых выявлен посредством дискуссии и парных сравнений элементов сконструированного иерархического порядка. Множественность приоритетов открывает возможности сравнения самых разных факторов, что считается серьезным преимуществом данного инструмента. В завершение производится синтез или линейная вертка приоритетов по иерархии, в результате которой определяется количественное отражение приоритетности каждой альтернативы относительно главной цели, а наиболее предпочтительной альтернативой считается та, что имеет наибольший количественный показатель.

БУДУЩАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА

Для выявления вероятностных моделей глобального миропорядка первой половины XXI в. воспользуемся методом анализа иерархий. Заметим, что при составлении иерархии авторы, как и ЛПР, действуют на основе субъективного знания и мнения в условиях ограниченной рациональности. Опираясь на МАИ, выявим вероятность наступления различных моделей миропорядка.

Фокус иерархии (1 уровень):

Будущая модель мирового порядка.

Акторы (2 уровень):

- 1) гражданское общество и аффилированные медиа (Гр. общ);
- 2) политические элиты Европы и аффилированные медиа (П.Э. Евро);
- 3) транснациональные корпорации и аффилированные медиа (ТНК);
- 4) политические элиты новых центров силы (Китая, России, Индии и т.д.) и аффилированные медиа (П.Э.Н.Ц.С);
- 5) политические элиты США и аффилированные медиа (П.Э.США).

Цели (3 уровень):

- 1) глобальный рынок (Глоб. Рын);
- 2) предсказуемая и стабильная модель мирового взаимодействия (Пр. и. Ст. М.);
- 3) сохранение культурного многообразия (С. Кул. Мн.);
- 4) независимая национальная политика, т.е. политика национальных интересов (Нез. Нац. П);
- 5) сокращение визовой нагрузки (Сок. Виз. Н).

В вопросе о будущей модели миропорядка существуют три сценария развития.

Сценарии развития (4 уровень):**1. Модель экономической глобализации.**

«Новая» модель глобализации, где инструменты экономического воздействия заменяют политические. Де-факто мир по-прежнему остается однополярным: США оставляет за собой право фактического вмешательства в отношения разных стран, право санкционного давления за несоблюдение их интересов, даже если субъектом этих отношений изначально США не являются. Экономическое давление — основной инструмент в руках гегемона.

2. Многополярная модель миропорядка.

Переход от однополярной модели к многополярной, от «большой деревни» под управлением «одного суверена» к политике совпадающих интересов, когда взаимодействия между странами происходят на основе собственной воли стран, без санкционной мотивации извне. Де-факто новые центры силы (Китай, Индия, Россия и др.), США и страны Европы приходят к принципиально иной модели миропорядка, в которой не на уровне деклараций, а фактически, интересы всех стран интегрированы в новый миропорядок соразмерно их политическому и экономическому весу.

3. Старая модель глобализации. Возвращение однополярной модели миропорядка, действующей в той или иной мере до последних событий, где США имеют фактическую возможность исключать из «глобальной деревни» страны, которые не желают пренебрегать своим суверенитетом в интересах гегемона. Основным инструментом в руках гегемона является не только и не столько экономическое давление, сколько исключение страны-нарушителя из социальной реальности. Примером такого исключения может служить «стратегия выдавливания» России из глобальной политики (после выступления Путина в Мюнхене в 2007 г.) и «стратегия исключения» (после присоединения Крыма и начала СВО). Подобный подход в политическом дискурсе стал именоваться как «культура отмены». Его следствием стало исключение России не только из экономического,

политического, но и гуманитарного пространства. При построении взаимосвязей получается следующая иерархия (рис. 1).

Далее будут представлены математические расчеты с комментариями, итогом которых станет иерархия с просчитанными альтернативами, т.е. с обозначенной приоритетностью той или иной альтернативы количественным образом.

Матрица попарных сравнений акторов с точки зрения фокуса. Чтобы распознавать логику вычислений табл. 1, необходимо зафиксировать следующие положения.

1. Проблема, обозначенная на 1 уровне иерархии, имеет различные альтернативы разрешения (4 уровень).

2. Акторы (2 уровень) имеют качественно разные возможности влияния на проблему (1 уровень), соответствующую неоднородность можно наблюдать в табл. 1. Изначально определяется степень влияния каждого актора на проблему, а затем представляются пропорции соотношения акторов между собой относительно данной проблемы. Например, наибольшее влияние на то, какая модель миропорядка ожидает мир в будущем, имеют политические элиты США и аффилированные медиа — значение «6», а наименьшее — гражданское общество — значение «1», соответственно соотношение 6/1. По аналогичному принципу рассчитываются остальные значения данного уровня иерархии (табл. 1).

Матрицы попарных сравнений целей с точки зрения акторов. Чтобы распознавать логику вычислений, отраженных в табл. 2–6, необходимо понимать следующее. На 3 уровне матрицы обозначены цели (интересы), в той или иной степени присутствующие у всех акторов (2 уровень), однако степень приоритетности той или иной цели у каждого актора разная. Например, для транснациональных корпораций наибольшим приоритетом обладает наличие глобальных рынков — значение «5», а наименьшим — возможности проведения независимой национальной политики — значение «1», соответственно соотношение 5/1. По аналогичному принципу рассчитываются остальные значения данного уровня иерархии. (табл. 2–6).

Матрицы попарных сравнений сценариев с точки зрения целей. Чтобы распознать логику вычислений табл. 7–11, необходимо понимать следующее. Обозначенные на 4 уровне матрицы альтернативы будущей модели миропорядка в разной степени ведут к реализации той или иной цели (3 уровень). Иными словами, если наделить субъектностью цели, то каждая из них, с позиции собственного интереса,

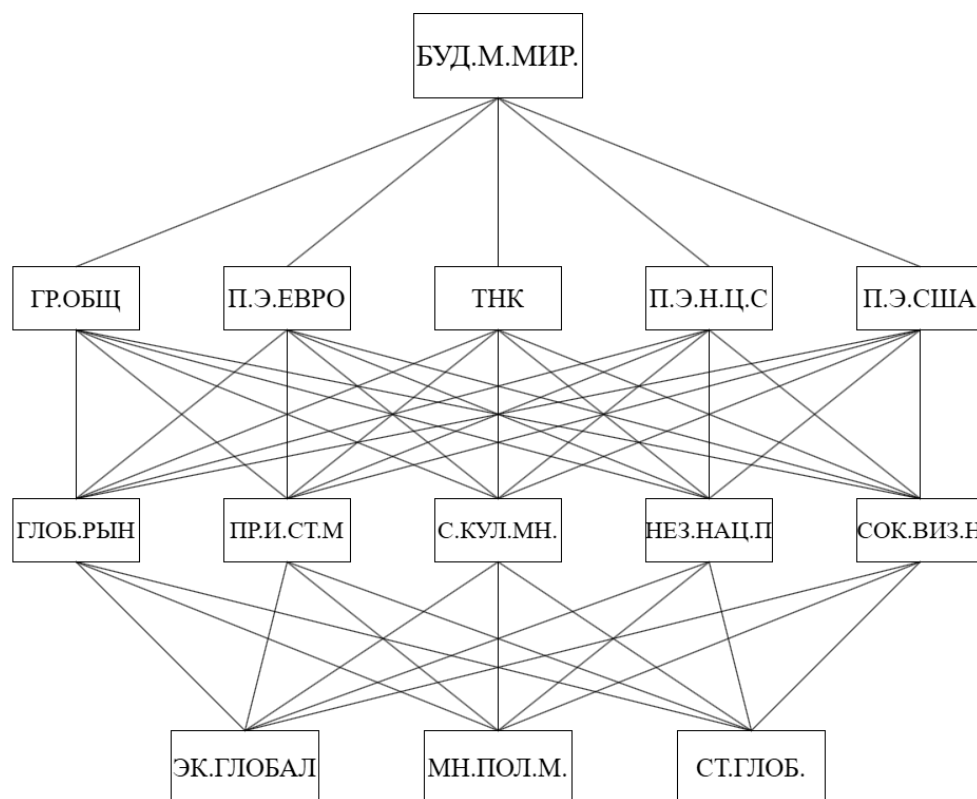

Рис. 1 / Fig. 1. Иерархия (до просчета альтернатив) / Hierarchy (before calculating alternatives)

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 1 / Table 1

Матрица попарных сравнений акторов с точки зрения фокуса / A matrix of pairwise comparisons of actors in terms of focus

Буд.М.Мир	Гр. Общ	П.Э. Евро	ТНК	П.Э.Н.Ц.С	П.Э.США
Гр. Общ	1	1/3	1/5	1/4	1/6
П.Э. Евро	3	1	1/3	1/2	1/4
ТНК	5	3	1	2	1/2
П.Э.Н.Ц.С	4	2	1/2	1	1/3
П.Э.США	6	4	2	3	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

Матрица попарных сравнений целей с точки зрения актора «Гр. Общество» / A matrix of pairwise comparisons of goals from the point of view of the actor "Gr. The Society"

Гр. Общ	Глоб. Рын	Пр. и. Ст. М.	С. Кул. Мн.	Нез. Нац. П	Сок. Виз. Н
Глоб. Рын	1	2	5	4	3
Пр. и. Ст. М.	1/2	1	4	3	2
С. Кул. Мн.	1/5	1/4	1	1/2	1/3
Нез. Нац. П	1/4	1/3	2	1	1/2
Сок. Виз. Н	1/3	1/2	3	2	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

**Матрица попарных сравнений целей с точки зрения актора «П.Э. Евро» /
A matrix of pairwise comparisons of goals from the point of view of the “P.E. Euro” actor**

П.Э.ЕВРО	Глоб. рын	Пр. и. Ст. М.	С. Кул. Мн.	Нез. Нац. П	Сок. Виз. Н
Глоб. Рын	1	1/2	3	2	4
Пр. и. Ст. М.	2	1	4	3	5
С. Кул. Мн.	1/3	1/4	1	1/2	2
Нез. Нац. П	1/2	1/3	2	1	3
Сок. Виз. Н	1/4	1/5	1/2	1/3	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

**Матрица попарных сравнений целей с точки зрения актора «ТНК» /
A matrix of pairwise comparisons of goals from the point of view of the TNK actor**

ТНК	Глоб. Рын	Пр. и. Ст. М.	С. Кул. Мн.	Нез. Нац. П	Сок. Виз. Н
Глоб. Рын	1	2	4	5	3
Пр. и. Ст. М.	1/2	1	3	4	2
С. Кул. Мн.	1/4	1/3	1	2	1/2
Нез. Нац. П	1/5	1/4	1/2	1	1/3
Сок. Виз. Н	1/3	1/2	2	3	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 5 / Table 5

**Матрица попарных сравнений целей с точки зрения актора «П.Э.Н.Ц.С.» /
The matrix of pairwise comparisons of goals from the point of view of the actor “P.E.N.Ts.S.”**

П.Э.Н.Ц.С.	Глоб. Рын	Пр. и. Ст. М.	С. Кул. Мн.	Нез. Нац. П	Сок. Виз. Н
Глоб. Рын	1	2	1/2	1/3	3
Пр. и. Ст. М.	1/2	1	1/3	1/4	2
С. Кул. Мн.	2	3	1	1/2	4
Нез. Нац. П	3	4	2	1	5
Сок. Виз. Н	1/3	1/2	1/4	1/5	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 6 / Table 6

**Матрица попарных сравнений целей с точки зрения актора «П.Э.США» /
The matrix of pairwise comparisons of goals from the point of view of the actor “P.E.USA”**

П.Э.США	Глоб. Рын	Пр. и. Ст. М.	С. Кул. Мн.	Нез. Нац. П	Сок. Виз. Н
Глоб. Рын	1	1/2	2	1/3	3
Пр. и. Ст. М.	2	1	3	1/2	4
С. Кул. Мн.	1/2	1/3	1	1/4	2
Нез. Нац. П	3	2	4	1	5
Сок. Виз. Н	1/3	1/4	1/2	1/5	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

расставит приоритетность той или иной альтернативы будущей модели миропорядка. Например, с точки зрения цели сохранения культурного многообразия, многополярная модель миропорядка наиболее привлекательная — значение «3», а возвращение же «старой» модели глобализации, наоборот, является наименее привлекательной альтернативой — значение «1», соответственно соотношение 3/1. По аналогичному принципу рассчитываются остальные значения данного уровня иерархии.

Таблица 7 / Table 7

Матрица попарных сравнений целей с точки зрения актора «Глоб. Рын» / A matrix of pairwise comparisons of goals from the point of view of the Global Market actor

Глоб. Рын	Эк.Глобал	Мн.Пол.М	Ст.Глоб.
Эк.Глобал	1	3	2
Мн.Пол.М	1/3	1	1/2
Ст.Глоб.	1/2	2	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 8 / Table 8

Матрица попарных сравнений сценариев с точки зрения цели «Пр. и. Ст. М.» / A matrix of pairwise comparisons of scenarios from the point of view of the goal “Pr.i.St.M.”

Пр.И.Ст.М.	Эк.Глобал	Мн.Пол.М	Ст.Глоб.
Эк.Глобал	1	1/2	2
Мн.Пол.М	2	1	3
Ст.Глоб.	1/2	1/3	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 9 / Table 9

Матрица попарных сравнений сценариев с точки зрения цели «С. Кул.МН.» / A matrix of pairwise comparisons of scenarios from the point of view of the goal of “S. Kul.MN.”

С.Кул.Мн.	Эк.Глобал	Мн.Пол.М	Ст.Глоб.
Эк.Глобал	1	1/2	2
Мн.Пол.М	2	1	3
Ст.Глоб.	1/2	1/3	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 10 / Table 10

Матрица попарных сравнений сценариев с точки зрения цели «Нез. Нац.П.» / A matrix of pairwise comparisons of scenarios from the point of view of the “Nez. National P” goal

Нез.Нац.П.	Эк.Глобал	Мн.Пол.М	Ст.Глоб.
Эк.Глобал	1	1/2	2
Мн.Пол.М	2	1	3
Ст.Глоб.	1/2	1/3	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 11 / Table 11

Матрица попарных сравнений сценариев с точки зрения цели «СОК.Виз.Н» / A matrix of pairwise comparisons of scenarios from the point of view of the “SOC goal.Visa.N”

Сок.Виз.Н	Эк.Глобал	Мн.Пол.М	Ст.Глоб.
Эк.Глобал	1	3	2
Мн.Пол.М	1/3	1	1/2
Ст.Глоб.	1/2	2	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

РЕШЕНИЕ

Шаг 1. Анализ матрицы попарных сравнений акторов.

Имеем матрицу попарных сравнений акторов:

1	1/3	1/5	1/4	1/6
3	1	1/3	1/2	1/4
5	3	1	2	1/2
4	2	1/2	1	1/3
6	4	2	3	1

Столбец приоритетов (собственный приближенный столбец):

0,047789
0,102322
0,266567
0,164277
0,419045

Индекс согласованности матрицы ИС = 0,024 65 (~ 2%) означает, что матрица согласована.

Шаг 2. Оценка значимости целей для фокуса с точки зрения акторов.

В результате анализа матриц попарных сравнений целей с точки зрения каждого из пяти имеющихся у нас акторов получаем собственные столбы, или столбы приоритетов:

(а) Анализ целей с точки зрения актора «Гр. Общество»:
ИС матрицы = 0,017009 (~2%), значит, матрица согласована.

Столбец приоритетов:

0,417419
0,263374
0,061504
0,097476
0,160227

(б) Анализ целей с точки зрения актора «П.Э. Евро»:
ИС = 0,017009 (~2%), значит, что матрица согласована.

Столбец приоритетов:

0,263374
0,417419
0,097476
0,160227
0,061504

(в) Анализ целей с точки зрения актора «ТНК»:
ИС = 0,017009 (~2%), значит, что матрица согласована.

Столбец приоритетов:

0,417419
0,263374
0,097476
0,061504
0,160227

(г) Анализ целей с точки зрения актора «П.Э.Н.Ц.С»:
ИС = 0,017009 (~2%), значит, что матрица согласована.

Столбец приоритетов:

0,160227
0,097476
0,263374
0,417419
0,061504

(д) Анализ целей с точки зрения актора «П.Э.США»:

ИС = 0,017009 (~2%), значит, что матрица согласована.

Столбец приоритетов:

0,160227
0,263374
0,097476
0,417419
0,061504

Матрицу из столбцов приоритетов акторов умножаем на столбец приоритетов акторов:

0,417419	0,263374	0,417419	0,160227	0,160227		0,047789
0,263374	0,417419	0,263374	0,097476	0,263374		0,102322
0,061504	0,097476	0,097476	0,263374	0,097476	*	0,266567
0,097476	0,160227	0,061504	0,417419	0,417419		0,164277
0,160227	0,061504	0,160227	0,061504	0,061504		0,419045

Получим столбец приоритетов, оценивающий значимость каждой из целей через значимость акторов для фокуса «Будущее стратегии»:

0,251631
0,251883
0,123010
0,280938
0,092538

Шаг 3. Оценка значимости сценариев для фокуса с точки зрения целей с учетом значимости акторов.

В результате анализа матриц попарных сравнений сценариев получаем столбцы приоритетов:

(а) Анализ сценариев с точки зрения цели «Глоб. Рын»:

ИС = 0,004601 (<1%), значит, что матрица согласована.

0,539615
0,163424
0,296961

(б) Анализ сценариев с точки зрения цели «Пр. И.СТ. М.»:

ИС = 0,004601 (<1%), значит, что матрица согласована.

0,296961
0,539615
0,163424

(в) Анализ сценариев с точки зрения цели «С. Кул.Мн.»:

ИС = 0,004601 (<1%), значит, что матрица согласована.

0,296961
0,539615
0,163424

(г) Анализ сценариев с точки зрения цели «Нез.Нац.П.»:

ИС = 0,004601 (<1%), значит, что матрица согласована.

0,296961
0,539615
0,163424

(д) Анализ сценариев с точки зрения цели «СОК.Виз.Н.»:

ИС = 0,004601 (<1%), значит, что матрица согласована.

0,539615
0,163424
0,296961

Матрицу из полученных в данном шаге собственных приближенных столбцов умножим на столбец приоритетов, оценивающий значимость целей для фокуса с точки зрения акторов (итоговый столбец в шаге 2):

0,539615	0,296961	0,296961	0,296961	0,539615		0,251631
0,163424	0,539615	0,539615	0,539615	0,163424	*	0,251883
0,296961	0,163424	0,163424	0,163424	0,296961		0,123010
						0,280938
						0,092538

Получим столбец, характеризующий значимость сценариев с точки зрения целей и значимости акторов для фокуса:

0,380475
0,410141
0,209383

Результат. С учетом полученных показателей значимости для фокуса иерархия примет новый вид (рис. 2).

МАИ показал, что наиболее вероятной альтернативой является многополярная модель миропорядка (41%), на втором месте, с небольшим отставанием в 3% следует модель экономической глобализации (38%), на третьем месте — возвращение предыдущей модели миропорядка (21%).

Математические подсчеты, основанные на экспертных оценках, несомненно, внушают доверие, но лишь применительно к идеальной ситуации, где качественная математическая модель без каких-либо трудностей переносится в «конструированную» реальность. Однако на практике все не так просто. Что делать с 14 апреля 1865 г. (убийство Авраама Линкольна) или с 22 ноября 1963 г. (убийство Джона Кеннеди)? Подобные события именуются «черными лебедями». Дело об убийстве Кеннеди было открыто нынешним президентом США Дональдом Трампом, проводящим, с точки зрения политического класса и экономической элиты, неоднозначную политику. Появление подобного «черного лебедя» (судьба Дж. Кеннеди) может привести к провалу политики современной администрации как внутри страны, так и не достижению договоренностей относительно модели миропорядка. Это, в свою очередь, создаст окно возможностей для возвращения к власти демократов и реверсивному

движению политики к прошлой версии глобализации, которая в данный момент пребывает в стагнации. Поэтому, несмотря на вероятность в 21%, не стоит списывать со счетов тенденцию возвращения к старой модели миропорядка.

При нормальном распределении «черные лебеди», хотя и являются непредсказуемыми, но, в целом, имеют небольшой вес: так как их удельный вес пропорционально общему — небольшой. Проблема современной политической реальности в том, что она уже не относится к Средневековью, где их вес был бы не столь велик. Политика сегодня — Крайневековье — пространство, где «черные лебеди» — типичные обитатели этой реальности. В ней нет привычных средних значений, все значения нестандартные, а потому то, что ранее было ненормальным — единственная форма нормальности в новой реальности.

В этой специфике современной политической реальности кроется ответ на вопрос, обозначенный в начале статьи: «Почему цифровизация управления не приводит к радикальному росту качества управления за счет появившихся возможностей просчета различных сценариев развития событий и новых возможностей выявления оптимального решения?» Не умаляя достижений человечества в этом направлении, цифровые инструменты являются более продвинутыми алгоритмами, нежели их прошлые версии, но все же программами, прописанные людьми. «Слепые» зоны тех, кто их пишет, приводят к тиражированию слепых зон внутри самих алгоритмов. Помимо этого, остается пробле-

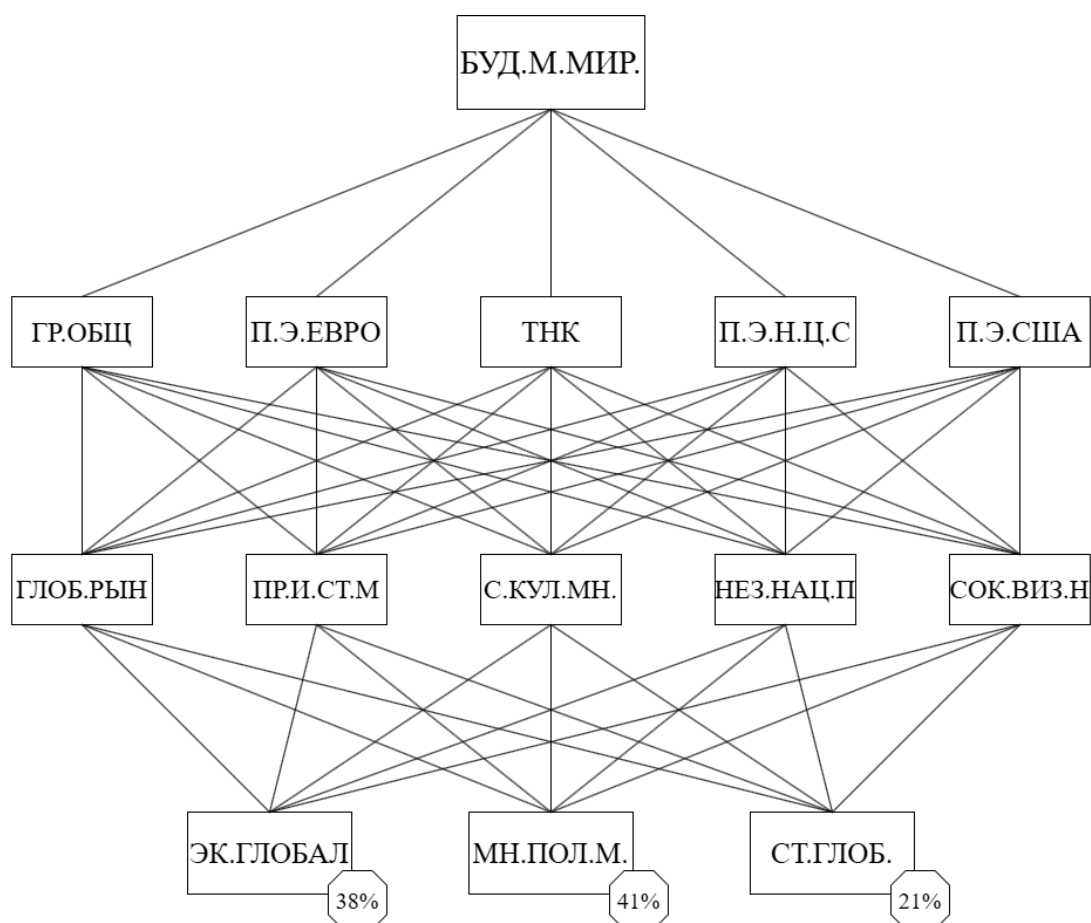

Рис. 2 / Fig. 2. Иерархия (после просчета альтернатив) / Hierarchy (after calculating the alternatives)

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ма, связанная с акцентированием внимания на зонах, которые «черные лебеди» уже покинули в надежде, что это и есть то злосчастное место, приглядывая за которым можно избежать появления новых лебедей. Алгоритмы, призванные на помощь экспертам, анализируя большие объемы данных, лишь усугубляют эту своеобразную ошибку выжившего. Взгляд эксперта становится еще более замыленным и узконаправленным. Таким образом, создается еще более обширное пространство для реализации деструктивно направленных «черных лебедей».

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Обобщая все вышесказанное, использование цифровых математических инструментов предоставляет обществу новые возможности:

- 1) повышение эффективности (за счет оптимизации процессов и сокращения издержек);
- 2) рост уровня обоснованности принимаемых решений (за счет формализации сложных задач, симуляции последствий принятых решений);

3) повышение прозрачности и подотчетности (за счет математической формы представления информации, т.е. формы, поддающейся подсчету незаинтересованным обывателем, и роста возможностей аудита алгоритмов и моделей выработки и принятия решений);

4) качественно иной уровень информированности, ведущий к повышению степени контакта с реальностью, а не с представлениями о ней, усиливающий возможность роста качества управления;

5) поддержка в условиях неопределенности, благодаря использованию стохастических (аналоговых) моделей, теории вероятностей, теории рисков, которые позволяют учитывать множественные сценарии развития событий;

6) улучшение планирования и прогнозирования за счет применения диагностических и прогностических моделей в сферах демографии, здравоохранения, экономики;

7) цифровизация и автоматизация, благодаря использованию алгоритмов и ИИ, что снижает нагрузку на государственных служащих в осуществлении рутинных задач.

При этом не стоит забывать, что процесс внедрения математических моделей несет с собой и риски:

1. Неадекватность отражения реальности, проявляющаяся в изобилии упрощений и допущений в математических моделях может приводить к значительным искажениям реальности. Эти данные, выступая отправной точкой принятия решений, могут привести к негативным последствиям (некорректные параметры в модели бюджета способны усилить социальное неравенство).

2. Недостаток или низкое качество данных способны дискредитировать модель. Проблема заключается в том, что анализ больших данных предполагает, что аналитик взаимодействует не напрямую со всем массивом данных, а с информацией, полученной в результате его первичной обработки. Если качество исходных данных сомнительно, то и решения, предлагаемые на ее основе, будут не релевантными. Иной раз уровень искажения настолько велик, что не поддается идентификации средствами их выявления, поскольку порочна вся структура данных. Например, скандалы с последней переписью населения в Москве и других регионах*, где опросы населения проводились «дистанционно». В результате повсеместного использования подобного формата опроса закономерным является вопрос: «Получены данные с некоторыми искажениями или же получены искажения с некоторыми данными?»

3. Излишняя технократизация приводит к тому, что решения могут игнорировать социально-политические и гуманитарные аспекты (например, мнение граждан, их культурные различия [6]).

4. Отсутствие прозрачности и наличие «черных ящиков» — сложные модели ИИ и машинного обучения трудны для интерпретации.

5. Этические и правовые риски.

6. Кадровые и институциональные барьеры. Внедрение ИИ-инструментов требует высокого уровня квалификации специалистов/разработчиков, привлечение которых на условиях зарплат государственных служащих труднореализуемо.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Метод анализа иерархий может выступать средством поиска оптимального согласованного решения в том случае, если содержательная часть (расстановка коэффициентов) является результатом консенсуса заинтересованных сторон. Применим в модели три-

партизма государства, бизнеса и наемных рабочих, в патронажной модели государства и общества и т.д.

2. Математические инструменты, МАИ в частности, являются эффективным инструментом в принятии оптимальных решений в конкретных ситуациях или выявлении трендов.

3. МАИ крайне зависим от когнитивных способностей ЛПР и экспертов, ранжирующих значения на каждом уровне иерархии.

4. Использование математических инструментов может порождать односторонний взгляд на проблему ввиду акцента внимания на изначально заложенных в них переменных. При этом расширение неучтенного пространства снижает не только релевантность найденного «оптимального» решения, но и увеличивает окно возможностей для появления «черных лебедей».

5. В условиях нормального распределения (Среднестана) МАИ, как и иные математические инструменты, обладают более высокой эффективностью, причиной которой является стабильность реальности.

6. В условиях Крайнестана, где реальность благоприятна для появления «черных лебедей», МАИ, как и иные инструменты, используются скорее в режиме at hoc. Так как почти каждая ситуация нестандартная, то она требует конкретной конфигурации математических инструментов, которая не будет релевантна для иного случая.

Нерелевантность решений, предложенных МАИ, возникает по следующим причинам:

1. Некорректная информация, входящая в математическую модель.

2. Неспособность алгоритмов учитывать всю специфику реальности. Это приводит к «зазорам» между реальностью и информацией о ней после первичной обработки, поскольку большие объемы данных изначально обрабатываются алгоритмами и лишь затем экспертами.

3. МАИ вычисляет оптимальное решение без учета вероятности «черных лебедей», находясь исключительно в рамках заложенных в него значений.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявленном прогностическом потенциале использования математических инструментов как средств преодоления неопределенности, в распознанных возможностях и рисках использования таких инструментов.

Одним из основных потенциально важных и заслуживающих внимания итогов исследования является методология использования конкретного математического инструмента – метода анализа иерархий в диагностике и прогнозировании процесса и последствий принятия управленческих решений.

* Адамович О. Как прошла всероссийская перепись населения? URL: <https://www.kp.ru/daily/28346/4493132/>

Одним из основных потенциально дискуссионных моментов исследования выступает проблема репрезентативности экстраполяции выводов, основанных на анализе конкретного математического инструмента – метода анализа иерархий. Однако, тот факт, что метод иерархий с точки зрения специфики повторяет общий тренд математических моделей, а именно: вероятностный характер, работа с идеальными моделями и алгоритмизация, приводит к мысли о том, что серьезных обозримых

факторов, способных привести к качественно иным выводам в случае анализа иных кейсов, не представляется.

Дальнейшим направлением научного поиска для будущих исследователей, связанного с инкорпорацией математических инструментов в политическую науку как средств сокращения неопределённости, может выступать разработка критериев оптимальности математического инструмента анализа ситуации перманентной неопределённости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Valle-Cruz D., Gil-Garcia J., Almazan R. Artificial intelligence algorithms and applications in the public sector: A systematic literature review based on the PRISMA approach. *Research Handbook on Public Management and Artificial Intelligence*. 2024;8–26. DOI: 10.4337/9781802207347.00010
2. Downey Brill E. The use of optimization models in public-sector planning. *Management Science*. 1979;25(5):413–422. URL: <https://www.jstor.org/stable/2630272>
3. Graaf S. In waze we trust: Algorithmic governance of the public sphere. *Media and Communication*. 2018;6(4):2–8. DOI: 10.17645/mac.v6i4.1710
4. Лосева Н.В., Полковников А.А., Логинова Е.В., Калинин А.П. Оценка реализации публичного управления в регионах России на основе математических методов моделирования. *Региональная экономика и управление*. 2017;51(3):2–6. URL: <https://eee-region.ru/article/5106/>
5. Подкин К.И., Назарова Ю.А. Математическое моделирование управления организационными проектами. *Вестник РУДН*. 2025;26(1):52–62. DOI: 10.22363/2312-8143-2025-26-1-52-62
6. Мухаев Р.Т., Чубаров А.И. Культурные контексты цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ Западной и Восточной моделей. *Журнал политических исследований*. 2024;8(2):42–58. DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-2-42-58

REFERENCES

1. Valle-Cruz D., Gil-Garcia J., Almazan R. Artificial intelligence algorithms and applications in the public sector: A systematic literature review based on the PRISMA approach. *Research Handbook on Public Management and Artificial Intelligence*. 2024;8–26. DOI: 10.4337/9781802207347.00010
2. Downey Brill E. The use of optimization models in public-sector planning. *Management Science*. 1979;25(5):413–422. URL: <https://www.jstor.org/stable/2630272>
3. Graaf S. In waze we trust: Algorithmic governance of the public sphere. *Media and Communication*. 2018;6(4):2–8. DOI: 10.17645/mac.v6i4.1710
4. Loseva N. V., Polkovnikov A. A., Loginova E. V., Kalinin A. P. The assessment implementation of public administration in the Russian's regions on the basis of the mathematical model approach. *Regional economy and management*. 2017;51(3):2–6. URL: <https://eee-region.ru/article/5106/> (In Russ.).
5. Podkin K. I., Nazarova Yu. A. Mathematical modeling of organizational project management. *Vestnik RUDN*. 2025;26(1):52–62. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8143-2025-26-1-52-62
6. Mukhaev R. T., Chubarov A. I. Cultural contexts of digital transformation of public administration: A comparative analysis of Western and Eastern models. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 2024;8(2):42–58. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-2-42-58

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Рашид Тазитдинович Мухаев — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Rashid T. Mukhaev — Dr. Sci. (Political), Prof., Prof. of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5607-8323>
 muhaev_r@mail.ru

Артем Игоревич Чубаров — аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Artem I. Chubarov — PhD student of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0003-1079-211X>

Автор для корреспонденции / Corresponding Autor:

chubarov-artem98@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 28.09.2025; accepted for publication on 07.10.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Экономическое развитие БРИКС: роль центральных банков в формировании валютной политики

Е.А. Васюков

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Центральные банки играют ключевую роль в достижении долгосрочных целей экономического роста посредством инструментов валютной политики. Современные экономические условия требуют переосмысления классических подходов к регулированию валютных рынков, особенно в свете глобальных финансовых кризисов. Страны БРИКС накопили уникальный опыт эффективного использования валютных инструментов для поддержки устойчивых темпов роста своих экономик. **Цель** настоящей статьи: оценить валютную политику стран БРИКС с точки зрения влияния на рост национальных экономик. **Методы:** сравнительно-исторический анализ и анализ case-study. Результаты: выявлены наиболее эффективные меры, которые позволили обеспечить стабильность национальных валют и поддерживать экономическую устойчивость для реализации долгосрочных целей роста национальных экономик стран БРИКС: для Китая наилучшие результаты показали интервенции и административные меры контроля за конвертируемостью юаня; Индия, применяя комбинированные меры – интервенции и изменение ставок – сумела снизить уровень волатильности; Бразилия наиболее успешно действовала через операции на спотовом рынке и программы валютных свопов; валютная политика ЮАР подтвердила необходимость практики накопления резервов; в России сочетание интервенций и более жестких мер контроля позволило значительно быстрее стабилизировать курс. Для российской экономики предлагается комплекс мер управления обменным курсом, основанный на опыте стран БРИКС: интервенции через государственные банки, использование деривативов и валютных свопов (как в Бразилии), периодическое вмешательство в ценообразование при низкой волатильности для стимулирования притока инвестиций (как в Индии), контроль торговых потоков и административные меры (как в Китае). Анализ показывает, что сочетание прямых и косвенных инструментов снижает волатильность, укрепляет доверие инвесторов и повышает устойчивость валютных режимов. Китай и Бразилия демонстрируют сокращение времени стабилизации курса при внешних шоках, тогда как Индии требуется более длительный период корректировки, а валюты ЮАР и Бразилии остаются наиболее уязвимыми. Эффективность политики определяется масштабом интервенций и способностью центрального банка быстро и независимо реагировать на изменяющиеся условия, что критически важно для долгосрочной экономической устойчивости. **Ключевые слова:** валютный курс; интервенции; валютный режим; темпы роста; международная торговля; внешняя и внутренняя политика; прямые иностранные инвестиции

Для цитирования: Васюков Е.А. Экономическое развитие БРИКС: роль центральных банков в формировании валютной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):19-33. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-19-33

ORIGINAL PAPER

BRICS Economic Development: The Role of Central Banks in Shaping Monetary Policy

E.A. Vasyukov

Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Central banks play a key role in achieving long-term economic growth goals through currency policy instruments. Modern economic conditions require a rethink of classical approaches to regulating foreign exchange markets, especially in the light of global financial crises. The BRICS countries have accumulated a unique experience in the effective use of currency instruments to support the sustainable growth of their economies. The purpose of this article is to evaluate the currency policy of the BRICS countries in terms of its impact on the growth of national economies. Methods: comparative historical analysis and case-study analysis. Results: the most effective measures have been identified that have made it possible to ensure the stability of national currencies and maintain economic stability in order to achieve the long-term growth goals of

the national economies of the BRICS countries: For China, interventions and administrative controls over the convertibility of the yuan have shown the best results; India, using combined measures – interventions and rate changes – has managed to reduce volatility; Brazil has been most successful through spot market operations and currency swap programs.; South Africa's monetary policy has confirmed the need for reserve accumulation; in Russia, a combination of interventions and stricter controls has allowed for a much faster stabilization of the exchange rate. A set of exchange rate management measures based on the experience of the BRICS countries is proposed for the Russian economy.: interventions through state-owned banks, the use of derivatives and currency swaps (as in Brazil), periodic intervention in low-volatility pricing to stimulate investment inflows (as in India), trade flow control and administrative measures (as in China). The analysis shows that the combination of direct and indirect instruments reduces volatility, strengthens investor confidence and increases the stability of currency regimes. China and Brazil show shorter time to stabilize the exchange rate in the face of external shocks, while India requires a longer adjustment period and the currencies of South Africa and Brazil remain the most vulnerable. The effectiveness of policy is determined by the scale of intervention and the ability of the central bank to respond quickly and independently to changing conditions, which is critical for long-term economic sustainability.

Keywords: exchange rate; interventions; currency regime; growth rates; international trade; foreign and domestic policy; foreign direct investment

For citation: Vasyukov E.A. BRICS economic development: The role of central banks in shaping monetary policy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):19-33. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-19-33

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. мировая экономика регулярно переживает кризисы, что показало необходимость поиска новых моделей роста для преодоления структурных проблем. Валютная политика как комплекс мероприятий, проводимых государством с целью воздействия на валютный курс, оказывает значительное влияние на темпы экономического роста национальных экономик через воздействие на темпы инфляции, объемы экспорта и импорта товаров и услуг, приток иностранных инвестиций.

Регуляторы в Китае, Индии, Бразилии и Южной Африке используют широкий арсенал инструментов валютной политики для достижения целей национальных экономик. При этом поскольку каждая из этих стран, обладая уникальным набором внешних и внутренних факторов, в определенные периоды успешно справлялась с последствиями внешней финансовой дестабилизации, такой опыт представляет особую ценность для России в текущих условиях экономической неопределенности. Каждая из этих стран успешно преодолевала финансовые кризисы благодаря набору уникальных внешних и внутренних факторов, и этот опыт ценен для России в условиях нынешней экономической нестабильности.

В связи с этим в исследовании ставится цель — оценить валютную политику стран БРИКС с точки зрения влияния на рост национальных экономик и достижения целей национального развития в области экономики, применимых для России, и выявить наиболее эффективные меры валютной политики для стабилизации курсов валют и обеспечения роста.

Воздействие валютной политики на экономический рост реализуется через несколько взаимосвязанных каналов: стабильность обменного курса снижает неопределенность во внешней торговле

и инвестициях, позволяя компаниям планировать долгосрочные контракты и привлекать капитал без риска резких колебаний [1]; скоординированная с другими мерами валютная политика влияет на инфляционные ожидания, сохраняя покупательную способность национальной валюты и снижая издержки бизнеса, что поддерживает уровень инвестиций и потребления [2]; управление курсом укрепляет международную конкурентоспособность: политика, удерживающая конкурентный уровень валюты, стимулирует экспорт и одновременно обеспечивает доступ к импортируемым технологиям [3]; предсказуемая макроэкономическая среда усиливает доверие инвесторов и способствует устойчивому притоку капитала, что в сумме оказывает мультипликативный эффект на рост ВВП в долгосрочном периоде [3].

Анализ роли валютной политики в достижении целей национального развития стран БРИКС является важной составляющей современных исследований в области макроэкономики и международных финансов. А представители Международного валютного фонда (МВФ) указывают на необходимость учета особенностей каждой конкретной страны при разработке соответствующих рекомендаций¹.

Ученые отмечают, что выбор подходящего типа валютного режима оказывает существенное воздействие на развитие внешнеэкономических связей и инвестиционные потоки [4]; оценивают влияние валютной политики на стабильность внешней торговли; утверждают, что грамотная настройка валютного курса позволяет повысить эффективность экспортных операций и усилить позицию страны на междуна-

¹ IMF Advice on Unconventional Monetary Policies to Emerging Markets in Asia. International Monetary Fund. URL: <https://www.ecgnet.org/document/imf-advice-unconventional-monetary-policies>

родном рынке, а заниженный курс стимулирует экспорт, обеспечивая дополнительный источник роста [5]. Помимо торговой составляющей, специалисты акцентируют внимание на инвестиционной привлекательности, приводят доказательства того, что низкая волатильность валютного курса привлекает прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и снижает стоимость заимствования для отечественных производителей. Соответственно, они полагают, что правильно выстроенная валютная политика помогает увеличить приток капитала и укрепить экономику [6].

Анализируя методы оценки результативности применения инструментов, можно выделить следующие:

1) конвертируемость валюты как один из ключевых способов снижения транзакционных издержек в торговле [7];

2) наличие и объем золотовалютных резервов позволяет говорить о способностях центрального банка бороться с волатильностью валюты [8];

3) значимость интервенций и их роль в успешности применения в зависимости от структуры экономик [9, 10];

4) низкий уровень инфляции и сбалансированный валютный курс обеспечивают благоприятные условия для привлечения инвестиций и поддержки отечественного бизнеса (в разрезе оценки особенностей российской валютной политики) [11];

5) комплексный подход к управлению валютной политикой, учитывающий интересы всех секторов экономики, где меры валютного регулирования направлены на повышение устойчивости национальной экономики перед внешними шоками и защиту от негативных эффектов колебания валютных интервенций [12].

Также заслуживает внимания работа Е.Л. Горюнова об особенностях валютной политики России в условиях глобальных экономических вызовов, где подчеркивается, что продуманная валютная политика позволяет минимизировать негативные последствия кризиса и создать условия для восстановления экономического роста [13].

Вместе с тем выявлено, что в литературе уделяется недостаточно внимания сравнению опыта использования инструментов валютной политики группы БРИКС, что подчеркивает актуальность данного исследования.

МЕТОДЫ

Анализ теоретических и практических исследований показывает: для эффективной оценки влияния валютной политики на развитие страны необхо-

дим комплексный подход, объединяющий методы микро- и макроэкономики, финансовой теории и международной политики.

Кейс-стади результатов проведения валютной политики каждой из стран БРИКС опирается на анализ официальных публикаций центральных банков и правительств всех стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и их многолетние планы развития. Для выделения основных инструментов валютных политик стран БРИКС проанализированы уставные документы релевантных институтов, отвечающих за использование инструментов валютной политики.

Для каждой страны выделены критические фазы трансформации валютной политики, сопоставимые по значимости (например, периоды перехода от жесткого курса к плавающему, кризисные стимулы, волатильность потоков капитала). По каждой фазе сопоставляются структурные особенности экономики и используемые инструменты воздействия на валютный курс. Такой подход позволяет выявить и оценить их эффективность в достижении национальных целей роста и стабильности.

Сравнительный анализ валютных режимов и применяемых инструментов базируется на институциональных особенностях экономик: показано, какие модели управления курсом и инструменты (и их сочетания) более адекватны, например, для экономик с разной долей экспортно-ориентированных секторов, ресурсных монополий или развивающегося частного потребления. Это позволит выявить оптимальные практики для расчета координированных мер в рамках сближения в валютной сфере и сделать выводы о трансферности каждого подхода.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

1. Китай

С середины 90-х гг. Китай проводит экономическую политику, основной целью которой был рост промышленного производства и трудоемких торгуемых отраслей. Для достижения конкурентного преимущества экспорта необходимо было сдерживать рост заработных плат в валюте и обеспечить рост предложения труда (и соответствующую занятость). Для сохранения контроля использовалась жесткая фиксация валютного курса на целевом уровне, определявшемся государством. Поэтому вплоть до 2005 г. курс юаня оставался почти неизменным, а благодаря быстрому росту производства накапливались золотовалютные резервы. Подобная

политика предполагала намеренное ущемление внутреннего потребления (через импорт) в пользу роста экспорта².

Мировой спрос на китайские товары обеспечивал инвестиции в экспортоориентированную промышленность, что позволяло добиваться стабильных темпов роста выше 10% вплоть до 2011 г. (рис. 1–7).

В последующие годы происходило постепенное снижение темпов роста, когда предыдущие источники (строительство инфраструктуры, недвижимость и экспортоориентированное производство) стали иссякать. Противодействие сокращению темпов роста экономики было заложено в государственных программах. В рамках 5-летнего плана национального развития на 2016–2020 гг. были поставлены цели расширения экспорта и стимулирования притока иностранных инвестиций, а также увеличения использования юаня в международной торговле. Цель по росту ВВП в реальном выражении составила 6,5%; как и в предыдущий период, сохранение устойчивых темпов роста экономики стало главной целью экономической политики и фундаментом для сохранения доверия к текущему правительству. План на следующие 5 лет (2021–2025) не включал конкретное значение темпов роста ВВП, при этом обозначалось, что необходимы высокие темпы роста для обеспечения выполнения стратегии 2035 и обещания правительства удвоить размер экономики к 2035 г. (что предполагало рост ВВП в среднем на более 5% в течение 15 лет)³. Также подчеркивались прошлые цели, связанные с углублением финансовых рынков и увеличением использования юаня в международной торговле.

Для контроля за волатильными потоками капитала после 2015 г. успешно применялись инструменты непрямого воздействия на валютный курс: в период оттока капитала или девальвационного давления на юань увеличивалась норма резервирования по форвардному валютному риску (до 20%), использовались дополнительные резервы на валютные депозиты иностранных компаний и вводились антициклические поправочные коэффициенты; в период притока капитала или ожиданий укрепления курса предыдущие меры отменялись / возвращались к изначальным зна-

чениям (поправочный коэффициент стал нейтральным, ставка резервов валютного форварда опустилась до 0), а также ослаблялись меры контроля за притоком валюты. Народный Банк Китая (НБК) пытался контролировать приток спекулятивного капитала за счет изменения к требованиям по риск-менеджменту (особенно по валютным займам), блокируя возможности привлечения излишнего финансирования в периоды бума, а также снижая эти требования в ситуации низкой ликвидности. Применение данных инструментов в короткие сроки позволило снизить волатильность курса и вернуть экономику к темпам роста выше 7%.

В рамках реформ Китай перемещался от цели усиления конкурентоспособности товаров к формированию баланса на внутреннем рынке (достижение целевого уровня курса) и макроэкономической стабильности. Этот процесс подразумевал постепенный отказ от жесткого контроля за валютным курсом и получением торговых преимуществ в пользу усиления открытости и интеграции в мировые производственные цепочки. Позитивным моментом стала контролируемая либерализация, позволившая снизить напряжение с основными торговыми партнерами. Данные шаги позволили избежать еще более сильного падения темпов роста после ввода ограничений на китайский импорт в 2018–2019 гг., опустившись до 6–7%⁴.

НБК накопил большой опыт интервенций. Перед пандемией он перестал использовать собственные резервы, действуя через государственные банки. Это решение связано с тем, что торговые партнеры внимательно следили за действиями НБК и пытались политически ограничить его интервенции. Вместе с покупкой/продажей валюты эффективно работали валютные деривативы, которые не только позволяли хеджировать риски, но и воздействовать на курс участников рынка через ожидания.

Активное использование этих инструментов позволило не допустить перегрева экономики во время инвестиционного бума в 2020–2021 гг., сохранив высокие темпы роста экономики за счет притока долгосрочных инвестиций.

Выбранный Китаем режим валютного курса имеет свои преимущества и недостатки: с одной стороны, он, так же как и другие политики, не является гибким инструментом с возможностью подстройки

² Morrison W., Labonte M. China's Currency Policy: An Analysis of the Economic Issues. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/321319539_China's_currency_policy_An_analysis_of_the_economic_issues

³ National Development and Reform Commission. Report on the Implementation of the 2015 Plan for National Economic and Social Development and on the 2016 Draft Plan for National Economic and Social Development. Beijing: 2016. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm

⁴ Asian Development Bank. The 14th Five-Year Plan of the People's Republic of China — Fostering High-Quality Development. Manila, Philippines: 2021. DOI:10.22617/brf210192-2 URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-14th-Five-Year-Plan-of-the-People's-Republic-of/dc2f35882347207547b3cb8c4582829efd1ab9af>

под конкретные условия и требует синхронизации с другими инструментами, с другой — снижает дестабилизирующее воздействие внешних факторов за счет ограничений краткосрочных потоков капитала, ограничений на кредитование китайскими банками иностранцев и коротких продаж валюты. В целом такая стратегия позволила привлечь долгосрочный иностранный капитал, при этом поддерживая идеи либерализации за счет коммуникаций и осторожных шагов НБК.

2. Индия

До мирового финансового кризиса 2008 г. индийская экономика росла высокими темпами (более 8%), инфляция стабильно находилась на уровне не более 6%, дефицит текущего счета не превышал 3,5% ВВП, проводилась либерализация операций с капиталом, объем резервов дошел до 300 млрд долл. Рост исходящих инвестиций, экспорта и потребления способствовал формированию устойчивой диверсифицированной экономики. Несмотря на зависимость от импорта нефти и оборудования, страна сохраняет стабильность при внешних и внутренних потрясениях. При этом в целях национального развития на 2007–2012 гг. определялась цель роста ВВП на уровне 9%, что было достигнуто, но экономика имела тенденцию к быстрому перегреву, что выразилось в росте инфляции выше 10%. Поэтому в следующей Программе национального развития 2012–2017 гг. уточнялась цель по возврату инфляции в целевой коридор, а также отмечалась необходимость усиления роста экономики с темпами выше китайских (8%) вместе с сохранением дефицита текущего счета на уровне не выше 3–4%⁵.

После 2018 г. основная цель развития — ВВП в 5 трлн долл. к 2025 г., что предполагало средние темпы роста на уровне 7,4% и достижения цели по инфляции в 4% (с недопущением девальвации рупии более чем на 2%)⁶. Обновленная цель в 5 трлн долл. ВВП относится уже к концу 2028 г., что означает средние темпы роста ВВП 8,2% при сохранении инфляции и девальвации внутри ранее обозначенных рамок. Кроме того, несмотря на высокие темпы роста и приверженность реформам, индийскую экономику

тормозят структурные факторы⁷. Сложная и неэффективная система налогообложения создает риски для бюджета, слабый контроль за социальной сферой снижает эффективность труда, высокая доля государственных компаний ухудшает производительность и адаптивность экономики, сохраняется высокая степень коррупции.

Несмотря на замедление общемировых темпов роста, Индия показывала устойчивые и высокие темпы роста, временно опередив Китай по скорости развития. Однако в период 2017–2020 гг. темпы роста начали снижаться, и только после пандемии экономика смогла начать расти выше 8% в год, что соответствовало национальным целям, при этом оставался открытым вопрос устойчивости таких темпов роста. Благодаря валютной политике удалось предотвратить неконтролируемое падение курса рупии, а использование деривативов помогло сохранить резервы. Однако два фактора осложняли ситуацию: высокий уровень инфляции и значительный бюджетный дефицит. Это ограничивало возможности Резервного банка Индии (РБИ) по стимулированию роста экономики. Дополнительные проблемы создавало снижение экспорта и рост цен на нефть, что ухудшало платежный баланс. РБИ не мог стабилизировать рупию из-за растущего дефицита. Высокие мировые цены на сырье сохраняли инфляционные риски и вели к постепенной девальвации национальной валюты.

Чтобы сохранить гибкость валютной политики, РБИ оставил некоторые административные ограничения: неполную конвертируемость валюты и лимиты на операции с капиталом. Это позволило банку быстро вводить количественные ограничения на валютные операции и сделки с иностранным капиталом.

Ограничения и активная скупка валюты привели к девальвации рупии, что затруднило приток инвестиций и финансирование местных компаний.

Снижение ограничений на внешнее валютное финансирование помогло компенсировать дефицит ликвидности и стабилизировать курс.

Будучи нетто-получателем инвестиций благодаря внутреннему рынку и высоким ставкам, Индия испытывала давление на курс в сторону укрепления. Резервный банк Индии (РБИ) проводил интервенции против укрепления рупии, сохраняя резервы и стимулируя экспорт.

В период 2014–2021 гг., понимая ограниченность резервов в противостоянии укреплению курса, РБИ

⁵ Patnaik I., Prasad E. IMF Advice on Capital Flows. International Monetary Fund. 2020. URL: <https://www.ecgnet.org/document/imf-advice-capital-flows>

⁶ Government of India. India Planning Commission Twelfth five year plan (2012/2017)/Planning Commission. 2013. URL: https://www.nhm.gov.in/images/pdf/publication/Planning_Commission/12th_Five_year_plan-Vol-1.pdf

⁷ India Ministry of Finance. Economic Survey 2018–19 (Volume-I). 2019. URL: <https://www.indiabudget.gov.in/budget2019-20/economicsurvey/doc/echapter.pdf>

ослабил ограничения на отток капитала. Замедление мировой экономики и повышение ставок в развитых странах создали давление на рупию, но РБИ ограничил ее падение интервенциями, сохранив резервы для будущих колебаний.

При высокой инфляции, как после кризиса 2008 г., РБИ сделал контроль инфляции приоритетом, установив ее целевой коридор. Инфляционное таргетирование создало условия для инвестиций, а интервенции РБИ в обоих направлениях показали стремление держать курс в определенных рамках, что облегчило долгосрочное планирование.

Таргетирование инфляции помогло управлять инфляционными ожиданиями, поддерживать стабильность экономики и укреплять доверие к центральному банку.

РБИ не спешил резко менять ставки, постепенно совершенствуя механизмы влияния на экономику. Из-за того, что индийские финансовые и валютные рынки менее развиты, чем в развитых странах, любая новая информация могла вызывать сильную волатильность.

Поэтому РБИ пришлось улучшить качество коммуникаций, особенно при переходе к официальному таргетированию и монетарным реформам. Интервенции РБИ сами по себе служили сигналом для участников экономики о состоянии дел.

Этот опыт и инструменты помогут Индии повысить финансовую стабильность, снизить риски при использовании валюты БРИКС и создать условия для стабильного курса без постоянных интервенций⁸.

3. Бразилия

После мирового кризиса 2008 г. экономика Бразилии развивалась быстрыми темпами за счет реформ, роста зарплат и благоприятной конъюнктуры (рис. 2–7). Основными стимулами экономики были потребление и наличие дешевых кредитных ресурсов. Темпы роста достигли максимальных 8% в 2010 г.

Так, еще в 2010 г. важным элементом программы национального развития, сформулированной правительством Дилма Вана Русеф, стал возврат экономики к устойчивым темпам роста, а также усиление роли рынка в различных секторах. Из-за неверной экономической политики — роста госрасходов, низких ставок и ценового регулирования — уже в первой половине 2014 г. ВВП стал падать. Это привело к оттоку иностранных инвестиций и снижению экономической активности после чемпионата мира

по футболу (ЧМ-2014). Несмотря на спад экономики, инфляция и волатильность валюты оставались высокими. В 2015 г. администрация Русеф планировала вернуть экономику к росту и удержать инфляцию около 5%. Однако из-за политических скандалов цели развития отошли на второй план до выборов нового президента.

После 2014 г. Бразилия пережила сложный период из-за мировых и внутренних кризисов. Политика девальвации валюты для поддержки экспорта не дала долгосрочного эффекта. Ослабление реала увеличивало дефицит и снижало потребление. Хотя к 2021 г. дефицит сократился, рост экономики и экспорта не восстановился.

Меры по контролю за движением капитала в 2010–2012 гг. не помогли стабилизировать рост. Система контроля за спекулятивными потоками капитала осталась недостаточно гибкой. Это потребовало либо новых ограничений, либо масштабных интервенций. Центральный банк Бразилии больше внимания уделял инфляции, чем стабилизации валютного рынка.

Политика таргетирования инфляции дала противоречивые результаты. В спокойные периоды ЦБ Бразилии держал инфляцию около 3% и планировал ее дальнейшее снижение. Однако непрозрачная система учета инфляции мешала долгосрочному прогнозированию. Сужение коридора колебаний инфляции было важным шагом, но возможность выходить за его пределы подрывала доверие рынка к политике ЦБ. Повышение ставок должно показывать фундаментальные изменения, а не просто стремление достичь целевых показателей инфляции.

В условиях политического кризиса и экономической неопределенности приоритетом реформ должно стать формирование рыночных ожиданий через четкие прогнозы и программы. Переход на валютные интервенции через деривативы был связан с развитием рынка форвардов и фьючерсов, а также с запретом валютных депозитов для большинства банков. Важным преимуществом стала возможность сохранять резервы.

Деривативы в реалах помогали обеспечивать валютную ликвидность и стабилизировать ожидания участников рынка через управление портфелями и хеджирование рисков. Успех этой практики в 2014–2015 гг. обеспечило предварительное объявление ЦБ Бразилии о крупных интервенциях и о том, что он не будет искусственно влиять на курс валюты.

Использование свопов с продажей валюты на спот-рынке улучшило восприятие конвертируемости реала. Однако масштабы таких операций были

⁸ India: Selected Issues. International Monetary Fund. DOI: 10.5089/9781475579819.002 URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/CR/2018/cr18255.ashx>

ограничены из-за небольшого объема резервов и бюджетных средств. Поэтому эта политика не могла применяться широко, особенно во время пандемии.

Именно в период программы интервенций Бразильская экономика смогла выйти на положительные темпы роста, создавая возможность для долгосрочных инвестиций через удовлетворение потребности в хеджировании валютной составляющей инвестиций. Положительные эффекты от данной программы были нивелированы пандемией и общим сокращением спроса на природные ресурсы.

Бразильский опыт использования свопов для контроля волатильности обменного курса может стать важным инструментом для других стран БРИКС. Применение аналогичных механизмов в рамках как двухсторонних отношений, так и в более широком масштабе станет одним из наиболее дешевых и быстрых с точки зрения организации и внедрения.

4. ЮАР

Экономика ЮАР является одной из крупнейших экономик континента с высоким уровнем индустриализации сектора добычи полезных ископаемых. Исторически отсутствие прогрессивных реформ и наличие политических проблем вместе с туманными перспективами экономики создало неблагоприятный инвестиционный климат [14].

До мирового финансового кризиса 2008 г. ежегодные темпы роста экономики ЮАР составляли в среднем 4%, бюджет был профицитным, а государственный долг не превышал 27% ВВП. После кризиса значительно снизился вклад частных инвестиций в экономический рост страны, факторная производительность снизилась, что в итоге привело к темпам роста на уровне 1% (рис. 3–7).

Поскольку возможности экстенсивного роста за счет увеличения необеспеченных долговых потоков быстро иссякли, а для новых крупных проектов необходимы были заемные средства, была принята Программа национального развития (2012), где основными направлениями роста к 2030 г. стали ВВП на уровне 5,4–5,7% и экспорт в количественном показателе в среднем на 6–10% в год для привлечения инвесторов⁹.

Обозначенные цели были скорректированы после пандемии, которая глобально затормозила развитие ЮАР. В результате определены новые

цели: поддержание устойчивых темпов роста на уровне не ниже 2% и удержание инфляции около целевого уровня¹⁰.

При расширении экономики власти пытались контролировать инфляцию, но из-за отсутствия реформ и низких показателей в 2016 г. кредитные рейтинги страны упали ниже инвестиционного уровня¹¹. Только к концу 2021 г. и в начале 2022 г. рейтинг был повышен до инвестиционного после того, как, по мнению аналитиков, правительство продемонстрировало, что бюджетная консолидация продолжится, а финансовый рынок останется устойчивым¹².

Финансовая нестабильность в ЮАР усилилась из-за коррупции и того, что власти переключились с развития экономики на борьбу с политическими оппонентами. Как итог темпы роста экономики в период 2013–2020 не превышали 2%¹³.

Слабый рост экономики не создал прочной базы для развития. Пандемия застала страну врасплох, а попытки государства поддержать рынок увеличили госдолг. Частные инвестиции упали, а дефицит платежного баланса держался на уровне 3% ВВП до 2020 г. Страна мало привлекала ПИИ и зависела от нестабильных портфельных вложений. Монетарная политика работала неэффективно из-за низкого доверия к регулятору. Повышение ставок плохо влияло на реальные инвестиции. Но постепенно ситуация улучшилась: когда центральный банк заработал репутацию надежного института, снижение ставок стало стимулировать и инвестиции, и сдерживать инфляцию.

Борьба с инфляцией привела к резким колебаниям курса ранда. У страны не хватало валютных резервов для серьезного влияния на курс.

Попытки покупать валюту для пополнения резервов не помогали остановить падение ранда. В 2015 и 2020 гг. такие покупки делались для небольшого снижения колебания курса, а для контроля притока иностранного капитала использовали валютные

¹⁰ South Africa National Planning Commission. National Development plan — 2030. URL: <https://www.gov.za/NationalDevelopmentPlan2030>

¹¹ Fitch Revises South Africa's Outlook to Stable; Affirms at «BB-». URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-revises-south-africa-outlook-to-stable-affirms-at-bb-15-12-2021>

¹² Villa L., Diron M. Moody's changes South Africa's outlook to stable; affirms Ba2 ratings — Moody's. URL: https://www.moodys.com/research/Moodys-changes-South-Africas-outlook-to-stable-affirms-Ba2-ratings—PR_464348

¹³ South Africa National Treasury. Medium-term budget policy statement — 2022. URL: <https://www.treasury.gov.za/documents/mtbps/2022/mtbps/FullMTBPS.pdf>

⁹ World Bank. South Africa Overview. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/southafrica/overview>

свопы. Но из-за большого госдолга и напряженного бюджета страна не могла дополнительно поддерживать курс ранда. Волатильность ранда была также усилена практически свободным движением капитала.

Постепенно валютный контроль в ЮАР либерализовался, были сняты практически все существенные ограничения на конвертацию валюты, что привело к ее рекордным продажам в периоды кризисов. Таким образом, дальнейшее накопление резервов является критической задачей для РБЮАР¹⁴, а за счет снижения волатильности ранда у правительства появится возможность усилить финансовый рынок и более активно применять не прямые способы экономического стимулирования.

5. Россия

С начала XXI в. российская экономика пережила периоды бурного роста, спада и стагнации (рис. 4–7). Первое десятилетие столетия совпало со скачком цен на нефть, что обеспечило экономике средние темпы роста на уровне 6,9%. Мировой финансовый кризис 2008–2009 г. привел к резкому экономическому спаду до –7,8%, но экономика восстановилась относительно быстро, и с 2010 по 2013 г. наблюдался умеренный рост в 2–4%. В 2014 г. на фоне санкционного давления и перехода к режиму таргетирования инфляции рост упал до 0,7%, в 2015 г. рост составил 2%. По оценкам МВФ, эффект от падения цен на нефть примерно в три раза превышал эффект от санкций на темпы роста ВВП России [15].

При этом на период 2014–2018 гг. Правительству РФ была поставлена задача восстановления темпов роста экономики на уровень выше среднемирового (3–4%), а также обеспечить стабильность национальной валюты для удержания инфляции¹⁵. Кризисы 2008 и 2015 гг. оказали существенное влияние на уровень ВВП РФ, поменяв траекторию роста с высоких темпов на низкие. В период 2016–2019 гг. по мере восстановления цен на нефть экономика стабилизировалась, но темпы роста оставались низкими (в среднем 1,5%) [15]. В 2018 г. принята программа национального развития до 2024 г., в перечне целей которой отмечены рост экономики выше среднемировых и снижение инфляции до 4%.

Несмотря на программы инфраструктурного стимулирования, экономика страны показала падение на 3% в 2020 г. и рост на 5% в 2021 г. в основном за счет отложенного спроса и стабилизации ожиданий относительно борьбы с вирусом. В середине 2020 г. опубликованы цели национального развития страны до 2030 г., включая цель роста ВВП выше среднемирового (2–3%), а также реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению с показателем 2020 г.

Опыт кризисов 2014 и 2020 гг. показал: без контроля за движением капитала люди массово переводят сбережения в иностранную валюту и выводят деньги из страны. Во втором квартале 2022 г. ЦБ РФ ввел строгие меры контроля, ограничив отток капитала, хотя это и снизило конвертируемость валюты. Интервенции ЦБ РФ были важной частью валютной политики, направленной на предотвращение резкой девальвации и защиту интересов российских экспортеров. Поскольку курс рубля регулярно оказывался под давлением, интервенции оказывали стабилизирующее действие на рубль, но интервенции (даже в рамках бюджетного правила) не должны становиться постоянным инструментом валютной политики в ущерб процентной. Длительное девальвационное давление на курс, применявшееся после мирового финансового кризиса 2008 г., а также после 2016 г., негативно сказалось на потенциале роста российской экономики, тем не менее интервенции во II кв. 2020 и 2022 гг. для сглаживания колебаний оказали положительный эффект на финансовый рынок. Операции репо в иностранной валюте и валютные свопы применялись не настолько часто, как, например, в Бразилии, возможно из-за недостаточного уровня развития финансового рынка. Поскольку данные меры оказались эффективными на разных этапах после кризиса, следует комбинировать их с мерами по контролю за трансграничными перемещениями капитала, управлением международными резервами¹⁶.

Переход к инфляционному таргетированию и плавающему валютному курсу после 2014 г. сопровождался высокой волатильностью валютного курса, замедлением экономического роста и значительной неопределенностью в последующие годы.

Тем не менее переход к плавающему курсу позволил относительно быстро снизить инфляцию

¹⁴ International Monetary Fund. South Africa: 2016 Article IV Consultation. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2016/07/11/13/25/PR16322-South-Africa-IMF-Executive-Board-Concludes-2016-Article-IV-Consultation>

¹⁵ Serebryakov D. Russia's Massive Infrastructure Overhaul, in 5 Examples. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/04/03/russias-infrastructure-overhaul-explained-a64839>

¹⁶ International Monetary Fund. Russian Federation: Staff Report for the 2019 Article IV Consultation. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/08/01/Russian-Federation-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-48549>

после кризисов 2016, 2020 г. и III кв. 2022 г., что способствовало уменьшению экономической неопределенности. Однако невозможно точно утверждать, что при переходе к плавающему курсу в другое время или при выборе другого валютного режима результаты были бы иными.

Резкое повышение ключевой ставки в кризисные периоды 2014 и 2022 г., с одной стороны, помогло контролировать инфляцию, но, с другой стороны, полностью остановило кредитование экономики.

При свободно плавающем курсе возможны ситуации, когда девальвация усиливает инфляцию и мешает стабилизации цен, что проявилось в кон. 2014, кон. 2015 г. и в кон. 2022 г. Все это подчеркивает, что нельзя полностью отпускать курс рубля в свободное плавание до стабилизации общей экономической ситуации, и указывает на важную роль валютных интервенций.

Учитывая невысокие темпы роста российской экономики в последние годы и значительные риски наступления рецессии в многих странах мировой экономики, вопросы ценовой стабильности и валютной устойчивости будут критичны для российского рынка. Поэтому стоит рассмотреть возможность разработки гибкого подхода к определению целей ЦБ РФ на основе как целей по инфляции, так и по валютному курсу. Например, через установление широкого диапазона валютного курса, рассчитанного с учетом фундаментальных факторов и целей привлечения инвестиций, и установления диапазона по инфляции. При этом параметры обоих факторов будут меняться в зависимости как от внешних, так и внутренних условий. Это позволит улучшить возможность экономических агентов к прогнозированию и, соответственно, объем инвестиций. При этом дополнительной проработки будут заслуживать меры валютного регулирования и контроля притоков и оттоков капитала.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основе представленного в статье анализа можно сделать следующие выводы:

1. Валютная политика Китая в связи с попытками перехода к новой модели роста активно менялась и дополнялась новыми принципами функционирования и инструментами. Среди наиболее значимых изменений можно назвать отказ от жесткого контроля за валютным курсом с целью девальвации, открытие рынков капитала для международных инвесторов, переход к использованию административных мер воздействия на валютный курс для создания видимости рыночности и снижения

рисков получения статуса валютного манипулятора. Подобные меры позволяли стабилизировать ситуацию вплоть до 2018 г. и до перехода торговых войн в активную фазу, после чего основной упор делался на административные меры и интервенции через государственные банки и производные финансовые инструменты, а также антициклический поправочный коэффициент.

Использование непрозрачных инструментов воздействия на курс было особенно удобно китайским регуляторам на фоне давления со стороны торговых партнеров. С одной стороны, они позволяли оперативно возвращать курс к нужному значению, с другой — создавать видимость рыночности курсообразования. В результате стратегия контроля за валютным курсом позволила привлечь долгосрочный иностранный капитал и сформировать мощный промышленный базис для роста ВВП.

2. Показано, что валютная политика Индии определялась состоянием внешнего рынка и инфляцией, что выражалось в сохранении плавающего курса, несмотря на существенную волатильность. Основным инструментом воздействия на рупию стали двухсторонние интервенции и ставки репо. RBI активно использовал двусторонние интервенции для сглаживания волатильности курса, что было продемонстрировано в 2018–2019 гг. после монетарных реформ и в период пандемии. Повышение ставок репо положительно влияло на показатели инфляции, тем не менее работа передаточного механизма была затруднена в периоды сильной нехватки ликвидности. Поскольку плавающий курс усиливал передаточный механизм процентной политики, RBI мог оперативно за счет изменения ключевых ставок проводить корректировки. За исключением случаев, когда реформы внутри страны тормозили рост, после 2014 г. индийская экономика демонстрировала уверенный рост, что было отражено в темпах выше 7% в 2015–2016 гг. В результате внутренней нестабильности в 2017–2020 гг. произошло замедление, но после прохождения наиболее тяжелого периода пандемии экономика снова смогла выйти на показатели выше 8% в год. В итоге можно отметить, что RBI удалось сохранить баланс между стабилизацией внешних шоков и стимулированием роста.

3. В Бразилии валютная политика сыграла важную роль для стабилизации макроэкономической ситуации в период рецессии и низких цен на экспортные товары. При этом было продемонстрировано, что при наличии значительных структурных проблем даже масштабное использование интервенций спот и форвард, рост ставок и незначительные ог-

раничения на потоки капитала не могут полностью сдерживать волатильность. Правительством были сделаны попытки улучшить привлекательность инвестиций через программы своп-линий и фиксации курсов через деривативы. Заранее объявленная программа валютной интервенции помогла снизить волатильность и давление на реал, также это позволило сохранить и пополнить резервы. Этот опыт показал, что развитый финансовый рынок позволяет быстрее восстанавливаться при возникновении локальных кризисов. Важным моментом для успешного использования плавающего курса в сочетании с таргетированием инфляции стала прозрачность определения целей инфляции, а также средств достижения этих целей. За счет накопленного опыта в период кризиса 2014 г., в 2020–2021 гг. ЦББ удалось стабилизировать рынки в 2–3 раза быстрее.

4. В ЮАР внутренние проблемы ограничивали положительное воздействие валютной политики, что выражалось в низком эффекте работы передаточного механизма, высокой чувствительности курса и инвестиционных потоков к заявлениям регуляторов, а также снижении потенциала экономики в результате операционных проблем и перебоев в подаче электроэнергии. Как итог, темпы роста экономики в период 2013–2020 гг. не превышали 2%. Плавающий валютный курс абсорбировал негативные эффекты, при этом за счет существенного обесценивания создал огромные риски для имевшегося долга. Отсутствие ограничений на потоки капитала подчеркнуло важность ценовой и курсовой стабильности. Периоды 2014–2015 и 2020–2021 гг. сопровождались сильными оттоками капитала, которые ускоряли инфляцию, а высокие потребности во внешнем финансировании развития и слабом притоке ПИИ ограничили темпы роста до минимальных. В подобных условиях сохранение плавающего режима валютного курса вместе с приверженностью Правительства к контролю за инфляцией стали ключевыми детерминантами дальнейшей трансформации экономики и перехода к устойчивым темпам роста.

5. Валютная политика России после 2014 г. претерпела ряд принципиальных изменений, в том числе уход от фиксированного валютного режима, усилилась роль ставок денежного рынка, а цель по инфляции была установлена на уровне 4%. Поскольку реформы проводились в относительно сложный период для мировой экономики, произошло сильное падение рубля, которое продлилось вплоть до конца кризиса 2016 г. Это обстоятельство снизило потенциальный рост экономики, ухудшило воз-

можности импортозамещения и диверсификации экономики. В результате девальвации и санкций снизился объем притока капитала, а инфляция значительно превысила целевой уровень. После перехода к свободному плаванию интервенции стали использоваться в основном в рамках бюджетного правила. При этом ЦБ РФ активно использовал продажи валюты в кризисные периоды, в 2020 и 2022 г., сгладив колебания. Данный опыт позволил легче преодолеть следующий кризис в 2020 г., когда темпы роста удалось восстановить быстрее в 2021 г. В периоды 2014–2015 и 2020 гг. возникла ситуация усиления волатильности курса вместе с разгоном инфляции, что удалось побороть только за счет резкого повышения ставки, интервенций и ограничений конвертируемости. Подобные меры вновь были применены в ответ на санкции в 2022 г., позволив в короткие сроки вернуть валютный курс к целевым значениям, а также ограничить сокращение экономики.

6. Для экономики России предлагается внедрение мер для контроля обменного курса на основе опыта стран БРИКС, в том числе интервенции через государственные банки и использование деривативов, периодическое вмешательство в ценообразование при низкой волатильности для увеличения притока инвестиций, использование валютных свопов, контроль за торговыми потоками и административные меры. Объединив эти меры, Россия сможет создать сбалансированную валютную политику, способствующую экономическому росту, что также может быть полезно при разработке валюты стран БРИКС.

7. Объединяя достижения всех стран, можно отметить, что комплексное использование прямых и косвенных инструментов — от валютных свопов и форвардных позиций до административного регулирования и корректирующих мер — позволяет существенно снижать волатильность, повышать доверие инвесторов и обеспечивать устойчивость валютных режимов. Китай и Бразилия подтверждают, что согласованное применение всех доступных мер позволяет существенно сократить время стабилизации валютного курса даже при сильных внешних шоках. Индия, хотя и обеспечивает устойчивость через интервенции и процентные ставки, нуждается в более длительном периоде для корректировки курса. В то же время ранд и реал остаются наиболее уязвимыми к внешним потрясениям, что указывает на необходимость как расширения инструментального арсенала, так и институциональных реформ для ускорения реакции денежно-кредитной по-

литики. Иными словами, успешность управления валютным курсом определяется не только масштабом интервенций, но и готовностью центральных банков быстро и независимо принимать решения в условиях меняющейся мировой конъюнктуры, что критично для стабильности национальной валюты и долгосрочной экономической устойчивости.

Проведенное исследование показало, что страны БРИКС выработали разнообразные подходы к валютной политике. На основании результативности проведения валютной политики выявлены наиболее эффективные меры, позволившие обеспечить стабильность национальных валют и поддерживать экономическую устойчивость для реализации долгосрочных целей роста национальных экономик. Страны БРИКС продемонстрировали, что для сдерживания волатильности и стимулирования роста оптимально сочетать масштабные интервенции через государственные банки, операции с деривативами и оперативное административное регулирование. Китай привлек долгосрочный капитал

и обеспечил рост промышленного производства, комбинируя эти меры, Индия укрепила рупию благодаря плавающему курсу и таргетированию инфляции, Бразилия за счет развитого финансового рынка и заранее анонсированных программ свопов смогла погасить излишнюю волатильность реала, а ЮАР показала, что без институциональных реформ и доверия к регулятору валютные инструменты теряют эффективность. Для России ключевыми являются диверсификация инструментов (интервенции, своп-линии, деривативы), прозрачность целей и независимость Центрального банка, что создаст предсказуемость курса и обеспечит долгосрочную экономическую устойчивость.

Таким образом, комплексное применение как прямых, так и косвенных инструментов валютной политики, подкрепленное институциональными реформами и четкой стратегией, является наиболее эффективным способом поддержания стабильности национальной валюты и создания предпосылок для долгосрочного экономического роста.

ДИНАМИКА МАКРОПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРАН БРИКС

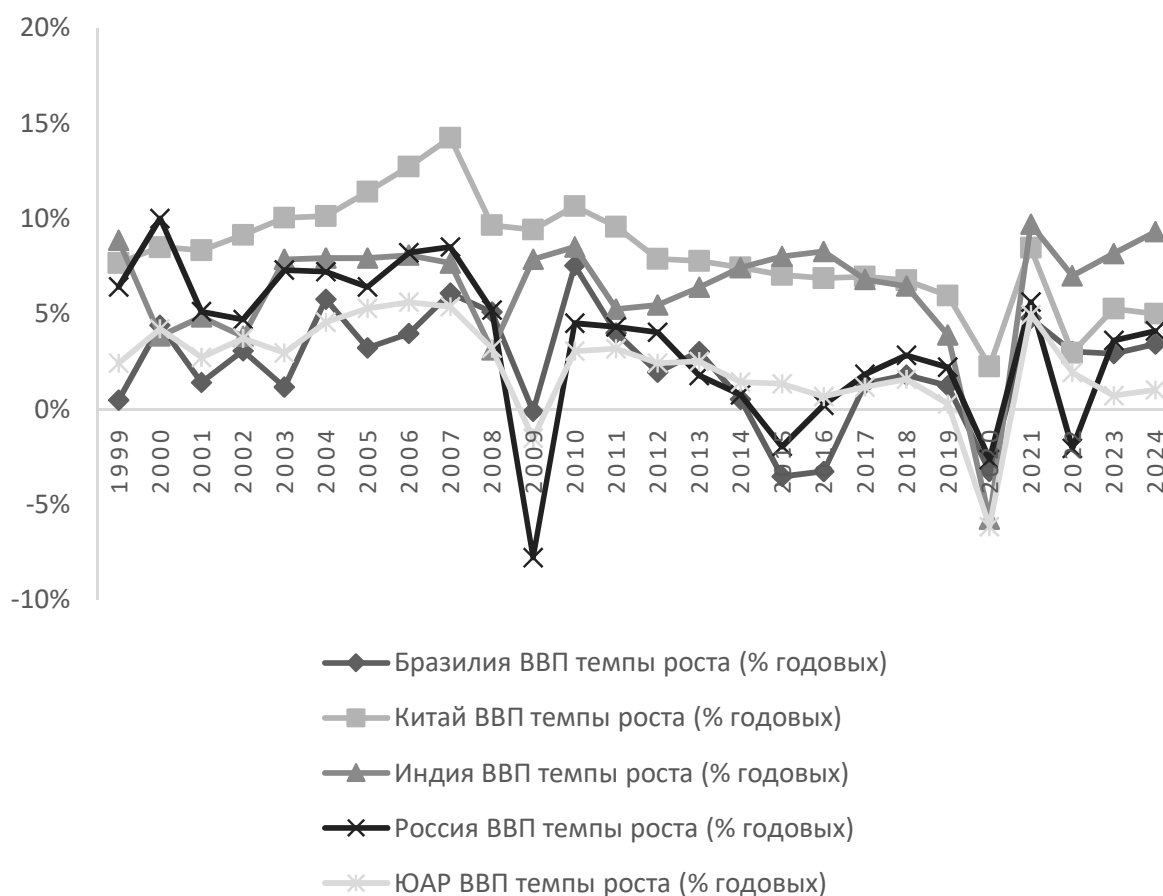

Рис. 1 / Fig 1. Темпы роста ВВП БРИКС в 1999–2024 гг., в годовых% / GDP growth rates 1999–2024 for BRICS, %

Источник / Source: World bank data.

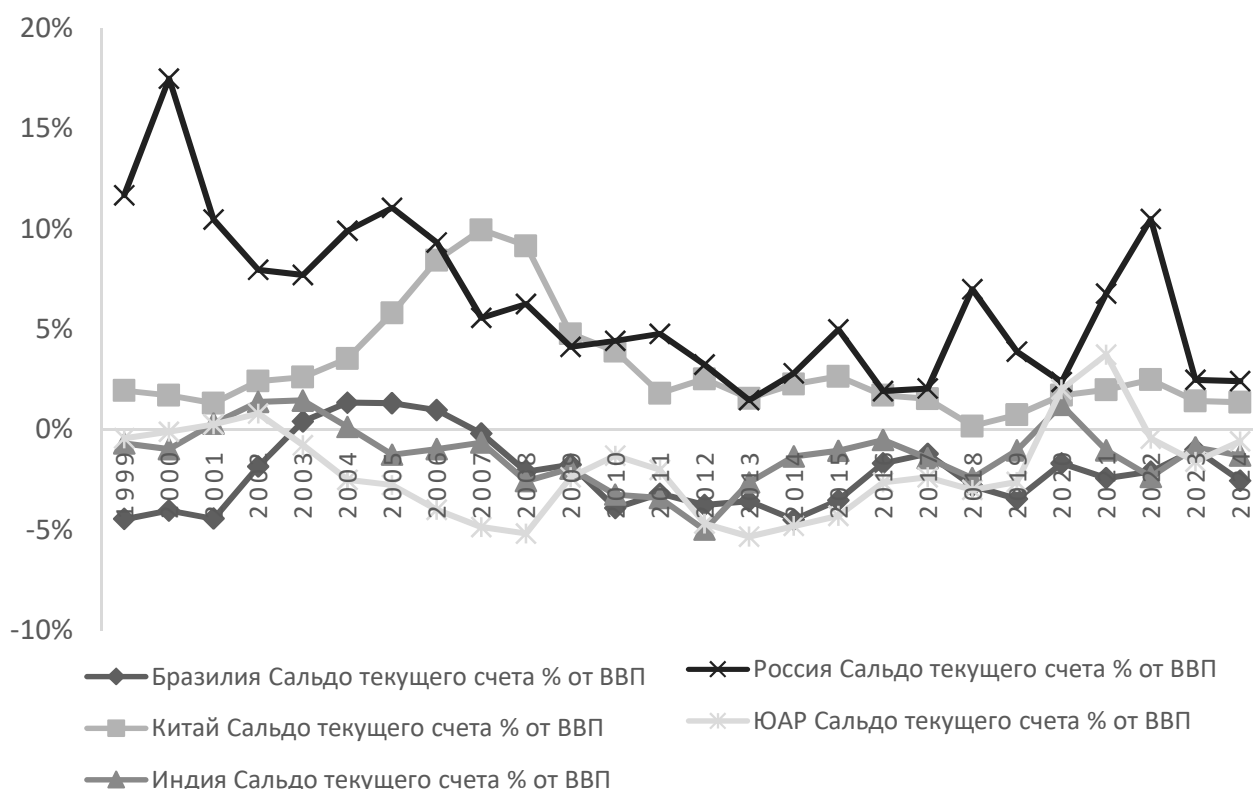

Рис. 2 / Fig 2. Сальдо счета текущих операций БРИКС в 1999–2024 гг., в млрд долл. США / BRICS Current Account Balance 1999–2024, in billion doll.

Источник / Source: World bank data.

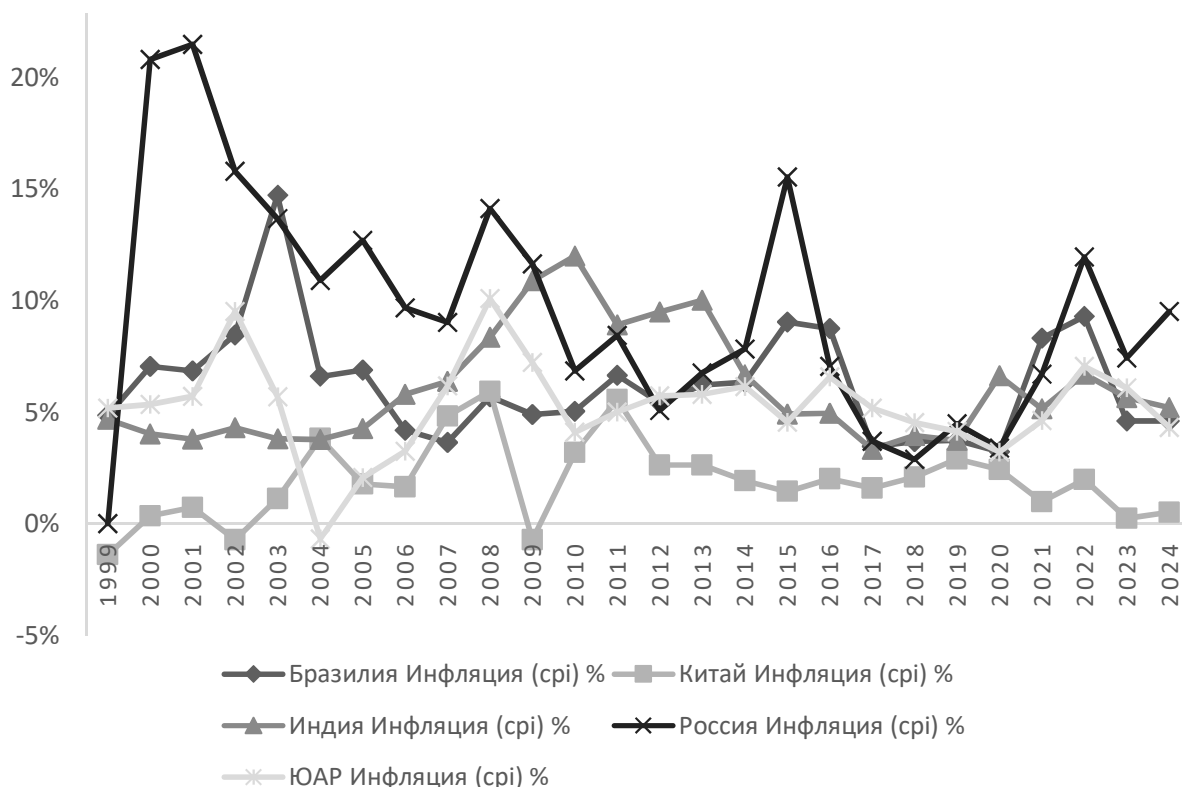

Рис. 3 / Fig. 3. БРИКС, инфляция потребительских цен в 1999–2024 гг., в % годового ВВП / BRICS, consumer price inflation 1999–2024, in% of annual GDP

Источник / Source: World bank data.

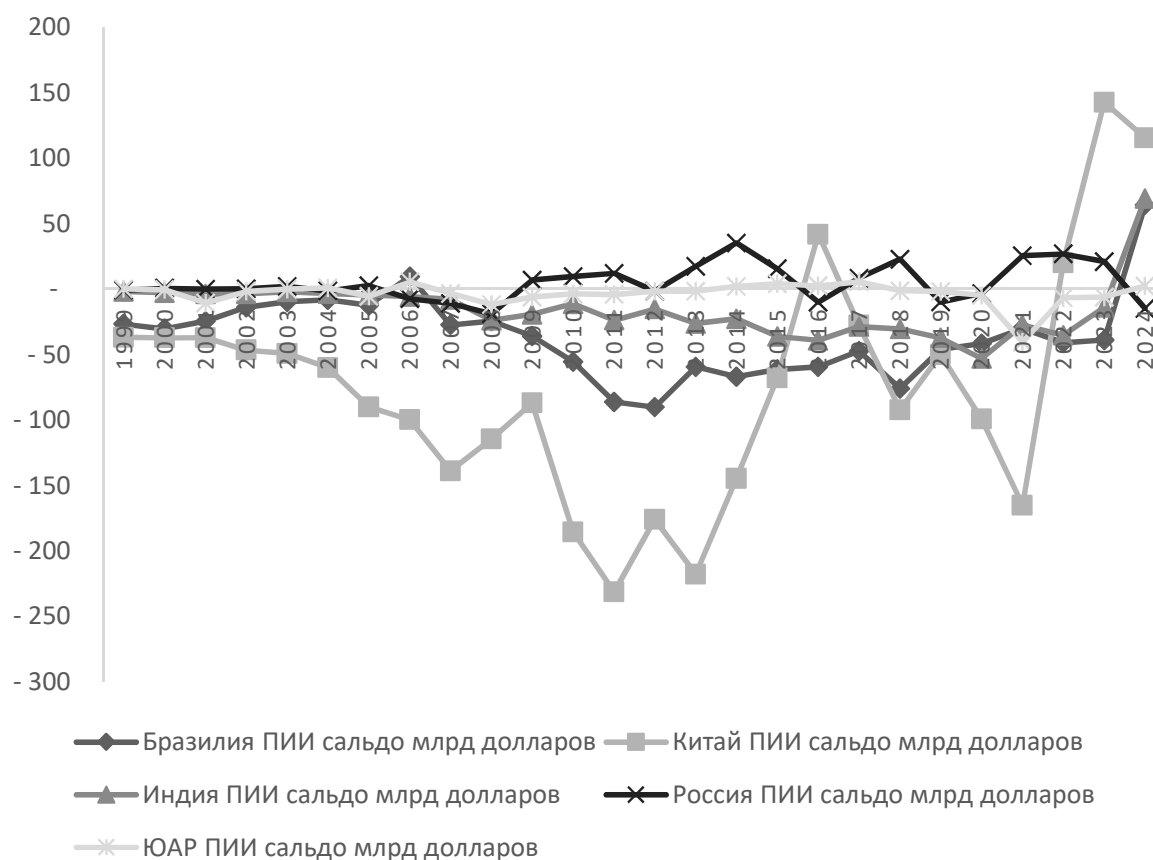

Рис. 4 / Fig. 4. Сальдо прямых иностранных инвестиций в БРИКС в 1999–2024 гг., в млрд долл. США / Balance of foreign direct investment in BRICS in 1999–2024, in billions of US doll.

Источник / Source: World bank data.

Рис. 5 / Fig. 5. Объем золотовалютных резервов БРИКС, в млрд долл. США / Volume of BRICS gold and foreign exchange reserves, in billions of US doll.

Источник / Source: World bank data.

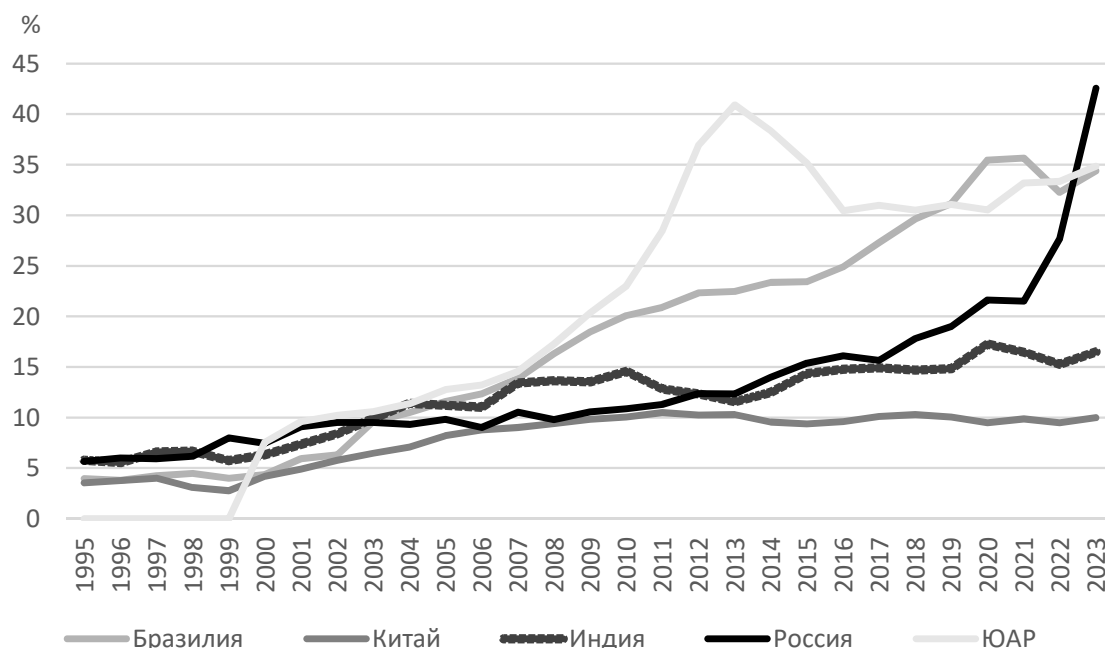

Рис. 6 / Fig. 6. Доля торговли со странами БРИКС в общем объеме торговли, % / Share of trade with BRICS countries in total trade, %

Источник / Source: World bank data.

Рис. 7 / Fig. 7. Динамика изменения валютных курсов стран БРИКС, % / Dynamics of changes in exchange rates of BRICS countries, %

Источник / Source: Bank for International Settlements (2025), Effective exchange rates, BIS WS_EER 1.0 (data set). https://data.bis.org/topics/EER/BIS%2CWS_EER%2C1.0/D.N.B.BR

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ольховик В.В. Моделирование влияния прямых иностранных инвестиций на экономический рост России, Украины и Казахстана. *Финансовая Аналитика: Решения и Проблемы*. 2016;27(309):26–39. URL: <https://publications.hse.ru/articles/197792563?ysclid=mh1u4f4d9y594954523>
Olkhovik V. Modeling the impact of foreign direct investment on the economic growth of Russia, Ukraine and Kazakhstan. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2016;27(309):26–39. URL: <https://publications.hse.ru/articles/197792563?ysclid=mh1u4f4d9y594954523> (In Russ.).
2. Bush G, López Noria G. Uncertainty and exchange rate volatility: Evidence from Mexico. *International Review of Economics & Finance*. 2021;75:704–22. DOI: 10.1016/J.IREF.2021.04.029.

3. Скрыпник Д.В. Влияние политики количественного смягчения США на российскую экономику. Макроэконометрический анализ. *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. 2014;22(2):74–101. URL: <https://journal.econorus.org/pdf/NEA-22.pdf>
Skrypnik D.V. The impact of the US quantitative easing policy on the Russian economy. *Journal of new economic association*. 2014;22(2):74–101. URL: <https://journal.econorus.org/pdf/NEA-22.pdf> (In Russ.).
4. Balcilar M, Roubaud D, Usman O, Wohar ME. Testing the asymmetric effects of exchange rate pass-through in BRICS countries: Does the state of the economy matter? *World Econ*. 2019;44:188–233. DOI: 10.13140/RG.2.2.31605.42726
5. Giannellis N, Koukouritakis M. Currency misalignments in the BRIICS countries: Fixed Vs. Floating exchange rates. *Open Economies Review*. 2018;29:1123–51. DOI: 10.1007/S 11079-018-9477-0.
6. Umoru D., Abu E. I., Igbinoia B., Asemota G., Igbafe A., Idogun H. I. Stock markets returns and interactive effects of economic policy uncertainty and exchange rate volatility: Evidence from MENA markets. *BRICS Journal of Economics*. 2025;6(1):91–117. DOI: 10.3897/BRICS-ECON.6.E 142917
7. Camilo E., Mohd Nor T. Reserve currency blocs: A changing international monetary system? *IMF Working Paper*. 2018;20(21):1. DOI: 10.5089/9781484338704.001
8. Bastanifar I, Khan KH, Koch H. Understanding BRICSIZATION through an economic geopolitical model. *Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity*. 2024.11(1):100440. DOI: 10.1016/J.JOITMC.2024.100440
9. Ugurlu E. N., Razmi A. Political economy of real exchange rate levels. *Journal of Comparative Economics*. 2023;51(2):918–40. DOI: 10.1016/j.jce.2023.03.004
10. Berganza J. C., Broto C. Flexible inflation targets, forex interventions and exchange rate volatility in emerging countries. *Journal of International Money and Finance*. 2011;31:428–44. DOI: 10.2139/ssrn.1808631
11. Sohag K., Gainetdinova A., Mariev O. The response of exchange rates to economic policy uncertainty: Evidence from Russia. *Borsa Istanbul Review*. 2021;22:534–45. DOI: 10.1016/j.bir.2021.07.002
12. Кузнецова О., Ульянова С. Валютный курс и вербальные интервенции Банка России и органов государственной власти. *Экономический журнал ВШЭ*. 2018;22(2):228–250. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-2-228-250
Kuznetsova O., Ulyanova S. Exchange rate and verbal interventions by the Bank of Russia and government authorities. *Economic Journal of the Higher School of Economics*. 2018;22(2):228–250. (In Russ.). DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-2-228-250
13. Горюнов Е.Л. Сравнительный анализ волатильности валютного курса. *Мониторинг Экономической Ситуации в России*. 2020;15(117):123–126. URL: <https://sciup.org/170176168>
Goryunov E. L. Comparative analysis of exchange rate volatility. *Monitoring the Economic Situation in Russia*. 2020;15(117):123–126. URL: <https://sciup.org/170176168> (In Russ.).
14. Meurer R. Portfolio investment flows, GDP, and investment in Brazil. *International Journal of Economics and Finance*. 2016;8(12):1–1. DOI: 10.5539/ijef.v8n12p1
15. Klinova M., Sidorova E. Economic sanctions of the West against Russia: Development of the situation. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;30(3):355–364. DOI: 10.1134/S 1075700719030079

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгений Александрович Васюков — ассистент, кафедра МЭО и внешнеэкономических связей экономического факультета, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

Evgeny A. Vasyukov — Assistant, Department of International Economic Cooperation and Foreign Economic Relations, Faculty of Economics, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1131-7447>
evasyukov@dipacademy.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.06.2025; принята к публикации 15.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 28.06.2025; accepted for publication on 15.10.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Международные образовательные проекты Российской Федерации в реализации Цели 4 устойчивого развития ООН

И.Г. Шандра, П.А. Сороко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования роли международных образовательных проектов Российской Федерации в достижении Цели 4* устойчивого развития ООН на примере стран Азии и Африки. Авторы анализируют влияние образовательного экспорта на формирование человеческого капитала, исследуют взаимосвязь образования, экономического роста и социального развития на основе теории человеческого капитала и данных индекса человеческого развития (ИЧР). На основе статистики Минобрнауки России выявлена тенденция к устойчивому росту числа студентов из Азии и Африки в российских вузах. Проведен регрессионный анализ, позволивший получить прогнозную оценку численности иностранных студентов в 2025–2026 гг. Отмечена роль филиалов ведущих российских вузов в повышении конкурентоспособности российского образования, предоставления доступа к качественным образовательным стандартам России, усиления роли русского языка и т.д. Осуществлен анализ роли российских образовательных проектов в достижении ЦУР 4 ООН на примере ряда стран Азии и Африки. Особое внимание уделено влиянию геополитической конкуренции между государствами-гегемонами и информационных угроз на восприятие российского образования. Результаты исследования свидетельствуют о сохраняющемся воздействии внешних дестабилизирующих факторов, что актуализирует задачу разработки комплексных мер по нейтрализации деструктивного информационного влияния, повышению международной конкурентоспособности отечественной образовательной системы и укреплению позиций России на рынке международного образования.

Ключевые слова: экспорт образования; человеческий капитал; устойчивое развитие; экономический рост; индекс человеческого развития; статистика; эконометрическое исследование; международные экономические отношения

Для цитирования: Шандра И.Г., Сороко П.А. Международные образовательные проекты Российской Федерации в реализации Цели 4 устойчивого развития ООН. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):34-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-34-45

ORIGINAL PAPER

International Educational Projects of the Russian Federation for the Implementation of the UN Sustainable Development Goal 4

I.G. Shandra, P.A. Soroko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article presents the results of an empirical study on the role of the Russian Federation's international educational projects in achieving UN Sustainable Development Goal 4, using countries in Asia and Africa as examples. The authors analyze the impact of educational exports on human capital formation and explore the interrelationship between education, economic growth, and social development, based on human capital theory and data from the Human Development Index (HDI). Based on the statistics of the Russian Ministry of Education, a trend towards a steady increase in the number of students from Asia and Africa in Russian universities has been identified. A regression analysis was conducted, which made it possible to obtain a forecast estimate of the number of international students in 2025–2026. The role of branches of leading Russian universities in increasing the competitiveness of Russian education, providing access to high-quality educational standards in Russia, strengthening the role of the Russian language, etc. is noted. The role of Russian educational projects in achieving the UN SDG 4 is analyzed on the example of a number of Asian and African countries. Special attention is paid

* Цель 4 «Качественное образование» (Goal 4: Quality Education) — одна из 17 целей в области устойчивого развития, установленных ООН на период до 2030 г.

to the impact of geopolitical competition between hegemonic states and information threats on the perception of Russian education. The results of the study indicate the continuing impact of external destabilizing factors, which actualizes the task of developing comprehensive measures to neutralize the destructive information influence, improve the international competitiveness of the national educational system and strengthen Russia's position in the market of international education.

Keywords: education exports; human capital; sustainable development; economic growth; Human Development Index (HDI); statistics; econometric research; international economic relations

For citation: Shandra I.G., Soroko P.A. International educational projects of the Russian Federation for the implementation of the UN Sustainable Development Goal 4. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6): 34-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-34-45

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире образование является одним из ключевых факторов, способствующих социально-экономическому развитию государств. В эпоху усиления геополитических и экономических разногласий образование играет важную роль в снижении бедности и неравенства, в решении глобальных проблем, таких как миграция и дезинформация, которые, в свою очередь, усиливают социальную поляризацию, подрывают доверие к социальным и политическим институтам, создавая благоприятные условия для манипуляции общественным мнением, и становятся катализатором нестабильности. Необходимость решения всех вышеперечисленных проблем послужила причиной для включения Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее — ГА ООН) в список взаимосвязанных Целей устойчивого развития (далее — ЦУР) на период с 2015 по 2030 г. «плана достижения лучшего и более устойчивого развития для всех» в качестве Цели 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех». Это одна из 17 взаимосвязанных задач ЦУР ГА ООН, направленных на экологическое, экономическое, социально стабильное развитие и сохранение социальных, культурных и биологических систем.

А.В. Суслов отмечает в своей статье: «В современной науке устойчивое развитие понимается как в узком, так и в широком смысле ... В широком смысле устойчивое развитие понимается как гармонизация всех сторон жизни общества, как сбалансированное развитие экономической, социально-культурной и экологической сфер» [1].

Одним из инструментов реализации ЦУР 4 ООН являются международные образовательные проекты, способствующие укреплению межгосударственных отношений. И Россия, как правопреемник Советского Союза и одна из ведущих мировых держав, стремится к наращиванию в реалиях сегодняшнего дня партнерских отношений с государствами Азии и Африки, активно участвуя в реализации ЦУР 4 ООН. В качестве примера хотелось бы привести ряд образовательных

проектов, реализуемых Россией: «Российский учитель за рубежом», «ЛЭТИ», «Стипендия РУСАЛА», образовательные программы РУДН, Российско-Африканского сетевого университета (РАФУ) и др.

Без качественного образования и высококвалифицированных кадров невозможно обеспечить научно-технический прогресс (далее — НТП), высокий уровень качества жизни, экономический рост. Именно поэтому проблематика экспорта образования¹, и его влияние на внутреннее устройство государств были и остаются «в поле зрения» таких авторов, как: А.В. Суслов, Е.А. Халимон, А.А. Федченко, М.В. Садловская и др. [1–9].

Еще одним свидетельством наращивания в современных условиях взаимодействия со странами Африканского региона является подписанный в 2023 г. главами государств «План действий Российская Федерация — Африканский союз на период 2023–2026 гг.»², включающий 181 пункт приоритетов и мер, направленных на реализацию потенциала российско-африканского партнерства в сферах, представляющих взаимный интерес. Особое внимание уделено вопросам в сфере образования и науки. План действий подготовлен с учетом Повестки дня Африканского союза до 2063 г. «Африка, какой мы хотим ее видеть» и планов ее имплементации³, а также других документов в области взаимного сотрудничества. Планом действий закреплён комплексный подход к двустороннему взаимодействию, в результате которого Российская Федерация и государства Африканского континента договорились о системном укреплении стратегического партнерства.

Таким образом, качественная оценка влияния образования на экономическое развитие государства, исследование промежуточных результатов, итогов российских образовательных проектов, касаемых ЦУР 4 ООН в странах Азии и Африки, бу-

¹ Паспорт Федерального проекта «Экспорт образования». Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» от 07 декабря 2018 г. URL: <http://government.ru/info/27864/>; <https://petrovkasad.68edu.ru/dokum/eksport.pdf>

² URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971>

³ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5972>

дет способствовать поиску новых путей развития сотрудничества в сфере образования.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ

Образование — это базовый элемент развития страны, человеческого капитала, снижения социального неравенства [2]. Уровень образования населения — один из внутренних резервов экономического роста страны. Существует закономерность между получением гражданами высшего образования и их активностью в общественной жизни, а также участием в социально значимых делах [3]. Социальные и культурные выгоды образования распространяются также на экономическую сферу, имеют прямой экономический эффект.

Изучение влияния образования на развитие экономик государств позволяет сделать вывод о том, что увеличение объема трудовых ресурсов, а также повышение их качества за счет научных достижений в технологиях и образовании способствует экономическому росту. По этой причине в последнее время акцент делается на изучении человеческого капитала как первостепенного рычага на экономический рост государства.

Теория человеческого капитала, сформулированная Джейкобом Минсером в 1954 г., предполагает исследование процесса качественного совершенствования человеческих ресурсов для обеспечения как благосостояния индивида, так и для повышения эффективности экономики в целом [4]. Иными словами, рост производительности труда ведет к росту доходов работника, что стимулирует его делать новые вложения в свое образование (повышение квалификации) и здоровье, что неизбежно приводит к повышению производительности труда.

Таким образом, инвестиции в образование рассматриваются как инвестиции в качество человеческого капитала.

В этой связи интерес представляет ежегодный расчет ИЧР для всех стран — членов ООН и ряда административных территорий с особым статусом (проводится Программой Развития ООН (ПРООН))⁴, измеряющий достижения страны по трем основным показателям: ожидаемой продолжительности жизни, валовому национальному доходу (далее — ВНД), образованию. Индекс образования измеряется средней продолжительностью обучения детей школьного возраста и взрослых от 25 лет. Стандарт жизни из-

меряется как ВНД на душу населения. Затем оценки из трех индексов агрегируются в составной с использованием среднего геометрического значения.

По индексу уровня ИЧР страны делятся на четыре группы:

- с очень высоким (0,800 и выше);
- с высоким (0,700–0,799);
- со средним (0,550–0,699);
- с низким (0,550 и ниже).

На основе данных *табл. 1* путем корреляционного анализа получены следующие выводы:

1) коэффициент корреляции между ИЧР (переменная IND) и ВВП на душу населения (переменная GDP) достаточно высокий $\text{corr}(\text{IND}, \text{GDP}) = 0,80086518$;

2) коэффициент корреляции между ИЧР (переменная IND) и Средней продолжительностью жизни (переменная LF) еще более значимый $\text{corr}(\text{LF}, \text{IND}) = 0,86797705$.

Эти коэффициенты показывают высокую степень влияния уровня образования на экономическое благосостояние и социальное развитие страны.

Проанализировав данные ООН, можно прийти к выводу, что в последние десятилетия именно развивающиеся государства Азии и Африки демонстрируют наиболее динамичные и устойчивые темпы прироста ИЧР.

Вклад, который вносят в рост ИЧР в странах Азии и Африки образовательные проекты России, невозможно переоценить. Такие масштабные инициативы, как предоставление квот на обучение в ведущих российских вузах, а также создание совместных учебных заведений и филиалов (Египетско-Российский университет (ERU))⁵ напрямую способствуют достижению Цели 4 устойчивого развития ООН. Также отметим, что согласно накопленному международному опыту темпы экономического роста в решающей мере определяются: развитием науки и техники; уровнем подготовки и квалификацией кадров; прогрессом средств научно-производственного труда.

Важнейшим в этой связи является вопрос достаточного финансирования образования, которое имеет следующие особенности:

1) инвестиции в образование не только способствуют развитию профессионализма и повышению социального статуса индивида, но также влияют на воспроизводство интеллектуально-духовного потенциала общества в целом;

2) затраты на образование осуществляются единовременно, а окупают себя в течение нескольких циклов

⁴ URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf?ysclid=mh93pn6ful598170201

⁵ URL: <https://eru.edu.eg/>

Таблица 1 / Table 1

Индекс человеческого развития / Human Development Index

Страна / Country	ИЧР / Human Development Index	Продолжительность, лет / Duration, years			ВВП на душу населения, в долл. США* / GDP per capita, in US dollars	Рейтинг страны по индексу уровня образования / The country's ranking according to the education level index
		Продолжительность обучения		Средняя продолжительность жизни		
		средняя	ожидаемая			
Россия	0,821	12,4	15,7	70,6	14 203	34
Сингапур	0,949	11,9	16,9	80	90 054	43
Южная Корея	0,929	12,6	16,5	84,4	34 049	29
Непал	0,601	4,5	12,6	70,6	1 490	173
Сирия	0,557	5,7	7,4	72,6	754	157
Йемен	0,424	2,8	7,9	69,4	417	185
Республика Узбекистан	0,727	11,9	12,0	74,7	3 604	103
Тунис	0,732	8,0	14,6	76,7	4 456	125
Египет	0,728	9,8	12,9	71,8	2 983	92
Нигерия	0,548	7,6	10,5	54,6	1 930	129
ЦАР	0,387	4,0	7,3	57,7	527	176

Источник / Source: данные ООН, The Global Economy, 2024 г. / Data from UN, The Global Economy, 2024.

Примечание / Note: *по методике Всемирного Банка / According to the methodology of the World Bank.

производственного процесса, до того момента, пока не возникнет необходимость в переподготовке кадров по причине изменившихся требований к обновленному производству. Инвестиции в сферу образования можно сравнить с аналогичным оборотом основного капитала. В процессе перенесения части затрат в профессиональную и квалификационную подготовку работника на вновь создаваемую продукцию, за одинаковые промежутки времени более квалифицированная часть работников создает большую стоимость, чем работники с прежним уровнем подготовки;

3) образовательный процесс предполагает необходимость создания преемственности во всех сферах жизнедеятельности, что позволит выводить воспроизводство рабочей силы на новые уровни квалификации.

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ

1990-е гг. XX в. ознаменовались масштабными геополитическими переменами, став поистине переломным периодом для восьми советских республик азиатского региона, обретших суверенитет после

распада СССР: Туркменская ССР, Узбекская ССР, Казахстанская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР и Армянская ССР.

Распад СССР повлек за собой глубокие трансформации во всех сферах общественной жизни новых независимых государств. Особенно ощутимые изменения произошли в области образования — системе, которая формировалась на протяжении нескольких десятилетий в рамках общесоюзных стандартов. На смену унифицированной модели пришла необходимость выстраивания самостоятельных национальных образовательных систем, отражающих культурно-историческую специфику каждой страны, ее языковые особенности и социально-экономические приоритеты.

В этом контексте особая роль досталась Российской Федерации, которая, являясь правопреемником СССР, сохранила исторически сложившиеся связи с бывшими советскими республиками. Учитывая многолетние культурные, экономические и образовательные контакты, Россия инициировала и последовательно развивает программы сотрудничества со странами СНГ

в сфере образования. Одним из ключевых механизмов такого взаимодействия стало открытие филиалов и представительств ведущих российских высших учебных заведений на территории этих государств. Более того, образовательная экспансия российских вузов вышла за пределы постсоветского пространства. Сегодня филиалы российских университетов успешно функционируют и в других дружественных азиатских странах, включая Китайскую Народную Республику и Монголию [5]. Эти образовательные структуры не только обеспечивают доступ к качественному российскому образованию для местных студентов, но и способствуют укреплению научного, культурного и гуманитарного диалога между странами. На текущий момент сеть зарубежных филиалов российских вузов насчитывает более 31 представительства, что свидетельствует об устойчивом развитии международного образовательного сотрудничества и востребованности российской образовательной модели в азиатском регионе (табл. 2).

Очевидно, что работа филиалов в государствах-партнерах — это глубокий и комплексный уровень сотрудничества, напрямую способствующий достижению ЦУР 4 ООН.

Согласно Концепции гуманитарной политики России за рубежом, утвержденной в сентябре 2022 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным⁶, открытие филиалов ведущих российских вузов за рубежом — это возможность сформировать и укрепить объективное восприятие нашей страны в мире, содействовать пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширить контакты между людьми. В п. 42 Концепции отмечено, что «одной из перспективных форм продвижения российского образования на мировом рынке образовательных услуг является создание в лицензированных за рубежом иностранных образовательных организациях отделений, в которых осуществляется обучение на русском языке и по российским стандартам высшего образования. Актуальным становится продвижение, распространение и масштабирование практики реализации программ двойного диплома, создание совместных с иностранными государствами образовательных организаций высшего образования на их территориях, организация совместных подготовительных курсов, открытие филиалов российских образовательных организаций высшего образования за рубежом».

⁶ Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/?ysclid=mh945s1rct908954242>

На африканском континенте проблема доступности образования по-прежнему сохраняет свою остроту: для подавляющего большинства населения получение качественного образования остается недостижимой целью, тогда как представители местных привилегированных кругов имеют к нему беспрепятственный доступ.

Исторически значимым этапом в развитии образовательных связей стал период конца 1950-х гг., когда первые студенты из африканских государств получили возможность обучаться в высших учебных заведениях Советского Союза. Данная инициатива носила многогранный характер: помимо гуманитарной миссии по подготовке квалифицированных кадров для молодых независимых государств, она служила инструментом внешнеполитической стратегии СССР. Как отмечается в исследовании Косова М.Е., в современных условиях экспорт образования рассматривается как важный элемент «мягкой силы» в геополитических интересах России [6]. Целью было не только ослабить влияние бывших колониальных держав в регионе, но и укрепить собственные позиции на африканском направлении, предложив новым суверенным странам альтернативную модель развития и сотрудничества.

В современную эпоху Российская Федерация, опираясь на богатый опыт двусторонних отношений, последовательно наращивает масштаб взаимодействия со странами Африки. Подтверждением этому является создание в МИД России в феврале 2025 г. нового отдельного структурного подразделения — Департамента партнерства с Африкой. В его задачи входит углубление связей со странами континента и наращивание взаимодействия с африканскими интеграционными объединениями⁷.

Российская Федерация активно развивает взаимодействие в области образования в странах Африки. Особое внимание уделяется сфере образования, где реализуются программы академической мобильности, совместные образовательные проекты и инициативы по трансферу знаний, что способствует укреплению партнерских связей и формированию нового поколения африканских специалистов с российской образовательной подготовкой⁸.

Например, Минпросвещения России реализует международный гуманитарный проект «Российский учитель за рубежом». Это сотрудничество российских

⁷ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1994799/

⁸ Вадим Лобов: экспорт образования — «мягкая сила» России. URL: <https://tass.ru/interviews/21523393>

Таблица 2 / Table 2
Филиальная сеть российских университетов в странах Азии и Ближнего Востока / Branch network of Russian universities in Asia and the Middle East

№	Вуз / University	Республика / Государство / Republic / State								
		Казахстан	Узбекистан	Азербайджан	Таджикистан	Армения	Китай	Монголия	ОАЭ	Кыргызстан
1	МГУ им. М.В. Ломоносова	Нурсултан	Ташкент	Баку	Душанбе	Ереван	Шэньчжэнь	—	—	—
2	РЭУ им. Г.В. Плеханова	—	Ташкент	—	—	Ереван	—	Улан-Батор	Дубай	—
3	НИЯУ «МИФИ»	Алматы	Ташкент	—	—	—	—	—	—	—
4	НИТУ «МИСиС»	—	Алматы	—	Душанбе	—	—	—	—	—
5	РГСУ	—	—	—	—	—	—	—	—	Ош
6	Санкт-Петербургский государственный университет	—	Ташкент	—	—	—	—	—	—	—
7	Астраханский государственный технический университет	—	Ташкент	—	—	—	—	—	—	—
8	НИУ «МЭИ»	—	—	—	Душанбе	—	—	—	—	—
9	1-й МГМУ им. И.М. Сеченова	—	—	Баку	—	—	—	—	—	—
10	МГИМО	—	Ташкент	—	—	—	—	—	—	—
11	ВГУК им. С.А. Герасимова	—	Ташкент	—	—	—	—	—	—	—

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Республика / Государство / Republic / State										
№	Вуз / University	Казахстан	Узбекистан	Азербайджан	Таджикистан	Армения	Китай	Монголия	ОАЭ	Кыргызстан
12	Казанский (Приволжский) федеральный университет»	–	Джизак	–	–	–	–	–	–	–
13	НИУ «МАИ»	Байконур	–	–	–	–	–	–	–	–
14	НИУ РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина	–	Ташкент	–	–	–	–	–	–	–
15	РХТУ им. Д.И. Менделеева	–	Ташкент	–	–	–	–	–	–	–
16	Челябинский государственный университет	Костанай	–	–	–	–	–	–	–	–
17	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена	–	Ташкент	–	–	–	–	–	–	–
18	МФПУ «Синергия»	–	–	–	–	–	–	–	Дубай	–
19	Российская международная академия туризма	–	–	–	–	Ереван	–	–	–	–
20	Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов	Алматы	–	–	–	–	–	–	–	–

Источник / Source: данные Минобрнауки России, 2024 г. / Data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 2024.

педагогических университетов с африканскими вузами, создание центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку, а также строительство и открытие совместных школ⁹. В настоящее время 28 педвузов Российской Федерации закреплены за 28 странами Африки и выстраивают сотрудничество с национальными вузами по вопросам подготовки педагогических кадров, академических и студенческих обменов, повышения квалификации педагогов.

Экспорт российского образования за рубеж — одна из приоритетных задач нашей страны. Сотрудничество в данной сфере не только привлекает иностранных студентов, но и имеет преимущества как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Ведь рекрутинг студентов из-за рубежа приносит не только доходы от их обучения на контрактной основе, но и возможность сформировать привлекательный имидж России на международной арене. По последним данным, российские вузы заняли шестое место по количеству выпускников, занимающих ключевые посты в правительствах и парламентах африканских стран. Также развитие образования в Африканском регионе выгодно для российских компаний (ЛУКОЙЛ, Роснефть,

РУСАЛ и др.), присутствующих в регионе, и которым требуются работники с высокой квалификацией¹⁰.

Важное значение в развитии экспорта российского образования за рубеж внес Федеральный проект — «Экспорт образования»¹¹, реализованный в 2019–2024 гг. в рамках национального проекта «Образование». Согласно данным Минобрнауки России, основной целью проекта было «повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и таким образом нарастить несырьевой экспорт Российской Федерации». Проект носил комплексный характер и был нацелен на системное решение задач не только по привлечению иностранных студентов, но и по их адаптации и дальнейшему трудоустройству в Российской Федерации.

В реализации проекта участвовали Минобрнауки России, а также 39 университетов России, среди которых ведущие ВУЗы страны: МГУ им. М.В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ, РУДН, МГИМО и др. В обязанности вузов входило решение вопросов обучения иностранных студентов, подготовки преподавателей для рабо-

⁹ URL: <https://edu.gov.ru/press/8543/na-pmef-obsudili-dinamichnoe-razvitie-sotrudnichestva-rossii-i-stran-afriki-v-sfere-obrazovaniya?ysclid=mh926b2g9m143112733>

¹⁰ URL: <http://duma.gov.ru/media/files/FKtP4k8TsAJ2hNVsb91iX6vTFccvNYze.pdf>

¹¹ URL: <http://government.ru/info/27864/>; <https://petrovkasad.68edu.ru/dokum/eksport.pdf>

Таблица 3 / Table 3

Количество иностранных студентов в российских вузах, проходивших обучение в период с 2016 по 2024 г. / The number of foreign students studying at Russian universities between 2016 and 2024

Год / Year	Общее кол-во иностранных студентов, проходивших обучение в РФ / Total number of international students who studied in the Russian Federation			Всего обучающихся / Total students
	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	
2016	150 193	43 504	18 459	212 126
2017	154 934	51 015	22 492	228 441
2018	163 758	57 460	26 204	247 422
2019	171 517	64 815	30 452	266 784
2020	175 178	72 705	33 332	281 215
2021	175 287	76 812	36 582	288 681
2022	185 089	85 446	41 006	311 541
2023	180 084	92 535	42 091	314 710
2024	194 150	95 996	42 572	332 718

Источник / Source: данные Минобрнауки России, 2024 г. / Data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 2024.

ты с иностранными студентами, их размещение и интеграция в социально-культурное пространство города пребывания. Важно понимать, что для вновь прибывших студентов обучение вдали от дома — серьезная нагрузка по причине адаптации к новой среде и языкового барьера [7].

Главный показатель эффективности проекта — количество иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, а также высокая квалификация специалистов.

Проанализировав данные, представленные в табл. 3, можно отметить устойчивую положительную динамику численности иностранных студентов в российских вузах. Наблюдаемый рост, составивший свыше 120 тыс. чел. за период с 2016 по 2024 г., служит одним из ключевых индикаторов эффективности государственной политики в рамках реализации ЦУР 4 ООН. Данная тенденция также косвенно подтверждает растущую конкурентоспособность российского высшего образования на международной арене и успешное развитие образовательной дипломатии, в частности со странами Азии и Африки, являющимися основными донорами студенческих контингентов.

На основании данных из табл. 3 было проведено эконометрическое исследование с использованием Прикладного пакета эконометрических исследований «Gretl» временного ряда зависимости суммарного количества иностранных студентов (переменная Q). $T = 1$ (начало отсчета соответствует 2016 г.). Получены следующие результаты:

Модель 1: Метод Наименьших Квадратов (МНК)
Зависимая переменная: Q .

Параметр	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-значение
const	203020	4721,82	43,00	9,61e-10 ***
T	14919,4	855,766	17,43	5,03e-07 ***

Характеристики модели:

- Среднее Q : 275 959,8
- Ст. откл. Q : 40 941,93
- Сумма кв. остатков: 3,02e+08
- Ст. ошибка модели: 6567,074
- R^2 : 0,977 488
- Исправ. R^2 : 0,974 272

Мы видим, что обе переменные статистически значимы с вероятностью выше 99%. Эффективность модели подтверждает высокий R-квадрат = 0,977 488 (очень близкий к 1). На основании этой модели получаем следующее регрессионное уравнение:

$$Q = 203\,020 + 14\,919,4 * T.$$

Отсюда для $T = 10$ (что соответствует 2025 г.) получаем, что прогнозное значение на 2025 г. суммарного

количества иностранных студентов в Российской Федерации: $Q = 352\,214$ студентов.

На основе анализа данных, представленных в табл. 4, можно сделать следующие выводы:

1. Количество обучающихся в Российской Федерации студентов из рассматриваемой группы стран Азии и Африки имеет постоянную тенденцию к росту.
2. Наибольшее количество студентов (в порядке возрастания) из Республики Узбекистан, Китайской Народной Республики и Республики Таджикистан [8].
3. Наибольший прирост обучающихся из бывших советских республик Средней Азии, а именно Республики Таджикистан и Республики Узбекистан.
4. Количество студентов из стран Африки существенно меньше, чем студентов из Азии.
5. На основе регрессионного анализа получена прогнозная оценка по следующим странам:
Республика Узбекистан: 49 854 студента (+6,1%);
Китайская Народная Республика: 32 532 студента (+5,2%);
Республика Таджикистан: 21 663 студента (+4,3%).

ВЫВОДЫ

В рамках настоящей государственной политики России значительное внимание уделяется укреплению позиций отечественного образования на международной арене, в частности — повышению его конкурентоспособности и привлекательности для абитуриентов из стран Азии и Африки. Это направление рассматривается как стратегически важное для развития многопланового сотрудничества и расширения влияния России в глобальном образовательном пространстве. Проведенное исследование позволило сформулировать ряд ключевых выводов:

1. Установлена тесная корреляционная связь между уровнем развития образовательной сферы и ключевыми экономическими и социальными индикаторами в странах Азии и Африки. Данные свидетельствуют, что инвестиции в образование напрямую способствуют росту ВВП, снижению уровня бедности, повышению качества жизни и развитию человеческого капитала.
2. Доказано позитивное воздействие образовательных инициатив РФ на социально-экономическое развитие стран Азии и Африки. Реализация российских образовательных программ способствует:
 - трансферу передовых знаний и технологий;
 - формированию квалифицированных национальных кадров;
 - укреплению институционального потенциала образовательных систем;

Таблица 4 / Table 4
Количество иностранных студентов по направлениям высшего образования / The number of international students by fields of higher education

Страна / Направление подготовки / Country / Field of study	2018			2019			2020			2021			2022			2023		
	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
Китай	12 655	862	4804	15417	969	6453	18 484	1306	8264	19978	1583	9402	22 034	1802	11 503	23 568	2423	13 719
Южная Корея	361	94	94	376	69	81	318	91	78	295	92	82	283	77	67	221	64	47
Непал	27	43	2	21	14	11	22	32	10	23	14	21	49	22	8	28	29	8
Сирия	179	158	349	409	480	262	278	205	386	464	772	272	507	962	166	476	1226	162
Йемен	183	281	281	240	385	193	168	67	71	324	603	143	328	675	131	352	684	132
Республика Узбекистан	18 867	5418	1398	23 516	6317	1904	29 073	7004	2455	36 351	7886	2760	43 449	9051	3499	38 249	9124	3677
Тунис	69	927	23	73	967	28	87	936	26	85	825	25	113	813	31	107	831	25
Египет	800	1376	71	1393	2749	116	2267	6099	178	2815	9031	271	3417	11 633	293	3088	11 648	343
Нигерия	209	72	38	228	70	44	352	684	275	304	614	251	332	563	257	381	551	253
Республика Таджикистан	12 170	4138	1570	12 063	4547	1836	12 498	4494	1907	13 917	4584	2269	17 698	5196	2802	18 201	5423	2324

Источник / Source: данные Минобрнауки России, 2024 г. / Data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 2024.

- расширению возможностей для трудоустройства выпускников.

3. На основе эконометрического моделирования получены прогнозные оценки динамики численности иностранных студентов из азиатского и африканского регионов. Расчеты демонстрируют устойчивый рост интереса к российскому образованию при сохранении определенных диспропорций в географической структуре контингента.

4. Выявлено существенное отставание африканского направления от азиатского как по абсолютным показателям численности студентов, так и по темпам прироста. Это указывает на необходимость разработки специализированных мер по активизации образовательного сотрудничества со странами Африки, включая:

- расширение квотного приема;
- адаптацию образовательных программ под региональные потребности;
- усиление маркетинговой поддержки российского образования на африканском континенте.

Полученные результаты подтверждают тенденцию к углублению образовательных связей России со странами Азии и Африки. Наблюдается многократный рост числа иностранных обучающихся в российских вузах, а также активное развитие сети филиалов ведущих образовательных организаций России за рубежом.

Открытие зарубежных филиалов российских вузов несет многоаспектный эффект:

- повышает глобальную конкурентоспособность отечественной образовательной модели;

- обеспечивает доступ к российским образовательным стандартам мирового уровня;

- способствует продвижению русского языка как языка науки и образования;

- стимулирует развитие локальной инфраструктуры и создание новых рабочих мест;

- формирует кадровый резерв, сочетающий компетенции национальных экономик и российских технологических решений.

Особую значимость имеет вклад международного образования в развитие человеческого капитала:

- участники программ приобретают современные профессиональные компетенции;
- страны-партнеры получают импульс для экономического роста через подготовку квалифицированных специалистов;
- укрепляется потенциал для долгосрочного сотрудничества в научно-технической и инновационной сферах.

Возрастающий интерес к российским образовательным проектам подчеркивает статус России как авторитетного центра знаний на мировой арене. Страна демонстрирует готовность к масштабному обмену опытом и технологиями, что полностью соответствует целям Цели устойчивого развития 4 (ЦУР 4) ООН, направленной на обеспечение инклюзивного и качественного образования для всех [9].

Таким образом, развитие образовательного сотрудничества с Азией и Африкой становится важным инструментом мягкой силы России, способствуя не только укреплению ее международного имиджа, но и формированию устойчивого партнерства на основе общих образовательных и экономических интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суслов А.В. Образование как необходимый элемент устойчивого развития. *Образовательные ресурсы и технологии*. 2022;40(3):96–103. DOI: 10.21777/2500-2112-2022-3-96-103
2. Новиков Н.Ю., Степченко В.Г., Глушак Н.В. Человеческий капитал в контексте устойчивого инновационного развития. *Вестник Брянского государственного университета*. 2019;2(40):167–178. URL: <https://elibrary.ru/sklpdl>
3. Розанова М.Н. Трансформация высшего образования: ключевые закономерности и долгосрочные тенденции. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020;(5):64–78. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10057
4. Mincer J. Investments in human capital and personal income distribution. *Political economy*. 1958; 66(4):281–302.
5. Садловская М.В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024;(4):142. DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.118
6. Косов М.Е. Глобализация образования, возможности и перспективы экспорта российского образования в условиях санкций против Российской Федерации. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2024;21–2(134):5–18. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-5-18
7. Тюрина Ю.А., Луценко Е.Л., Казаку О.В. Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении. *Власть и управление на Востоке России*. 2022;99(2):21–32. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32
8. Федченко А.А., Борисова Л.И. Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024;47(1):48–59. DOI:10.22394/2073-2929-2024-01-48-59

9. Халимон Е.А. Роль России в международных проектах в сфере образования. *Вестник университета*. 2016;(10):249–253. URL: <https://elibrary.ru/uucjvw>

REFERENCES

1. Suslov A.V. Education as a necessary element of sustainable development. *Educational resources and technologies*. 2022;40(3):96–103. (In Russ.). DOI: 10.21777/2500-2112-2022-3-96-103
2. Novikov N. Yu., Stepchenko V.G., Glushak N.V. Human capital in the context of sustainable innovative development. *Bulletin of the Bryansk State University*. 2019;2(40):167–178. URL: <https://elibrary.ru/sklpdl> (In Russ.).
3. Rozanova M.N. Transformation of higher education: Key patterns and long-term trends. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(5):64–78. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10057
4. Mincer J. Investments in human capital and personal income distribution. *Political economy*. 1958; 66(4):281–302.
5. Sadlovskaya M.V. Cooperation between the Russian Federation and China in the field of education: Current state and development prospects. *International Scientific Research Journal*. 2024;(4):142. (In Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.118
6. Kosov M.E. Globalization of education, opportunities and prospects for the export of Russian education in the context of sanctions against the Russian Federation. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2024;21–2 (134):5–18. (In Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-5-18
7. Tyurina Yu.A., Lutsenko E.L., Kazaku O.V. Implementation of the priority project “Export of education” in the sociological dimension. *Power and governance in the East of Russia*. 2022;99(2):21–32. (In Russ.). DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32
8. Fedchenko A.A., Borisova L.I. Experience and prospects of development of Russian-Tajik cooperation in the field of education. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2024;47(1):48–59. (In Russ.). DOI:10.22394/2073-2929-2024-01-48-59
9. Halimon E.A. The role of Russia in international projects in the field of education. *Bulletin of the University*. 2016;(10):249–253. URL: <https://elibrary.ru/uucjvw> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Георгиевич Шандра — кандидат физико-математических наук, профессор кафедры математики и анализа данных, факультет информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва Российская Федерация

Igor G. Shandra — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Prof. of the Department of Mathematics and Data Analysis, Faculty of Information Technology and Big Data Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6326-9371>

igshandra@fa.ru

Петр Андреевич Сороко — студент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Peter A. Soroko — student of the Department of International Business, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-1315-6935>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor

ps20_00@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 18.08.2025; принята к публикации 27.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 18.08.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Эволюция стратегий и новое лицо Китая в мировой торговле

Шэнь Дань, Н.В. Михайлова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию эволюции стратегий внешней торговли Китая и особенностям формирования его нового лица в мировой экономике. В центре внимания находится анализ исторического пути страны от периода упадка XIX — первой половины XX в., связанного с неравноправными договорами и потерей торгового суверенитета, до современного этапа, когда Китай стал крупнейшей торговой державой мира. На основе теории жизненных циклов национального развития выделены пять ключевых этапов развития внешней торговли: упадок, подготовительный рост, быстрый рост, процветание и переход к качественному развитию. Автор показывает, что трансформация Китая во внешней торговле была обусловлена целым рядом факторов: индустриализацией и формированием собственной производственной базы; институциональными реформами периода «реформ и открытости»; вступлением в ВТО и последующим стремительным ростом объемов экспорта и импорта; а также стратегией цифровизации, экологизации и диверсификации торговых связей. Особое внимание уделяется влиянию геополитических вызовов и технологических прорывов, в том числе искусственного интеллекта, квантовых вычислений и «новой тройки» экспорта (электромобили, литиевые батареи, фотоэлектрические системы). Статья указывает, что, несмотря на рост протекционизма, реструктуризацию мировых правил торговли и кризисы глобальной логистики, Китай сумел продемонстрировать устойчивость и способность к адаптации. Этому способствуют комплексная производственная система, огромный внутренний рынок, активное развитие инициативы «Один пояс, один путь» и диверсификация торговых направлений. Особую роль играет переход от количественных показателей к качественному росту, что проявляется в увеличении доли высокотехнологичной продукции и услуг в экспортной корзине страны. Сделан вывод о том, что современный Китай не только следует глобальным трендам, но и активно участвует в формировании новых правил мировой торговли, усиливая свое влияние через качественное развитие внешнеэкономической деятельности. Работа актуальна в условиях глобальной нестабильности и технологической революции, так как опыт Китая может служить моделью для других стран, стремящихся укрепить свои позиции в мировой торговой системе.

Ключевые слова: Китай; мировая торговля; этапы развития; экспорт-импорт; цифровизация; геополитика; торговая держава; устойчивый рост

Для цитирования: Дань Шэнь, Михайлова Н.В. Эволюция стратегий и новое лицо Китая в мировой торговле. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):46-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-46-54

ORIGINAL PAPER

The Evolution of Strategies and the New Face of China in Global Trade

Shen Dan, N.V. Mikhailova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the evolution of China's foreign trade strategies and the specifics of the formation of its new face in the global economy. The focus is on the analysis of the country's historical path from the period of decline in the 19th — first half of the 20th century, associated with unequal treaties and the loss of trade sovereignty, to the modern stage, when China has become the largest trading power in the world. Based on the theory of life cycles of national development, five key stages of foreign trade development are identified: decline, preparatory growth, rapid growth, prosperity and transition to high-quality development. The author shows that China's transformation in foreign trade was due to a number of factors: industrialization and the formation of its own production base; institutional reforms of the "reform and openness" period; accession to the WTO and the subsequent rapid growth of exports and imports; as

well as a strategy of digitalization, greening and diversification of trade relations. Particular attention is paid to the impact of geopolitical challenges and technological breakthroughs, including artificial intelligence, quantum computing and the “new three” of exports (electric vehicles, lithium batteries, photovoltaic systems). The article points out that despite the growth of protectionism, the restructuring of global trade rules and crises in global logistics, China has managed to demonstrate resilience and adaptability. This is facilitated by an integrated production system, a huge domestic market, the active development of the “One Belt, One Road” initiative and the diversification of trade directions. A special role is played by the transition from quantitative indicators to qualitative growth, which is manifested in the increase in the share of high-tech products and services in the country’s export basket. It is concluded that modern China not only follows global trends, but also actively participates in the formation of new rules of world trade, strengthening its influence through the qualitative development of foreign economic activity. The work is relevant in the context of global instability and technological revolution, since China’s experience can serve as a model for other countries seeking to strengthen their positions in the global trading system.

Keywords: China; global trade; stages of development; export-import; digitalization; geopolitics; trading power; sustainable growth

For citation: Dan Shen, Mikhailova N.V. The evolution of strategies and the new face of China in global trade. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):46-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-46-54

ВВЕДЕНИЕ

Мировая торговля на протяжении всей истории человечества являлась ключевым индикатором экономической мощи и международного влияния государств. Страны, достигавшие статуса глобальных держав, неизменно превращались в крупнейшие торговые центры, от которых зависела динамика развития мировой экономики. Китай, обладающий многовековыми традициями торговли и производства, в XIX в. столкнулся с кризисом, связанным с колониальной экспансией западных держав, навязыванием неравноправных договоров и утратой суверенитета. Период упадка сменился продолжительным этапом восстановления, в ходе которого страна создала собственную промышленную базу и заложила основу для последующего стремительного роста. Актуальность исследования обусловлена тем, что в XXI в. Китай превратился в крупнейшую торговую державу мира, заняв лидирующие позиции как по экспорту, так и по импорту товаров. В условиях глобализации, цифровой трансформации и экологических вызовов опыт Китая демонстрирует уникальную модель адаптации к внешним угрозам и использования внутренних ресурсов для укрепления национальной мощи. Сегодня, когда мировая торговля сталкивается с вызовами протекционизма, геополитической нестабильности и технологической революции, анализ эволюции стратегий Китая приобретает особое значение. Он позволяет не только понять закономерности китайского успеха, но и оценить перспективы развития мировой торговой системы в новых условиях.

Целью статьи является выявление ключевых этапов развития внешней торговли Китая, анализ факторов, способствовавших превращению страны в ведущую мировую торговую державу, а также

оценка перспектив ее дальнейшего развития в условиях глобальной экономической нестабильности и технологической революции.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе применяются методы статистической обработки экономических данных, историко-сравнительный и системный анализ, а также концепция жизненного цикла национального развития. Используются данные международных организаций, официальная статистика Китая и аналитические материалы ведущих исследователей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Жизненный цикл развития торговли — ключевой элемент теории жизненных циклов национального развития. Исторически большинство мировых держав одновременно выступали и торговыми державами. Поэтому превращение Китая в глобальную торговую державу служит важнейшим индикатором его продвижения к статусу мировой державы. В 2022 г. Китай возглавил мировой рейтинг по объему ВВП (в международных долларах 2017 г.), обеспечив 18,5% от общемирового показателя. Одновременно с этим общий объем торговли товарами Китая занимал первое место в мире, составляя 12,3% от мирового объема, что является ключевым показателем прогресса Китая на пути к становлению как торговой, так и глобальной державы¹.

Согласно теории жизненных циклов национального развития эволюцию совокупной национальной мощи страны по отношению к мировому уровню

¹ China’s share of global goods trade reaches 12.3% in 2023 vs EU at 11.4% and US at 10.8%. URL: <https://www.voroniapp.com/trade/-Chinas-Share-of-World-Trade-Reaches-123-in-2023-vs-EU-at-114-and-US-at-108-3684>

можно разделить на четыре этапа: подготовительный рост, быстрый рост, процветание и упадок.

Современный Китай пережил четыре последовательных этапа: упадок традиционного Китая, подготовительный рост современного Китая, быстрый рост и начало процветания. Коммунистическая партия Китая, являясь важнейшей инновационной переменной² в жизненном цикле развития современного Китая, привела страну к достижению выдающегося скачка от устойчивого положения к процветанию и могуществу.

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ КИТАЯ

1. Период упадка торговли (1840–1949)

В этот период внешняя торговля Китая основывалась преимущественно на неравноправных договорах, заключенных с великими державами, что привело к отставанию в масштабах, качестве и эффективности торговли. Под влиянием политики «закрытых дверей» династий Мин и Цин Китай был относительно пассивен в своей международной торговле. Хотя эта ограничительная политика, характеризующаяся «самовозлагаемыми таможенными ограничениями», сыграла положительную роль в укреплении береговой обороны, она также препятствовала распространению передовых технологий, полученных в результате западной промышленной революции [1]. После Опиумной войны 1840 г. Китай подписал Нанкинский договор, вынудивший его к открытию пяти договорных портов — Гуанчжоу, Фучжоу, Сямынь, Нинбо и Шанхай — и установивший свободную торговлю с Великобританией.

Расчеты, основанные на исторических данных о торговле из разных стран, показывают значительный рост экспорта Китая после 1840 г. В 1850 г. доля Китая в мировом экспорте (3,3%) была в 2,54 раза выше, чем в 1830 г. (1,3%). Согласно данным Ангуса Мэддисона о мировом и национальном экспорте, рассчитанным в долл. США 1990 г., общий объем экспорта товаров Китая в 1870 г. составлял 2,5% от общего объема экспорта 24 рассматриваемых стран. К 1950 г. этот показатель снизился до 1,7%, что сделало Китай малой торговой державой³.

² Национальное бюро статистики интерпретирует инновационный индекс Китая за 2022 год: Уровень инновационного развития Китая продолжает улучшаться. URL: <https://ru.theorchina.org.cn/c/2023-12-05/1488126.shtml>

³ China's share of global goods trade reaches 12.3% in 2023 vs EU at 11.4% and US at 10.8%. URL: <https://www.voronoiaapp.com/trade/-Chinas-Share-of-World-Trade-Reaches-123-in-2023-vs-EU-at-114-and-US-at-108-3684>

Внешняя торговля в этот период была не только незначительной по масштабам, но и характеризовалась утратой государственного суверенитета. Например, Нанкинский договор⁴ требовал, чтобы «импортные и экспортные пошлины и налоги, а также военные расходы, определялись беспристрастным соглашением», фактически лишая Китай тарифного суверенитета. После Опиумной войны Китай, постепенно превращаясь в полуколониальное и полуфеодалное общество, подписал 38 неравноправных договоров и был вынужден открыть 110 портов⁵. Неравноправная внешнеторговая политика увеличила экономическое бремя страны в этот период и, по сути, ускорила падение династии Цин [2, 3]. Кроме того, с точки зрения международной обстановки, в этот период Британия постепенно переходила от процветания к периоду упадка. С 1914 г. Великобритания уступала США по объему экспорта, затем с 1940 г. — по общему объему торговли и, наконец, с 1950 г. — по объему импорта. В целом Соединенным Штатам потребовалось около 40 лет для перехода от статуса крупнейшего в мире экспортера к статусу крупнейшего в мире импортера, завершив тем самым полное преодоление отставания Великобритании от стран с мировым торговым статусом.

2. Начальный период подготовки к торговле (1949–1978)

Следующим этапом стало развитие внешней торговли Китая, известное как период начальной подготовки торговли (1949–1978 гг.). Под влиянием международной политической обстановки ни экспорт Китая, ни общий объем торговли в этот период не достигли существенного роста. Тем не менее в этот период Китай посредством индустриализации создал относительно полную промышленную базу⁶. В 1978 г. ВВП Китая достиг 367,9 млрд юаней, увеличившись в 5,4 раза по сравнению с 1952 г.,

⁴ Нанкинский мирный договор между Китаем и Великобританией заключен 29 августа 1842 г.

⁵ См., например: The Economist, weekly commercial times, banker's gazette and railmen monitor: a political, literary and general newspaper. March 14, London, 1884; Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly record of Geography. London; Sargent A.J. Anglo-Chinese commerce and diplomacy. Oxford, 1907; The Times. London. 5. Tseng Chitse (calles Chinese minister to England and France). Extracts from the diary of the Marguis Tseng // The Nineteenth Century Review. Vol. XIV. Dec. 1883; URL: <https://asiapacificcurriculum.ca/learning-module/opium-wars-china>

⁶ China's per-capita GNI tops average of middle-income countries. URL: https://english.www.gov.cn/state_council/ministries/2019/07/02/content_281476744776662.htm

что заложило прочную материальную основу для быстрого развития экономики и внешней торговли Китая [4].

3. Период подготовки и роста торговли (1978–2001)

В этот период Китай активно готовился к расширению торговли и повышал открытость внешнему миру через институциональные реформы. Благодаря невысокой исходной базе среднегодовые темпы роста торговли товарами и услугами более чем вдвое превышали среднемировой уровень. При этом торговля услугами Китая все еще существенно отставала от уровня ведущих мировых держав, тогда как торговля товарами постепенно приближалась к их показателям. В частности, с точки зрения торговли товарами экспорт товаров Китая (в текущих долларах США) вырос с 9,96 млрд долл. США в 1978 г. до 266,1 млрд долл. США в 2001 г. со среднегодовыми темпами роста 15,4%, что в 2,1 раза превышает средние темпы роста мирового экспорта товаров (7,2%) за тот же период. Импорт товаров в Китай (в текущих долларах США) вырос с 11,13 млрд долл. США в 1978 г. до 243,55 млрд долл. США в 2001 г. со среднегодовым темпом роста 14,4%, что в 2 раза превышает средний темп роста мирового импорта товаров за тот же период⁷. В 2001 г., перед вступлением в ВТО, Китай занял шестое место в мире по объему товарооборота — как по экспорту, так и по импорту. При этом масштабы торговли услугами оставались относительно небольшими. С 1982 г. импорт и экспорт услуг Китая росли в среднем на 16,9 и 20,7% в год соответственно — в 2,6 и 2,7 раза быстрее среднемирового показателя. Однако из-за небольшой исходной базы к 2001 г. их доля в мировом объеме составила лишь 2,36% (импорт) и 5,27% (экспорт). При этом разрыв с ведущими мировыми торговыми державами оставался значительным [5].

4. Быстрый рост торговли (2001–2020)

В этот период внешняя торговля Китая достигла мировых масштабов: торговля товарами занимала первое место, а услугами — второе на протяжении многих лет. Такой рост существенно повлиял на развитие международной торговли.

Рассматривая структуру внешней торговли Китая в этот период, стоит отметить, что с 2001 по 2013 г. наблюдался стремительный рост торговли

товарами, благодаря чему Китай стал мировым лидером в этой сфере⁸.

В рассматриваемый период экспорт товаров из Китая ежегодно увеличивался в среднем на 27,3% — это в 2,75 раза выше среднемирового темпа роста (9,9%). Доля китайского экспорта в США выросла с 16,2% в 2001 г. до 135,2% в 2013 г. (среднегодовой прирост — 10 процентных пунктов). В 2013 г. Китай стал крупнейшим мировым экспортером, обойдя США. К 2020 г. объем китайского экспорта достиг 2,53 трлн долларов США (14,4% мирового экспорта). Импорт Китая в период 2001–2013 гг. рос в среднем на 23,6% в год, что в 2,44 раза превышает среднемировой темп роста (9,7%)⁹.

В 2013 г. объем внешнеторгового оборота Китая достиг 4,16 трлн долл. США, при этом экспорт составил 2,21 трлн долл., а импорт — 1,95 трлн долл.¹⁰ Китай впервые обошел США, став крупнейшей в мире торговой страной по товарам. При этом его индекс линейного судоходства долгое время остается лидирующим: в 2021 г. он достиг 171,2, что в 1,67 раза выше показателя США (102,6)¹¹.

Во-вторых, в период с 2013 по 2020 г. наблюдался быстрый рост торговли услугами Китая¹². Рост объема торговли товарами стимулировал ее развитие — импорт увеличивался быстро, экспорт стабильно [6]. В рассматриваемый период среднегодовой рост экспорта услуг Китая составлял 2,8% — на 1,2 п.п. ниже мирового показателя (4,0%). В 2019 г. экспорт услуг Китая достигал 27,4% от уровня США, сохраняя значительный разрыв. Импорт услуг Китая в 2013–2020 гг. рос в среднем на 7,33% в год, что в 1,9 раза превышало мировой темп роста импорта товаров (3,87%). При этом доля импорта услуг США увеличилась с 71,0% в 2013 г. до 85,2% в 2019 г., однако Китай продолжал наращивать импорт, сокращая отставание. Динамичное развитие торговли услугами укрепило позиции Китая как ведущей торговой державы. В 2020 г. страна заняла первое место в мире по общему

⁸ China imports (annual data). MacroTrends (данные 2020). URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/chn/china/imports>

⁹ China Customs statistics for 2013. JEAWIN. URL: <https://www.jeawin.com/en/2013-total-tade-data.html>

¹⁰ General Administration of Customs of China. Review of China's Foreign Trade in 2020. Опубликовано: 14 января 2021. URL: <https://english.customs.gov.cn/Statics/436edfa3-b30d-45cd-8260-7d5baf34a5a8.html>

¹¹ MacroTrends. China exports for 2022 were 3.718 trillion US dollars. URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/chn/china/exports>

¹² <https://ru.theorychina.org.cn/c/2021-07-02/1411596.shtml>

⁷ Monaghan A. China surpasses US as world's largest trading nation. URL: <https://www.theguardian.com/business/2014/jan/10/china-surpasses-us-world-largest-trading-nation>

объему торговли товарами и услугами — 32,16 трлн юаней, что на 3% превысило показатель США. Из этой суммы: экспорт составил 17,93 трлн юаней; импорт — 14,23 трлн¹³.

5. Период активного развития торговли (2020 — настоящее время)

В этот период внешняя торговля Китая перешла на этап высококачественного развития. Согласно докладу XX съезда КПК, ключевые задачи — обеспечить высокую открытость и ускорить становление Китая как ведущей торговой державы.

В 2022 г. показатели внешней торговли Китая (% от мирового объема) составили:

- экспорт товаров и услуг — 3,72 трлн (11,9);
- импорт товаров и услуг — 3,14 трлн (10,2);
- общий объем торговли товарами и услугами — (11,05)¹⁴.

Прогнозируется, что к 2035 г. доля Китая в мировой торговле товарами и услугами достигнет около 20%, что выведет страну на первое место в мире по объему внешней торговли [7].

Благодаря открытости экономики и преимуществам масштабного внутреннего рынка Китай будет активнее привлекать мировые ресурсы. Это позволит сместить фокус с низкодоходной трудоемкой торговли на высокодоходную, технологически емкую. В результате страна сформирует крупный международный рынок, привлекающий глобальные производственные ресурсы [8].

В 2024 г. внешняя торговля Китая развивалась успешно, несмотря на непростую обстановку: неравномерное восстановление мировой экономики, геополитические конфликты и рост протекционизма.

По данным Главного таможенного управления, годовой объем импорта и экспорта достиг рекордных 43,85 трлн юаней (около 6,1 трлн долл. США), показав рост на 5% в годовом исчислении. При этом экспорт превысил 25 трлн юаней, увеличившись на 7,1% — положительная динамика сохраняется уже восемь лет подряд [9].

Доля торговли со странами инициативы «Один пояс, один путь» выросла до 50,3%, при этом АСЕАН остается крупнейшим торговым партнером Китая уже пять лет подряд. На долю частных предприя-

тий пришлось 54,28% импорта и экспорта, а объем трансграничного импорта и экспорта в сфере электронной коммерции достиг 2,63 трлн юаней, увеличив его долю в общем объеме внешней торговли до 6%¹⁵. Эти данные не только демонстрируют устойчивость внешней торговли Китая, но и раскрывают глубинную логику его структурной трансформации: переход от традиционных трудоемких отраслей к высокотехнологичным и экологичным, низкоуглеродным секторам; переход от опоры на единый рынок к диверсифицированному и регионализованному присутствию; и переход от масштабного расширения к повышению качества и эффективности [9].

Однако «тройное разделение» мирового экономического ландшафта в 2025 г. — реорганизация правил торговли, перестройка геополитического ландшафта и ускорение технологической революции — стало более серьезным испытанием для внешней торговли Китая.

Во-первых, правила мировой торговли претерпевают разрушительную перестройку, вызванную «революцией Трампа». Эта революция, с ее фирменным инструментом политики в виде взаимных тарифов, полностью перестроила многосторонний торговый порядок, основанный на режиме наибольшего благоприятствования со времен Второй мировой войны. Предложенный администрацией Трампа принцип «взаимных тарифов» — введение тарифов, равных тарифам, применяемым Соединенными Штатами к любой стране, — не только подрывает основы «недискриминационной торговли» в рамках ВТО, но и, посредством односторонних принудительных мер, ставит двусторонние переговоры выше многосторонних правил. Разрушительный характер «революции Трампа» выходит за рамки тарифов и затрагивает реструктуризацию системы регулирования.

Во-вторых, геополитические потрясения перерастают из событий, подобных «черному лебедю», в риски, подобные «серому носорогу». Продвижение администрацией Трампа нетрадиционных американо-российских отношений, территориальные претензии США к своим североамериканским союзникам и стратегические разногласия в НАТО сигнализируют о цикле перебалансировки в отношениях между основными державами. Эта структурная перестройка отличается от традици-

¹³ Xinhua. China's foreign trade hits new high in 2024. Gov.cn. URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202501/13/content_WS6784a546c6d0868f4e8eec59.html

¹⁴ Ту Синцюань, Цзя Линцзин. 2025 China foreign trade: resilience, breakthrough and strategic upgrading. URL: <https://www.stcn.com/article/detail/1549251.htm>

¹⁵ Ту Синцюань, Цзя Линцзин. 2025 China foreign trade: resilience, breakthrough and strategic upgrading. URL: <https://www.stcn.com/article/detail/1549251.htm>

онных геополитических рисков и выходит за рамки краткосрочных компромиссов. Она может изменить глобальное распределение сил, создавая как проблемы, так и возможности для Китая. В частности, в сфере торговли кризис судоходства в Красном море привел к 40%-му падению грузооборота через Суэцкий канал и 300%-му росту фрахтовых ставок на маршрутах Азия — Европа. Это внезапное событие выявило хрупкость глобальной цепочки поставок. В то же время системные риски (нестабильность на Ближнем Востоке, затяжные конфликты в Восточной Европе) продолжают накапливаться, потенциально провоцируя цепную реакцию колебаний цен на энергоносители, обвалов валютных курсов на развивающихся рынках и фрагментации региональных платежных систем.

Хотя доля Китая в экспорте на развивающиеся рынки, такие как АСЕАН и Латинская Америка, выросла до 24,1%, эти регионы сталкиваются с разной степенью политической стабильности, валютного контроля и инфраструктуры. В сочетании с давлением, вызванным стратегией «ниаршоринга» США, развитие рынка стало значительно более сложным. Стоит изучить вопрос о том, как воспользоваться возможностями и пойти против тренда в условиях меняющейся геополитической ситуации.

Наконец, такие прорывные технологии, как искусственный интеллект, новая энергетика и квантовые вычисления, меняют ландшафт мировой торговли. Спрос на экологичные продукты, такие как электромобили и оборудование для хранения энергии, стремительно растет: Международное энергетическое агентство (МЭА) прогнозирует, что мировой рынок транспортных средств на новых источниках энергии превысит 5 трлн долл. США¹⁶. К 2030 г. Китай преодолеет отставание и в ряде секторов выйдет в лидеры благодаря комплексной производственной цепочке и технологическим инновациям. К 2024 г. экспорт «новой тройки» — транспортных средств на новых источниках энергии, литиевых аккумуляторов и фотоэлектрических систем — вырос более чем на 20%, обеспечив Китаю 35, 60 и 80% доли мирового рынка соответственно. Это не только увеличило объем внешней торговли, но и укрепило позиции страны в глобальном «зеленом» и цифровом регулировании¹⁷.

Однако технологические успехи провоцируют торговые конфликты. ЕС начал антисубсидиарное

расследование против китайских электромобилей с предложением ввести пошлины 15–30%. В США закон о снижении инфляции лишил китайскую цепочку поставок литиевых аккумуляторов налоговых льгот. Китаю приходится искать баланс между инновациями и регуляторными рисками.

Устойчивость внешней торговли Китая поддерживается четырьмя внутренними факторами:

- системными преимуществами производственной цепочки;
- диверсификацией рынков;
- инновационными бизнес-форматами;
- потенциалом внутреннего спроса.

Эти преимущества укрепляются за счет институциональных инноваций и модернизации. Так, на Китай приходится 35% мирового промышленного производства; страна лидирует по выпуску более чем 220 видов продукции. В секторах новых транспортных средств (дельта рек Янцзы и Чжуцзян) сформирована полная цепочка — от добычи лития до сборки автомобилей, что повышает гибкость при тарифных шоках.

За десять лет реализации инициативы «Один пояс, один путь» доля Китая в торговле с ее участниками выросла с 25% (2013 г.) до 50,3% (2024 г.). Это стало возможным благодаря инфраструктурной взаимосвязанности; кооперации производственных мощностей; согласованию нормативных баз.

Сейчас ключевая модель зарубежной экспансии — инвестиции в торговлю, поэтому китайские компании размещают производство ближе к целевым рынкам; вкладываются в новые проекты, слияния и поглощения; расширяют производственные цепочки. Такая стратегия «локализованного производства + регионализованного экспорта» трансформирует глобальные цепочки поставок и повышает устойчивость Китая к внешнеторговым рискам [10].

В развивающихся секторах трансграничная электронная торговля переходит от модели, определяемой политикой, к рыночной модели. К 2024 г. объем импорта и экспорта в рамках трансграничной электронной торговли достиг 2,63 трлн юаней, а количество зарубежных складов превысило 2500. Такие платформы, как Shein и Temu, используют модель «небольшой заказ, быстрое реагирование», чтобы сократить время реагирования в цепочке поставок Китая до семи дней, сохраняя уровень возвратов ниже 20%.

88,38 млн таможенных деклараций стимулировали рост объема и качества внешней торговли Китая к 2024 г. Последние данные, опубликован-

¹⁶ URL: <https://www.energylivenews.com/2025/01/14/china-leads-worldwide-ev-sales/>

¹⁷ URL: <https://www.world-energy.org/article/50125.html>

ные Главным таможенным управлением Китая, показывают, что общий объем импорта и экспорта товаров Китая в прошлом году достиг 43,85 трлн юаней, увеличившись на 5% в годовом исчислении и установив новый рекорд¹⁸. Внешняя торговля выросла на 2,1 трлн юаней, что еще больше укрепило позиции Китая как крупнейшего в мире торговца товарами [10]. Товарная структура импорта и экспорта продолжает оптимизироваться и совершенствоваться, при этом увеличивается количество «новых» товаров. Внешняя торговля Китая выдержала множество вызовов и продолжает демонстрировать устойчивость, жизнеспособность и потенциал китайской экономики. Это свидетельствует о том, что в условиях, когда мировая экономика сталкивается с угрозой протекционизма, открытость и сотрудничество остаются стратегическим выбором для экономического развития.

Организация Объединенных Наций и Международный валютный фонд недавно предупредили, что повышение пошлин может повлиять на мировой экономический рост¹⁹. В условиях растущего протекционизма многие страны рассматривают способы смягчения воздействия возросших торговых барьеров на свою экономику. Стремясь к инновационному развитию и энергично наращивая потребление, Китай постоянно расширяет свою открытость внешнему миру, укрепляя свой потенциал открытого и взаимовыгодного сотрудничества в условиях глобализации и расширяя свой «круг друзей» во внешней торговле. Данные показывают, что Китай имеет данные по импорту и экспорту практически со всеми странами и регионами, входящими в статистические группы ООН, добившись роста импорта и экспорта с более чем 160 партнерами и став крупным торговым партнером для более чем 150 стран и регионов. В то время как торговля с традиционными рынками, такими как ЕС и США, продолжает расти, доля импорта и экспорта Китая со странами, участвующими в инициативе «Один пояс, один путь», впервые превысила 50%, при этом большая часть торговли приходится на развивающиеся рынки, такие как АСЕАН. Можно сказать, что расширение открытости еще больше укрепило устойчивость внешней торговли Китая [11].

На выставке бытовой электроники в Лас-Вегасе американский журналист Патрик Джордж трижды знакомился с китайскими электромобилями. Его заставляло возвращаться, казалось бы, безупреч-

ное качество сборки китайских электромобилей. «В Китае эти электромобили — уже не будущее, а реальность», — сказал он²⁰. Прогресс китайской автопромышленности обусловлен крупными инвестициями, фокусом на электрификацию и ПО, обучением у партнеров, развитой цепочкой поставок и жесткой внутренней конкуренцией.

Успех китайских товаров на выставке бытовой электроники в Лас-Вегасе подтверждает: бренд «Сделано в Китае» стал драйвером развития внешней торговли. Комплексная промышленная система и технологические инновации повышают производительность. Модернизируемые китайские продукты предлагают партнерам высокое качество, экологичность и интеллектуальные функции. Например:

- стиральные машины с ИИ автоматически определяют вес и материал одежды, выбирая оптимальный режим стирки;
- умные кухонные комбайны имеют встроенные меню — достаточно добавить ингредиенты и нажать кнопку.

Непрерывные инновации делают глобальное расширение китайской продукции закономерным.

Ключевой фактор развития внешней торговли — обширный китайский рынок. Китай последовательно расширяет открытость: как самостоятельную, так и институциональную. Раскрытие потенциала рынка создает возможности для стран мира.

Если восточный регион Китая традиционно поддерживает внешнюю торговлю, то центральные и западные регионы активно включаются в процессы открытости. Международное взаимодействие проникает в повседневную жизнь внутренних районов:

- новозеландский рубец и вьетнамский горбыль поступают в рестораны по холодильной цепи Нового западного сухопутно-морского коридора;
- тайский дуриан и лаосские бананы доставляются по Китайско-лаосской железной дороге.

1 декабря прошлого года Китай ввел нулевой тариф на 100% товарных позиций для наименее развитых стран, с которыми есть дипломатические отношения. В том же месяце импорт из этих стран вырос на 18,1% — на 5,8 п.п. выше среднего за предыдущие 11 месяцев. Это подтверждает огромный потенциал китайского рынка и его

¹⁸ URL: <https://www.interfax.ru/business/1002543>

¹⁹ URL: <https://www.interfax.ru/business/1018233>

²⁰ Patrick George. China's EVs Drew Big Crowds At CES. They Should Make Everyone Else Nervous. URL: <https://insideevs.com/news/746628/ces-zeekr-great-wall-2025/>

способность открывать новые возможности для других стран²¹.

Внешняя торговля Китая продолжает устойчиво расти в объемах и качестве, подтверждая: развитие через открытость и взаимовыгодное сотрудничество — верный путь. Экономика страны имеет прочную основу, значительные преимущества и большой потенциал. Условия и тенденции долгосрочного роста сохраняются, что позволяет Китаю уверенно двигаться к совместному развитию с мировым сообществом.

ВЫВОДЫ

1. Историческое развитие внешней торговли Китая прошло через несколько этапов — от упадка в XIX — первой половине XX в. до современного качественного роста, что подтверждает применимость теории жизненных циклов к анализу национального развития.

2. Ключевыми факторами становления Китая как торговой державы стали индустриализация, институциональные реформы периода «реформ и открытости», а также вступление в ВТО, что обеспечило резкий рост объемов экспорта и импорта.

3. Китай сумел превратить свое преимущество масштабного внутреннего рынка и комплек-

сной производственной системы в стратегическое преимущество, обеспечив устойчивость внешней торговли даже в условиях глобальных кризисов и протекционизма.

4. Геополитические вызовы и перестройка мировой торговой системы не ослабили позиции Китая, напротив — страна активно использует их для укрепления влияния, диверсификации рынков и продвижения инициативы «Один пояс, один путь».

5. Технологические инновации (искусственный интеллект, новые источники энергии, квантовые вычисления) и «новая тройка» экспорта (электромобили, литиевые батареи, фотоэлектрические системы) становятся основой качественного развития внешней торговли КНР.

6. Китай не только адаптируется к изменениям мировой экономики, но и формирует новые правила международной торговли, повышая роль в глобальном нормотворчестве и усиливая экономическую взаимозависимость.

7. Современная стратегия КНР ориентирована на переход от количественного расширения к высококачественному развитию торговли, что проявляется в диверсификации партнеров, цифровизации и экологизации экономики.

8. Опыт Китая демонстрирует возможность сочетания национальных интересов с глобальной интеграцией, что делает его модель значимой для других стран, стремящихся укрепить свои позиции в международной торговой системе.

²¹ Китай продолжает расширять круг друзей во внешней торговле. URL: <https://ru.eureporter.co/world/china-2/2025/01/24/china-continues-expanding-circle-of-friends-in-foreign-trade/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Keller W., Li B., Shiu Carol H. Shanghai's trade, China's growth: Continuity, recovery, and change since the Opium War1. *IMF Economic Review*. 2012;61(2):1–55. 2012. DOI: 10.1057/imfer.2013.10
2. Pedersen M. China and the Opium Wars: Brewing the Perfect Cup of Humiliation. 2019. 22 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/334278302_China_and_the_Opium_Wars_Brewing_the_Perfect_Cup_of_Humiliation
3. Waung W. The Opium Question in China 1860–1887. 1978. 448 p. DOI: 10.25501/SOAS.00033669
4. Zhiyuan Cui. China's export growth, 1978–2002. *China: An International Journal*. 2003;1(2):339–349. DOI: 10.1353/CHN.2005.0035
5. Портяков В. Я. Внешнеэкономические связи Китайской народной Республики. *Вестник РАН*. 2020;90(11):1048–1057. DOI: 10.31857/S 0869587320110079
Portyakov V. Ya. Foreign economic relations of the People's Republic of China. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(11):1048–1057. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 0869587320110079
6. Лобанова Т. Н. Китайский фактор в конструировании нового мирового порядка в XXI веке: возвышение Китая и возможные геополитические последствия. *Международные отношения*. 2017;2:32–47. DOI: 10.7256/2454-0641.2017.2.19282
Lobanova T. N. The Chinese factor in the construction of a new world order in the 21st century: The rise of China and possible geopolitical consequences. *International relations*. 2017;2:32–47. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0641.2017.2.19282
7. 胡鞍钢. 十四五”蓝图绘就, 贵州未来可期—访著名经济学家、清华大学国情研究院院长胡鞍钢. *贵州日报*. 2021;21:48–50.

- Ху Аньган. План на 14-ю пятилетку составлен, будущее Гуйчжоу выглядит перспективным. *Гуйчжоу жибао*. 2021;21:48–50.
8. Карлоусов В.В. Глобализация и структурные сдвиги во внешней торговле Китая. *Мировое и национальное хозяйство*. 2024;4(68):42–64. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2024/2024-04/china-foreign-trade-globalization-and-structural-shifts>
- Karlusov V. V. Globalization and structural shifts in China's foreign trade. *World and National Economy*. 2024;4(68):42–64. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2024/2024-04/china-foreign-trade-globalization-and-structural-shifts> (In Russ.).
9. Feng S., Gu R. A Study on Foreign Trade Strategies from the Perspective of China's Economic Transformation and Upgrading. *Proceedings of Business and Economic Studies*. 2022;5(4):73–78. DOI: 10.26689/pbes.v5i4.4306
10. Ши Чжичао. Сравнительный анализ интенсивности внешней торговли Китая со странами «Большой семерки» и АСЕАН. *Журнал международного права и международных отношений*. 2023;1(104):73–78. DOI: 10.33581/2072-0513-2023-1-73-78
- Shi Zhichao. Comparative analysis of the intensity of China's foreign trade with Group of Seven Countries and ASEAN. *Journal of International Law and International Relations*. 2023;1(104):73–78. (In Russ.). DOI: 10.33581/2072-0513-2023-1-73-78
11. Мукхопадхьяй А. Электронная торговля и локализация данных: позиция развивающихся стран. *Вестник международных организаций*. 2020;15(3):153–175. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-06
- Mukhopadhyay A. E-commerce trade and data localization: A developing country perspective. *International Organisations Research Journal*. 2020;15(3):153–175. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-06

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Шэнь Дань — аспирант, факультет «Международные отношения», Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Shen Dan — Phd Student, Faculty of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-6406-7055>

Автор для корреспонденции /Corresponding autor:

1042238147@pfur.ru

Наталья Вячеславовна Михайлова — доктор политических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Mikhailova — Dr. Sci. (Political), Prof. at the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2842-9143>

mikhaylova_nv@pfur.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.09.2025; принята к публикации 27.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.09.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-55-65
УДК 656:004.8:316.334.56:004.9(045)

Применение искусственного интеллекта для улучшения городской мобильности в Москве

В.О. Микрюков, Е.А. Останина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет. Актуальность исследования городской мобильности в условиях роста численности городского населения и увеличения транспортных потоков в крупных городах России обуславливает необходимость применения искусственного интеллекта (ИИ) для оптимизации транспортных систем. В статье рассматриваются проблемы городской мобильности; возможности использования ИИ для улучшения транспортных потоков; влияние технологий на качество жизни в мегаполисах (на примере Москвы). **Цель** исследования — комплексный анализ городской мобильности и разработка рекомендаций по ее улучшению с использованием ИИ. Работа направлена на выявление недостатков существующих систем и поиск путей их устранения. **Методология.** В исследовании применены традиционные методы научного анализа (анализ, синтез, сравнение), а также результаты авторского социологического исследования. Оно основано на глубинных интервью с 18 респондентами, проведенных в период с 10 сентября по 25 октября 2024 г. **Результаты.** Исследование показало, что внедрение ИИ в сферу городской мобильности способствует сокращению времени в пути; оптимизации маршрутов; повышению информированности пользователей. Респонденты отметили значительные улучшения транспортной инфраструктуры Москвы за последние 2–3 года. Кроме того, они выразили уверенность, что технологии ИИ принесут больше пользы, чем потенциального вреда. **Выводы.** Для эффективного развития городской мобильности необходимо учитывать рекомендации по внедрению ИИ, в том числе создание облачных хранилищ; обеспечение беспристрастности алгоритмов; интеграцию технологий в работу служб экстренного реагирования; оптимизацию навигационных систем. Ожидается, что дальнейшее развитие ИИ приведет к совершенствованию транспортной инфраструктуры и повышению качества жизни горожан.

Ключевые слова: искусственный интеллект; городская мобильность; Москва; транспортные потоки; умные города; оптимизация; технологии; исследование; рекомендации

Для цитирования: Микрюков В.О., Останина Е.А. Применение искусственного интеллекта для улучшения городской мобильности в Москве. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):55-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-55-65

ORIGINAL PAPER

Application of Artificial Intelligence for Improving Urban Mobility in Moscow

V.O. Mikryukov, E.A. Ostanina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Subject. The relevance of the study of urban mobility in the context of the increasing number of urban residents and the growing transportation flows in major cities of Russia necessitates the application of artificial intelligence (AI) for the optimization of transportation systems. This article examines the challenges of urban mobility, the potential of AI to enhance transportation flows, and the impact of these technologies on the quality of life in megacities such as Moscow. **Objectives.** The aim of the research is to conduct a comprehensive analysis of urban mobility and to develop recommendations for its improvement through the use of AI. The study focuses on identifying deficiencies in existing systems and exploring potential solutions. **Methodology.** The research employs traditional scientific analysis methods, including analysis, synthesis, and comparison, as well as the results of an original sociological study based on in-depth interviews with 18 respondents conducted between September 10 and October 25, 2024. **Results.** The study revealed that the implementation of AI in urban mobility contributes to reduced travel times, optimized routes, and increased user awareness. Respondents noted significant improvements in Moscow's transportation infrastructure over the past 2–3 years and expressed confidence that AI technologies will provide more benefits than potential drawbacks. **Conclusions.** For the effective development of urban mobility, it is essential to consider recommendations for the implementation of AI, including the establishment of cloud storage solutions, ensuring algorithmic impartiality, integrating

© Микрюков В.О., Останина Е.А., 2025

technologies into emergency response services, and optimizing navigation systems. It is anticipated that further advancements in AI will lead to improvements in transportation infrastructure and an enhanced quality of life for urban residents.

Keywords: artificial intelligence; urban mobility; Moscow; transport flows; smart cities; optimization; technologies; research; recommendations

For citation: Mikryukov V.O., Ostanina E.A. Application of artificial intelligence for improving urban mobility in Moscow. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):55-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-55-65

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы исследования связана с увеличением числа жителей большинства крупных городов России и ростом интенсивности транспортного потока, что приводит к проблемам с городской мобильностью.

В связи с этим все более популярным становится использование искусственного интеллекта (ИИ) для улучшения городской мобильности и разработки рекомендаций по его применению. Использование ИИ позволяет оптимизировать транспортные потоки, что способствует сокращению времени перемещения людей из точки А в точку Б, предотвращению заторов и аварий, повышению комфортности и безопасности передвижения. Внедрение ИИ для улучшения городской мобильности соответствует глобальной тенденции создания «умных городов» и способствует повышению качества жизни в них. В контексте Москвы — одного из крупнейших и быстрорастущих мегаполисов мира — использование ИИ имеет особую значимость, поскольку помогает справляться с проблемами городской мобильности, улучшая управление существующими городскими системами и создавая эффективную технологичную инфраструктуру.

МЕТОДЫ

В статье использовали традиционные методы научного исследования — анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, сравнение, а также представлены результаты авторского исследования методом глубинного интервью ($n = 18$), проведенного в период с 10.09.2024 г. по 25.10.2024 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Цель авторского исследования заключается в комплексном анализе городской мобильности в условиях современного социума и разработка рекомендаций по ее улучшению. Новизна работы обусловлена слабой изученностью (на период 2024 г.) в научной литературе темы применения искусственного интеллекта в управлении городским хозяйством.

1. Теоретические основы искусственного интеллекта и городской мобильности

В 1956 г. на семинаре в Дартмутском колледже была заложена основа исследования и развития области

искусственного интеллекта. М. Мински, Д. Маккарти, А. Тьюринг, А. Ньюэлл и Г. Саймон считаются основателями этой области. Ими было предсказано, что машина сможет стать настолько же интеллектуальной, как человек, и выполнять различные задачи [1]. Искусственный интеллект включает в себя усилия ученых, направленные на то, чтобы позволить машинам самостоятельно обучаться и выполнять когнитивные процессы, такие как распознавание образов, планирование, распознавание речи и многие другие. Он состоит из множества технических процессов, использующих различные методы машинного обучения. В этих процессах данные и алгоритмы обучения объединяются в программные модели, формирующие вероятностные выводы.

Одно из самых распространенных определений искусственного интеллекта предложено в 1989 г. учеными А. Барром и Е. Фейгенбаумом: «Искусственный интеллект (ИИ) — это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые мы традиционно связываем с человеческим разумом: понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д. Главная цель ИИ — создание программ и систем, имитирующих человеческие когнитивные процессы» [2].

В последние 2–3 года количество научных статей, авторы которых так или иначе описывают внедрение ИИ в обыденную жизнь или управление, значительно возросло. Например, Е. В. Соломонов в своей публикации «Понятие и признаки искусственного интеллекта» делает вывод о необходимости разработки единого и комплексного определения искусственного интеллекта, которое учитывало бы различные аспекты его применения и архитектуры [3]. Он рассматривает существующие подходы и признаки ИИ, подчеркивая важность понимания его роли в современном обществе и правовых системах, а также необходимость учета этических и правовых последствий его использования. Однако стоит отметить, что в статье не хватает подробного описания технологий, лежащих в основе искусственного интеллекта, таких как машинное обучение, нейронные сети и их архитектуры. Данная информация могла бы помочь другим авторам

научных статей и исследователям в понимании его функциональности и возможностей.

Авторы публикации «Искусственный интеллект в современном обществе: шаги, вызовы, стратегии» приходят к выводу, что технологии искусственного интеллекта обладают огромным потенциалом для улучшения жизни человечества, но они также представляют собой значительные вызовы в условиях социальной и этико-правовой неопределенности [4]. Отдельно подчеркивается, что ИИ не является нейтральным и может быть предвзятым, что требует внимательного анализа социальных и этических последствий его применения. Стоит отметить, что более глубокий анализ того, как предвзятость в данных может влиять на алгоритмические решения и какие меры можно предпринять для ее минимизации, был бы полезен для понимания рисков, связанных с ИИ.

Леонардо Парентони рассматривает важность оценки ИИ-систем с учетом уровня их вмешательства в процесс принятия решений и подчеркивает, что в некоторых случаях низкий уровень прозрачности может быть приемлемым, если система демонстрирует достаточную точность и полезность [5]. На основе этого автор делает вывод, что ожидания от искусственного интеллекта должны быть адаптированы к конкретному контексту его применения, а не основываться на универсальных стандартах точности и прозрачности, и предлагает более гибкий подход к оценке ИИ, учитывающий разнообразие его приложений и задач. Однако добавление примеров исследований или иных статистических данных, показывающих, как различные уровни точности и прозрачности ИИ влияют на его принятие и эффективность в реальных приложениях, могло бы более наглядно продемонстрировать, что в некоторых случаях низкая прозрачность действительно не приводит к негативным последствиям.

Создание ИИ, по нашему мнению, включает следующие ключевые этапы:

- 1) определение задачи — какую задачу будет решать ИИ, например, автоматизация процесса анализа заторов на дорогах федерального значения;
- 2) сбор и анализ данных — исследование существующих проблем и поставленных задач, сбор существующих методов их решения;
- 3) разработка модели — моделирование ситуаций и применение к ним различных алгоритмов решения возникающих проблем;
- 4) обучение — модель обучается на собранных данных, чтобы найти закономерности и настроить параметры;

5) тестирование и оптимизация — проверка эффективности и точности;

6) развертывание и внедрение — практическое применение ИИ на базе существующих технологий или внедрение необходимых расширений для дальнейшего функционирования.

Создание ИИ требует сотрудничества разработчиков, инженеров по обработке данных и экспертов по машинному обучению и ИИ. Это трудоемкий процесс, поэтому для большей эффективности разработки следует привлекать специалистов не только из области информационных технологий, но и тех, кто на практике разбирается в той сфере, в которой данные разработки будут применяться.

Таким образом, можно заключить, что область применения ИИ крайне велика. Несмотря на то, что особую популярность данная технология получила относительно недавно, ученые различных направлений и научных интересов уже давно ведут работы в данной области, а участие в разработках интегрированных систем ИИ в данный момент принимают не только программисты, но и специалисты из тех сфер, где планируется применять ИИ. Это позволяет создавать по-настоящему уникальный технологический продукт, который в дальнейшем упрощает жизнь большого количества людей.

Для нашей статьи необходимо проанализировать и другое понятие — «городская мобильность» — это состояние и процесс, которые описывают способы передвижения людей и товаров в городской среде. Она (городская мобильность) включает в себя все виды транспорта, инфраструктуру, услуги и технологии, связанные с перемещением в городе.

Понятие городской мобильности стало особенно актуальным в последние десятилетия из-за быстрого роста городского населения и увеличения транспортных потоков в городах, так как включает в себя общее развитие и управление городскими транспортными системами, обеспечивающими удобное, безопасное и эффективное передвижение всех жителей города.

А.О. Меренков рассматривает урбанизацию как ключевой тренд в развитии городов, акцентируя внимание на создании удобных для жизни условий через устойчивые транспортные системы с приоритетом общественного транспорта, анализируя российский и международный опыт и предлагая рекомендации по организации современных систем [6]. Стоит отметить, что рассмотрение процессов городской мобильности только через призму урбанизации может привести к потере необходимых для понимания специфик, так как городская мобиль-

ность трансформируется и под влиянием других факторов.

А. С. Романов выявил ключевые барьеры, преимущества и недостатки цифровой трансформации городской транспортной системы [7]. Однако в его статье отсутствует описание конкретных технологий, которые обеспечивают функционирование моделей, построенных на данной концепции. Данный фактор не позволяет составить полную картину освещаемой темы.

Авторы А. Н. Домбровский, И. С. Сенин, И. Н. Котенкова и М. П. Миронова анализируют влияние городской транспортной мобильности на устойчивое развитие агломераций, где транспорт выступает индикатором экономического роста. Исследователи отмечают, что темпы инновации в транспортной системе на территории РФ распределены неравномерно, а их развитие может способствовать улучшению общественных пространств и экономии пространственных ресурсов. Однако статья не предоставляет возможных путей решения и конкретных преимуществ развития умной городской мобильности для конечных пользователей в отдаленных регионах РФ, которые могли бы быть сформулированы по итогам анализа транспортной ситуации в стране [8].

По нашему мнению, городская мобильность включает в себя следующие аспекты:

1) общественный транспорт: это системы общественного транспорта, такие как автобусы, трамваи, метро и железные дороги, которые обслуживают пассажиров в городе. Главная цель общественного транспорта — предоставить альтернативу автомобилям и сократить автомобильные пробки;

2) частный транспорт: это личные автомобили и мотоциклы, которые используются жителями города для индивидуального перемещения. Частный транспорт может быть одним из основных источников проблемы перегруженности дорог;

3) велосипедная и пешеходная инфраструктура: это специально предназначенная инфраструктура для пешеходов и велосипедистов, включая тротуары, велодорожки, пешеходные и велосипедные зоны, которые способствуют безопасности и удобству передвижения по городу;

4) умная транспортная система и технологии: в последние годы развитие технологий привело к появлению новых подходов к городской мобильности, таких как смарт-города, автоматизация транспорта, электромобили, облачные решения, мобильные приложения для планирования и оплаты поездок и т.д.

Цель городской мобильности заключается в создании интегрированной и эффективной системы

безопасного перемещения по городу, решающей проблемы с загрязнением воздуха и пробками, повышающей качество жизни и способствующей устойчивому развитию городов.

Умная транспортная система (далее — УТС) — это концепция использования передовых технологий и информационных систем для улучшения управления и организации городской транспортной инфраструктуры. Она включает в себя применение цифровых сенсоров, сетей связи, аналитических инструментов, мобильных приложений и других технологий для сбора и обработки данных о транспортных потоках, управления трафиком, планирования маршрутов и оплаты поездок.

Концепция умной транспортной системы развивалась со временем, начиная с появления первых компьютерных систем для управления автомобильным движением в 1950–1970 гг. Однако наиболее существенное развитие УТС наблюдалось в последние десятилетия с развитием информационных и коммуникационных технологий [9]. Эта концепция тесно связана с концепцией «Умный город», основанной на интеграции современных информационных и коммуникационных технологий для улучшения качества жизни горожан, повышения эффективности городских услуг и рационального использования ресурсов.

Актуальные теории и концепции, связанные с УТС, распределяются как:

1. Концепция «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT) — предполагает взаимодействие различных устройств и сенсоров в городской среде, собирающих и передающих данные через интернет. В контексте умной транспортной системы IoT позволяет собирать информацию о транспортных потоках, состоянии дорог и других параметрах, чтобы обеспечить эффективное управление транспортом [10].

2. Принцип «Умный город» (smart city) — представляет собой интегрированный подход к развитию городов, включающий технологии умной транспортной системы, оптимизирующий использование ресурсов, повышающий качество жизни и обеспечивающий устойчивое развитие городов [11].

3. Аналитика данных и искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI) — используются для анализа больших объемов данных, получаемых от различных источников в умной транспортной системе. AI помогает обрабатывать данные, выявлять паттерны и прогнозировать транспортные потоки, что позволяет предпринимать меры для оптимизации движения и снижения проблем с перегрузкой.

Аналитика данных и ИИ играют важную роль в развитии умных транспортных систем и технологий городской мобильности. Использование аналитики данных и ИИ позволяет собирать, обрабатывать и анализировать большие объемы информации о транспортных потоках, поведении пешеходов и велосипедистов, а также предсказывать будущие тренды в городской мобильности [12].

Аналитика данных и ИИ в городской мобильности начались с разработки алгоритмов и моделей для сбора и обработки данных о движении автомобилей, анализа транспортных потоков и прогнозирования перегрузок на дорогах. С развитием технологий и увеличением объема доступных данных они стали играть более важную роль в оптимизации городской мобильности.

Возможности аналитики данных и ИИ:

- 1) аналитика и прогнозирование травмоопасных мест на дорогах, разработка рекомендаций и принятие мер для улучшения безопасности пешеходов и водителей;
- 2) оптимизация управления трафиком и светофорами, с учетом актуальных данных о транспортных потоках;
- 3) разработка оптимальных маршрутов для участников движения, с опорой на предпочтения пользователей и изменения в городской инфраструктуре;
- 4) прогнозирование потребностей горожан в транспорте для обеспечения адекватного предложения общественного транспорта и прочих мобильных услуг;
- 5) анализ данных об использовании велосипедных и пешеходных дорожек для оценки их эффективности и внесения улучшений в транспортную инфраструктуру [13].

Таким образом, городская мобильность — многофакторная часть жизни жителей больших городов, которая опирается на большой массив данных для постоянного улучшения, а аналитика данных и искусственный интеллект, в свою очередь, позволяют городским властям и разработчикам транспортных систем принимать эффективные решения и создавать более удобную городскую среду с учетом предпочтений всех участников движения.

2. Особенности применения искусственного интеллекта в интересах развития города

В современном мире нас окружает ИИ: от домашних голосовых помощников до маркетплейсов, прогнозирующих наши предпочтения в покупках. Однако города — это сложные системы, они являются

центрами взаимодействия людей, экономических операций и инноваций.

Реальное влияние ИИ на города заключается не в технологии, а в его внедрении в городское планирование и дизайн. Именно в процессе планирования городов ИИ в форме машинного обучения оказывает свое основное влияние — так рождается городской искусственный интеллект.

Термин «городской искусственный интеллект» относится к любой системе данных, полученных из городской среды, обработанных алгоритмами, результат которых находит полезное применение на городских пространствах.

Можно выделить три важных элемента, отличающих городской искусственный интеллект от других форм ИИ.

Во-первых, сложность города. В силу своей многогранной природы города описываются как «сложные системы систем». Многочисленные, переплетающиеся сектора вносят свой вклад в функционирование мегаполиса. Внедрение ИИ в городах требует междисциплинарного подхода. Кроме того, когда алгоритмы взаимодействуют с городской средой, им приходится не только справляться со сложностями города, но и самим становиться сложной системой.

Во-вторых, следует учитывать особый политический контекст функционирования городского ИИ. Город представляет собой самостоятельную политическую площадку, где местные власти наделены полномочиями принимать решения, затрагивающие здоровье, безопасность и благополучие миллионов жителей, работающих и отдыхающих в пределах их юрисдикции. В этой связи городские ИИ-системы обретают значимый политический потенциал. Он раскрывается как через вовлеченность общества в работу этих систем, так и через возможности использования ИИ городскими властями для реализации масштабных задач.

В-третьих, городской ИИ отличается гибридностью. В отличие от других ИИ-приложений, которые существуют только в цифровом пространстве, городской ИИ тесно связан с реальной городской инфраструктурой. Его цифровые системы взаимодействуют с физическими объектами — например, через роботов в городе и сенсорные сети, поставляющие данные для ИИ-платформ.

Перечислим технологии городской мобильности, которые уже применяются или находятся на стадии разработки:

1. Умные светофоры: используют аналитику данных и ИИ для оптимизации регулирования трафика. Они могут адаптироваться к актуальным транспорт-

ным потокам, учитывать время ожидания пешеходов и велосипедистов, а также прогнозировать трафик на основе данных из прошлых периодов.

2. Планировщики маршрутов (мобильные приложения) следят за общественным транспортом, делятся информацией об условиях на дорогах, помогают арендовать средства передвижения, найти парковки и оплатить проезд и пр. Их работа основана на анализе данных о транспортных потоках, расписаниях и структуре городской инфраструктуры.

3. Автономные транспортные средства: используют ИИ и сенсоры для автоматического управления автомобилями, автобусами, трамваями и другими видами транспорта. Это позволяет снизить количество аварий, оптимизировать использование дорожной инфраструктуры и улучшить эффективность транспортной системы.

4. Мобильные приложения для поиска и аренды и оплаты средств передвижения (от велосипедов до каршеринга).

5. Умные парковки: используют аналитику данных и ИИ для определения наличия свободных парковочных мест и предоставления пользователям информации о доступности парковки в режиме реального времени. Это помогает сократить время поиска парковки и улучшить использование парковочных ресурсов [14].

Это лишь некоторые примеры существующих технологий в области городской мобильности. Сфера городской мобильности и технологии в ней продолжают развиваться и совершенствоваться, открывая новые возможности для улучшения передвижения в городах.

Для подкрепления теоретической основы стоит привести несколько конкретных примеров задействованных технологий с использованием ИИ для улучшения городской мобильности.

1. В Дубае запустили ИИ-систему интеллектуальных пешеходных переходов. В экономической зоне Dubai Silicon Oasis (DSO) оборудовали 14 переходов технологией на базе платформы Derq. Система с высокой точностью обнаруживает пешеходов, велосипедистов и других уязвимых участников движения. Она интегрируется с дорожной инфраструктурой, отслеживает приближающиеся транспортные средства и анализирует обстановку — это позволяет оптимально регулировать потоки и повышать безопасность. Технология работает на базе 5G с низкой задержкой: обеспечивает бесперебойную связь; собирает данные о безопасности и движении; позволяет удаленно управлять, обслуживать и настраивать систему. В перспективе система сможет

передавать предупреждения о безопасности подключенным автомобилям через 5G¹.

2. Компания INRIX представила технологию Compass, которая с помощью ИИ Amazon Bedrock выявляет коренные причины проблем с дорожным движением и дает основанные на данных рекомендации по их решению. В отличие от традиционного анализа, Compass позволяет легко запрашивать транспортные данные INRIX, быстро диагностировать проблемы и находить пути их устранения, объединяя всю информацию с большой языковой моделью. Дополнительно INRIX предлагает систему Mission Control — облачное решение, которое в реальном времени предоставляет данные о транспортных потоках и оповещениях на всех типах дорог. Это дает специалистам полное и актуальное представление о дорожных условиях².

3. В России примером «умной дороги» служит Центральная кольцевая автодорога (ЦКАД) в Московской области. На ней действует автоматизированная система управления движением, которая выявляет около 15 типов инцидентов: внезапную остановку или движение задним ходом; аварии; пешеходов на магистрали в неположенном месте; неправильную парковку; выпавшие из кузова предметы; изменения погоды и др. Система использует компьютерное зрение и ИИ, обученные на десятках тысяч фото и видео дорожных событий — в разное время суток и при разной погоде. Дорога также подключена к технологии V2X, позволяющей автомобилям обмениваться данными с инфраструктурой и другими транспортными средствами (в том числе автономными). Это ускоряет оповещение аварийных комиссаров, которые помогают водителям на платных магистралях. Цель системы — сократить время реакции на происшествия: в экстренных случаях это может спасти жизнь, а в бытовых (например, при разряженном аккумуляторе или проколе колеса) — обеспечить оперативную помощь³.

Приведенные примеры подтверждают удобство технологии ИИ для улучшения городской мобиль-

¹ Stone T. AI-powered smart pedestrian crossing system launched in Dubai URL: <https://www.trafficechnologytoday.com/news/vulnerable-road-users/ai-powered-smart-pedestrian-crossing-system-launched-in-dubai.html>

² Wordsworth S. INRIX announces new AI technology that uncovers root causes of traffic problems. URL: <https://www.trafficechnologytoday.com/news/traffic-management/inrix-announces-new-ai-technology-that-uncovers-root-causes-of-traffic-problems.html>;

³ Автомобили аварийных комиссаров на ЦКАД подключат к умной дороге. URL: https://telematika.com/press/news/vse_idet_k_umnoy_doroge_avtonomnomu_transportu_i_nulevoy_smernost

ности, и многие государства выделяют средства на развитие таких проектов, которые постепенно из пилотных превращаются в основополагающие для городской мобильности.

3. Результаты авторского исследования городской мобильности с учетом влияния ИИ

Для проведения авторского исследования были отобраны 18 респондентов, постоянно использующих ИИ. Подчеркнем, что для того, чтобы полностью охватить сферу применения ИИ в городской мобильности, были выбраны респонденты, имеющие представление о данных технологиях в силу своей работы.

В рамках исследования были проведены 18 глубинных интервью (скрипты хранятся у авторов статьи) с представителями нефтегазовой компании (8 чел.) и компании-агрегатора авиабилетов (10 чел.). Все интервьюируемые являются участниками городских передвижений: большая часть опрошенных предпочитает общественный транспорт. Участники интервью, отдающие предпочтение личному автомобилю для повседневных поездок, отмечают, что на машине до работы они доезжают быстрее, чем на общественном транспорте, — этим и обусловлен их выбор.

Один респондент отмечает, что, несмотря на наличие машины, по рабочим поездкам он отдает предпочтение общественному транспорту, а другой отмечает, что задумался бы об использовании общественного транспорта, если бы это было быстрее, чем на машине.

Все участники исследования отмечают значительное улучшение транспортной инфраструктуры Москвы на протяжении последних 2–3 лет. Из факторов, выделенных при обработке ответов интервьюируемых, отмечены: сокращение времени в дороге; оптимизация маршрутов; повышение информированности; сокращение задержек общественного транспорта. Частично подтверждается предположение, что жители мегаполиса поменяли свои привычные маршруты, основываясь на рекомендациях, выдвинутых современными технологиями, что позволило им сократить время в пути.

В ходе глубинного интервью участникам задали вопрос о том, сталкивались ли они с задержками общественного транспорта за последний месяц. Почти все респонденты ответили утвердительно, при этом большинство связало возникшие задержки со снегопадами. Такие погодные явления типичны для крупных городов России зимой и в осенне-весенний период. Отдельно проанализировано отношение респондентов к безопасности данных при использовании систем с искусственным интеллектом. Хотя

никто из опрошенных не выразил серьезных опасений по этому поводу, они все же обратили внимание на следующие моменты:

1. Конфиденциальности и сохранности данных необходимо уделять повышенное внимание. Современные системы ИИ обрабатывают колоссальные объемы информации, включая персональные данные. В связи с этим утечки данных могут быть значительно более чувствительными, чем прежде. Крайне важно внедрять протоколы шифрования данных, чтобы свести риски утечки пользовательской информации к нулю.

2. Некоторые респонденты считают, что беспокоиться не стоит, поскольку в интернете уже содержится достаточно персональных данных. Долгое время вопросам сохранности данных не уделялось должного внимания, поэтому с началом цифровизации значительной части общественной жизни в свободном доступе оказалось большое количество персональных данных — и это произошло еще до широкого внедрения ИИ. По мнению части опрошенных, момент, когда можно было предотвратить раскрытие личных данных, уже упущен.

3. По мнению респондентов, технологии ИИ принесут в области хранения персональных данных больше пользы, чем потенциального вреда. Исходя из вышесказанного, можно заключить: существенный урон конфиденциальности личных данных уже был нанесен ранее. Тем не менее общество продолжает активно пользоваться цифровыми сервисами, поскольку они существенно упрощают повседневную жизнь. Приняв как данность уязвимость личной информации в эпоху цифровизации, респонденты предпочитают акцентировать внимание на преимуществах технологий. Следует также отметить, что ИИ способен минимизировать ущерб от утечек персональных данных. Благодаря высоким аналитическим возможностям такие системы могут, например, предотвращать несанкционированные операции с денежными средствами — путем выявления нетипичного поведения пользователя и аномалий в системе.

Таким образом, представление о том, что респонденты обеспокоены конфиденциальностью данных, требует корректировки. С одной стороны, участники опроса осознают потенциальные риски, связанные с новыми технологиями; с другой — полагают, что на текущий момент причин для беспокойства нет.

Что касается проблем с городской мобильностью в Москве, которые, по мнению интервьюируемых, можно было бы решить с помощью технологий на базе ИИ, ответы участников в целом совпадали — однако стоит выделить наиболее интересные из них.

1. Была отмечена важность интеграции таких технологий в рабочие процессы служб экстренного реагирования. ИИ способен существенно повысить эффективность и скорость реагирования в экстренных ситуациях. Например:

- быстрый анализ данных с дорожных камер видеонаблюдения позволит службам экстренного реагирования оперативнее получать информацию о происшествиях;
- прогнозирование чрезвычайных ситуаций на основе анализа исторических данных поможет выявить закономерности и оценить вероятность ДТП — это даст возможность службам заранее подготовиться к возможным инцидентам.

2. Респонденты также говорили о возможности снижения аварийности на дорогах. Развитие моделей автономных транспортных средств позволяет автоматизировать дорожное движение и минимизировать влияние человеческого фактора при управлении автомобилем. Кроме того, технологии типа ADAS (продвинутое системы помощи водителю) помогут повысить безопасность вождения для тех, чьи автомобили не оснащены автопилотом. Аналитика на базе ИИ может регулировать городской трафик с учетом текущей дорожной ситуации — это снизит риск возникновения аварийных ситуаций.

Последним в исследовании был вопрос: «Ваши общие ожидания от дальнейшего развития технологий с использованием ИИ в области городской мобильности?»

В целом респонденты ожидают внедрения тех же решений, которые уже активно используются или тестируются в других странах. Среди ключевых результатов, которых планируется достичь за счет технологического развития инфраструктуры, можно выделить: снижение заторов и пробок; оптимизацию движения общественного транспорта; улучшение маршрутов, предлагаемых навигаторами; сбор информации об аварийных участках дорог для оперативного реагирования (этот пункт отметил один из респондентов).

Подводя итог, можно сказать следующее:

- респонденты отмечают значительные улучшения в транспортной инфраструктуре за последние 2–3 года: сокращение времени в пути, оптимизацию маршрутов, повышение информированности и уменьшение задержек общественного транспорта;
- несмотря на сезонные задержки из-за снегопадов, в целом транспортная система работает эффективно;
- в вопросах безопасности данных при использовании ИИ мнения расходятся: одни подчеркивают

важность конфиденциальности, другие считают, что уровень раскрытия персональной информации уже достаточно высок, а третьи уверены, что преимущества ИИ перевешивают потенциальные риски;

- в сфере применения ИИ для решения проблем городской мобильности участники выделяют два ключевых направления: интеграцию технологий в работу служб экстренного реагирования и снижение аварийности на дорогах;
- ожидается, что дальнейшее развитие ИИ приведет к снижению заторов, оптимизации движения общественного транспорта, улучшению навигации и повышению безопасности на дорогах.

4. Рекомендации по применению искусственного интеллекта в интересах развития города

1. Реализовывать современные технологии с применением ИИ стоит на облачных хранилищах. Такие хранилища обеспечивают необходимую инфраструктуру для масштабирования ресурсов по мере роста данных и нагрузки на системы. Это способствует более эффективному анализу трафика, прогнозированию заторов и оптимизации маршрутов как для общественного, так и для личного транспорта.

2. Следует уделять большое внимание беспристрастности ИИ-технологий в управлении городской мобильностью. Алгоритмы должны принимать решения на основе объективных данных, не допуская дискриминации или предвзятости по отношению к определенным районам, группам населения или видам транспорта.

3. Правительству города Москвы и мэру столицы стоит провести масштабное порайонное исследование доступности транспортной инфраструктуры и состояния дорог, так как анализ ответов респондентов в нашем исследовании показывает, что из некоторых районов Москвы можно без проблем добираться до работы на личном авто, а в других районах такой возможности нет. Следовательно, данные локации нуждаются в различной степени регуляции и оптимизации движения.

4. Стоит провести работу по улучшению работы навигаторов для своевременной актуализации данных, влияющих на дорожное движение. Навигаторы, оснащенные ИИ и способные быстро реагировать на изменение ситуации на дорогах, помогут водителям выбирать оптимальные маршруты, снижая нагрузку на проблемные участки и общее время в пути.

5. Внедрение технологии распознавания аварийных участков на дорогах. Раннее выявление проблем с дорожным покрытием позволяет своевременно

проводить ремонт и предотвращать аварии, связанные с плохим состоянием дорог. Использование ИИ для анализа данных с дорожных камер и датчиков облегчает этот процесс.

6. Масштабирование технологии умных светофоров, способных адаптироваться к текущей дорожной ситуации, регулируя продолжительность сигналов в зависимости от потока транспорта и пешеходов. Это повышает пропускную способность перекрестков, снижает время ожидания и уменьшает вероятность заторов и аварий. Данные технологии также предотвращают аварийные ситуации в зонах перекрестков, что также является их существенным преимуществом.

7. Разработать интеграцию ИИ с IoT в городской среде, что позволит эффективно управлять ресурсами и улучшать качество жизни граждан через интеллектуальные системы управления трафиком, освещением и коммунальными услугами. Это также способствует развитию «умных городов», где данные используются для принятия оперативных решений и повышения безопасности.

Все интервьюируемые положительно оценивают развитие транспортной инфраструктуры Москвы на протяжении последних лет и высказывают одобрение в адрес технологий, использующих ИИ, так как это позволяет найти более эффективные способы использования городского пространства. Опрошенные считают, что современная тенденция на развитие городской мобильности приведет к еще большим достижениям в данной сфере. Несмотря на то, что все респонденты осознают наличие гипотетических проблем с персональными данными в процессе использования технологий на базе искусственного интеллекта, они склонны минимизировать это в пользу надежд на достойную защиту данных и того, что в данной ситуации появляется намного больше удобств, чем возможных неприятностей. Для более эффективного развития городской мобильности с применением технологий ИИ следует придерживаться сформулированных выше рекомендаций.

ВЫВОДЫ

При изучении теоретических основ искусственного интеллекта удалось выяснить, что в настоящее время наблюдается существенный рост научного

интереса к ИИ-технологиям. Одновременно развивается и городская мобильность: улучшается транспортная инфраструктура, повышается эффективность передвижения.

В данный момент уже устоялось понятие «городской искусственный интеллект», который объединяет современные технологии, регулирующие сложную городскую систему. Поэтому взаимосвязь городской мобильности и ИИ с каждым годом становится все теснее. Развитые государства реализуют масштабные проекты по внедрению интеллектуальных технологий для повышения транспортной эффективности в городах. Ожидается, что в будущем городская мобильность значительно улучшится благодаря достижениям в сфере информационных технологий, а города станут более удобными для всех их жителей.

Хотя в России эти технологии пока не столь распространены, как в западных странах и развитых городах Азии (например, в Токио, Шанхае, Сингапуре и др.), со временем и менее крупные города начнут перенимать инновационный опыт Москвы.

Цель новых технологий — обеспечить наилучшие условия для жизни и передвижения в городской черте. Анализ вторичных данных по теме исследования подтверждает, что многие страны активно внедряют технологии ИИ в городское управление. Пилотные проекты, изначально охватывающие один район, постепенно трансформируются в масштабные решения, распространяемые на весь город и даже регион.

В рамках авторского исследования были выявлены различные аспекты повседневной жизни респондентов, частично изменившиеся с появлением современных ИИ-технологий. Респонденты в целом положительно оценивают эти алгоритмы, хотя отмечают необходимость их дальнейшего совершенствования. При этом большинство не испытывает серьезных опасений по поводу использования их персональных данных в системах на базе ИИ. Также участники исследования обозначили проблемы, которые, по их мнению, могут быть успешно решены с помощью ИИ в ближайшем будущем. На основе анализа ответов интервьюируемых авторы сформировали перечень рекомендаций, внедрение которых способно улучшить городскую мобильность в Москве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Skinner R.E. Building the Second Mind: 1956 and the Origins of Artificial Intelligence Computing. California, UC Berkeley. 2012. 220 p. URL: https://www.academia.edu/52015815/Building_the_Second_Mind_1956_and_the_Origins_of_Artificial_Intelligence_Computing

2. Barr A. Handbook of Artificial Intelligence. California, Los Altos. 1989. 442 p. URL: <https://archive.org/details/handbookofartifi01avro>
3. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2023;20(4):57–65. DOI: 10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65.
4. Цвык В.А., Цвык И.В., Цвык Г.И. Искусственный интеллект в современном обществе: шаги, вызовы, стратегии. *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2024;(2):589–600. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-2-589-600
5. Парентони Л. Чего следует ожидать от искусственного интеллекта? *Russian Journal of Economics and Law*. 2024;18(1):217–245. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.217-245
6. Меренков А.О. Развития городской мобильности в контексте урбанизации российских городов. *Инновации и инвестиции*. 2022;(11):285–290. URL: <https://www.elibrary.ru/zmjhoz>
7. Романов А.С. Перспективы развития городских транспортных систем на основе концепции «Мобильность как услуга». *Инновационные транспортные системы и технологии*. 2022;8(2):5–16. DOI: 10.17816/transssyst2022825-16
8. Домбровский А.Н., Сенин И.С., Котенкова И.Н., Миронова М.П. Влияние городской мобильности на устойчивое развитие территорий. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;(4):197–200. DOI: 10.23672/c0562-8204-9500-t
9. Грабауров В.А. Интеллектуальная транспортная система как инновационная концепция развития транспорта. *Наука и техника*. 2014;(1):63–69. URL: <https://sat.bntu.by/jour/article/view/98>
10. Щербинина М.Ю., Стефанова Н.А. Концепция интернет вещей. *Креативная экономика*. 2016;(10, 11):1323–1336. DOI: 10.18334/ce.10.11.37074.
11. Алферов О.Л. Концепция «Умный город» — проект интеллектуальной инфраструктуры среды обитания людей. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2021;(1):140–150. DOI: 10.31249/rgpravo/2021.01.15
12. Шепелев В.Д., Альметова З.В., Корзан М.А., Чарбадзе И.Г. Планирование дорожного трафика в контексте системы «устойчивый городской транспорт». *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2020;14(2):177–186. DOI: 10.14529/em200218
13. Ражапова С.С., Негматов Н.Н. Интеллектуализация транспортных услуг — залог эффективности сферы. *Экономика и социум*. 2022;10–1(101):499–503. URL: <https://sciup.org/140298673>
14. Расходчиков А.Н. Искусственный интеллект и «умный город»: от цифровизации к городу-инновации. *Социально-политические науки*. 2022;12(4):47–54. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54

REFERENCES

1. Skinner R.E. Building the Second Mind: 1956 and the Origins of Artificial Intelligence Computing. California, UC Berkeley. 2012. 220 p.
2. Barr A. Handbook of Artificial Intelligence. California, Los Altos. 1989. 442 p.
3. Solomonov E.V. The concept and features of artificial intelligence. *Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2023;(20,4):57–65. (In Russ.). DOI: 10.24147/1990-5173.2023.20
4. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Tsvyk G.I. Artificial intelligence in modern society: Steps, challenges, strategies. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;(2):589–600. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-2-589-600
5. Parentoni L. What to expect from artificial intelligence? *Russian Journal of Economics and Law*. 2024;18(1):217–245. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.217-245
6. Merenkov A.O. Development of urban mobility in the context of urbanization of Russian cities. *Innovation and investment*. 2022;(11):285–290. URL: <https://www.elibrary.ru/zmjhoz> (In Russ.).
7. Romanov A.S. Prospects for the development of urban transport systems based on the concept of “Mobility as a Service”. *Modern Transportation Systems and Technologies*. 2022;(8, 2):5–16. (In Russ.). DOI: 10.17816/transssyst2022825-16
8. Dombrovsky A.N., Senin I.S., Kotenkova I.N., Mironova M.P. The impact of urban mobility on the sustainable development of territories. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022;(4):197–200. (In Russ.). DOI: 10.23672/c0562-8204-9500-t
9. Grabaurov V.A. Intelligent transportation system innovative concept of transport development. *science & technique*. 2014;(1):63–69. URL: <https://sat.bntu.by/jour/article/view/98> (In Russ.).
10. Shcherbinina M. Yu., Stefanova N.A. The concept of the Internet of Things. *Creative Economy*. 2016;10(11):1323–1336. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.10.11.37074

11. Alferov O.L. The concept of "Smart City" is a project of intellectual infrastructure of human habitat. Social sciences and humanities. *Russian and foreign literature. Series 4: State and Law*. 2021;(1):140–150. (In Russ.). DOI: 10.31249/rgpravo/2021.01.15
12. Shepelev V.D., Almetova Z.V., Korzan M.A., Charbadze I.G. Traffic planning in the context of the "sustainable urban transport" system. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2020;14(2):177–186. (In Russ.). DOI: 10.14529/em200218
13. Rajapova S.S., Negmatov N.N. Intellectualization of transport services — the key to the efficiency of the sector. *Economy and Society*. 2022;10–1(101):499–503. URL: <https://sciup.org/140298673> (In Russ.).
14. Raskhodchikov A.N. Artificial intelligence and the "smart city": From digitalization to the innovation city. *Social and Political Sciences*. 2022;12(4):47–54. (In Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Олегович Микрюков — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vladimir O. Mikryukov — Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-3025-6838>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:

mikryukov.v.o@gmail.com

Елизавета Андреевна Останина — магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций по направлению подготовки «Философия», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elizaveta A. Ostanina — Master's student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications with a degree in Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0000-5142-4565>

natalae455@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

В.О. Микрюков — общее руководство исследованием, подготовка текста статьи (разделы 1, 4 полученных результатов, введение и заключение).

Е.А. Останина — подготовка обзора литературы, текста статьи (разделы 2, 3 полученных результатов).

Authors contribution:

V. O. Mikryukov — overall supervision of the research, preparation of the article text (sections 1, 4 of the results obtained, introduction, and conclusion).

E. A. Ostanina — preparation of the literature review, text of the article (sections 2, 3 of the results obtained).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2024; принята к публикации 23.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.12.2024; accepted for publication on 23.09.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Не рублем единым: факторы, сдерживающие россиян от участия в краудфандинге

В.В. Дягилев, Д.А. Кунижева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается вопрос привлекательности для россиян инвестирования через краудфандинговые платформы. Авторами представлены результаты количественных онлайн-опросов, проведенных в 2025 г. с участием физических лиц, а именно частных инвесторов, потенциальных инвесторов и неинвесторов. Исследование направлено на определение перспектив развития краудфандинга в России посредством решения следующих задач: 1) выявление мотивации и описание поведения инвесторов; 2) определение факторов, повышающих активность инвестирования граждан на инвестиционных платформах; 3) определение факторов, сдерживающих граждан от инвестирования через инвестиционные платформы; 4) выявление факторов, определяющих выбор инвестиционной платформы; 5) анализ факторов, влияющих на доверие к краудфандингу, и того, как платформы могут адаптироваться под запросы инвесторов. Метод формирования выборки — неслучайная потоковая (стихийная) выборка с элементами квотной. Выборка для частных инвесторов на КФП составила 532 человека. Выборка для потенциальных инвесторов и неинвесторов на КФП составила 1027 и 1004 человека соответственно. Выявлены и описаны пять основных групп факторов, сдерживающих граждан от инвестирования через инвестиционные платформы: 1) фактор восприятия риска и доверия; 2) законодательные и защитные факторы; 3) информационные и образовательные факторы; 4) экономические и рыночные факторы; 5) инфраструктура и сервис платформ. Повышение активности инвестирования гражданами на инвестиционных платформах возможно посредством учета пяти факторов, выявленных в результате опроса: 1) экономические и рыночные факторы; 2) предложения инвестиционных продуктов и компании; 3) инфраструктура и сервис платформ; 4) законодательные и защитные факторы; 5) образовательные и социокультурные факторы.

Ключевые слова: краудфандинг; инвестиционные платформы; краудлендинг; краудинвестинг; краудревординг; благотворительность; стартапы; малое предпринимательство; инвесторы

Для цитирования: Дягилев В.В., Кунижева Д.А. Не рублем единым: факторы, сдерживающие россиян от участия в краудфандинге. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):66-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-66-78

ORIGINAL PAPER

Not in a Single Ruble: Factors Deterring Russians from Participating in Crowdfunding

V.V. Diaghilev, D.A. Kunizheva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article raises the issue of the attractiveness of investing through crowdfunding platforms for Russians. The authors present the results of quantitative online surveys conducted in 2025 with the participation of individuals, namely private investors, potential investors, and non-investors. The research is aimed at determining the prospects for the development of crowdfunding in Russia by solving the following tasks: 1) identification of motivation and description of investor behavior; 2) identification of factors that increase the investment activity of citizens on investment platforms; 3) identification of factors that deter citizens from investing through investment platforms; 4) identification of factors determining the choice of an investment platform; 5) analysis of factors affecting confidence in crowdfunding and how platforms can adapt to the needs of investors. The sampling method is a non-random, streaming (spontaneous) sampling with quota elements. The sample for private investors in the CFP was 532 people. The sample for potential and non-CFP investors was 1,027 and 1,004 people, respectively. 5 main groups of factors that deter citizens from investing through investment platforms have been identified and described: 1) risk perception and trust factors; 2) legislative and

© Дягилев В.В., Кунижева Д.А., 2025

protective factors; 3) information and educational factors; 4) economic and market factors; 5) platform infrastructure and service. Increasing the investment activity of citizens on investment platforms is possible by taking into account the five factors identified in the survey.: 1) economic and market factors; 2) offers of investment products and companies; 3) infrastructure and platform service; 4) legislative and protective factors; 5) educational and socio-cultural factors.

Keywords: crowdfunding; investment platforms; crowdlending; crowdinvesting; crowdreboarding; charity; startups; small business; investors

For citation: Diaghilev V.V., Kunizheva D.A. Not in a single ruble: Factors deterring Russians from participating in crowdfunding. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):66-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-66-78

ВВЕДЕНИЕ

Краудфандинг — альтернативная форма частного финансирования в виде привлечения через онлайн-платформы денег от большого количества людей для поддержки проекта или бизнеса. В современных условиях краудфандинг вышел за рамки простого коллективного сбора средств, трансформировавшись в значимый механизм поддержки малого предпринимательства [1], социальных инициатив [2], технологических стартапов и культурных проектов [3].

В основе краудфандинга лежит взаимодействие трех ключевых сторон [4]. Инициаторы проектов — это компании, стартапы или частные лица, которые ищут финансирование для своих идей. Инвесторы (бэкеры) — частные лица или организации, готовые вложить средства в проекты в обмен на вознаграждение, долю в бизнесе или из благотворительных побуждений [5]. Краудфандинговые платформы (КФП) — это онлайн-посредники, которые соединяют инициаторов и инвесторов, обеспечивая технологическую и юридическую базу для сбора средств [6].

Инвестирование на таких платформах может основываться на четырех моделях [7]:

1. Краудлендинг (P2P/P2B-кредитование) — инвесторы предоставляют проекту краткосрочные займы, по сути, выступая в роли коллективного кредитора для бизнеса (P2B) или физических лиц (P2P) [8].

2. Краудинвестинг (акционерный краудфандинг) — в обмен на финансирование инвесторы получают долю (акции) в компании [9]. Этот механизм демократизирует венчурные инвестиции, позволяя стартапам привлекать капитал от множества мелких инвесторов. Для успеха такой компании важны заинтересованность основателей, наличие патентов, четкая стратегия и прозрачность в общении с инвесторами.

3. Краудревординг (модель вознаграждений) — самая популярная модель, где инвесторы получают нефинансовое вознаграждение, например готовый продукт, услугу или эксклюзивный доступ к результатам проекта [10].

4. Благотворительность — классический сбор пожертвований на социальные, культурные или иные общественно полезные цели, где вкладчики не ожидают материальной выгоды.

Сегодня краудфандинг активно применяется в самых разных отраслях — от IT [11] и научных [12] технологий до недвижимости и творческих проектов [13], а крупные компании используют его для тестирования рыночного спроса. При этом развитие краудфандинга в России сталкивается с рядом проблем, которые поднимаются в научном дискурсе [14, 15], но малоизученным остается отношение граждан к возможности инвестирования через инвестиционные платформы, их страхи и установки на участие в краудфандинге.

С целью определения перспектив развития краудфандинга учеными Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (далее — университет) проведено масштабное исследование с использованием социологических методов сбора эмпирических данных:

- количественный онлайн-опрос физических лиц;
- количественный онлайн-опрос юридических лиц;
- количественный онлайн-опрос краудфандинговых платформ;
- экспертные интервью.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей статье представлены результаты количественных онлайн-опросов, в которых приняли участие следующие категории граждан.

Физические лица:

- частные инвесторы, имеющие опыт финансирования компаний в форме краудлендинга или краудинвестинга на инвестиционной платформе;
- потенциальные инвесторы, не имеющие опыта финансирования компаний в форме краудлендинга или краудинвестинга, но использующие другие инструменты инвестирования во внебиржевые ценные бумаги или займы компаниям;
- неинвесторы, не имеющие опыта финансирования компаний в форме краудлендинга или краудинвестинга на инвестиционной платформе, не

использующие и не заинтересованные в использовании других инструментов инвестирования во внебиржевые ценные бумаги или займы компаниям [16].

Опрос физических лиц реализован в соответствии со следующими принципами формирования выборочной совокупности.

Метод формирования выборки — неслучайная потоковая (стихийная) выборка с элементами квотной: к опросу приглашены клиенты компаний; для достижения целевых показателей по выборке было отобрано определенное количество людей с заданными характеристиками.

Респондентами выступили клиенты компаний: Мосбиржи, JetLend, BrainBox VC, potok.digital, Bizmall, Rounds, Lender Invest, ZORKO, «Вдело», «Инвестмен», ВТБ Регистратор, Raiffeisen Alumni, «Альфа-Капитал».

Выборка для частных инвесторов на КФП составила 532 человека для генеральной совокупности 200 000 человек. Данный размер выборки обеспечивает потенциально высокую точность данных с погрешностью не более $\pm 4,2\%$ при 95% доверительной вероятности.

Выборка для потенциальных инвесторов и неинвесторов на КФП составила 1027 и 1004 человека соответственно для генеральной совокупности 116 834 472 человек (совершеннолетние россияне). Данный размер выборки обеспечивает потенциально высокую точность данных с погрешностью не более $\pm 2,5\%$ при 97% доверительной вероятности.

При неслучайном методе отбора надежность полученных результатов обеспечена объемом выборки.

Качество панели обеспечивается путем автоматического и ручного контроля качества заполнения анкет и удаления из панели недобросовестных респондентов, а также сопоставления социально-демографических характеристик, указываемых при прохождении опросов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Полученные эмпирические данные открывают дискуссию по таким вопросам, как:

- 1) мотивация и поведение инвесторов;
- 2) факторы, повышающие активность инвестирования граждан на инвестиционных платформах;
- 3) факторы, сдерживающие граждан от инвестирования через инвестиционные платформы;
- 4) факторы при выборе инвестиционной платформы [17];
- 5) факторы, влияющие на доверие к краудфандингу и то, как платформы могут адаптироваться под запросы инвесторов [18].

По данным опроса, мотивом прихода инвесторов на инвестиционную платформу стало, в первую оче-

редь, решение попробовать альтернативные виды инвестиций (84%), то есть выход за рамки традиционных (акции, облигации, денежные средства) видов инвестирования с целью диверсификации портфеля и получения дохода, не зависящего от колебаний на фондовом рынке.

Относительно небольшую долю опрошенных привели рекомендации инвестиционных экспертов или блогеров (20%) и промокомпании инвестиционной платформы (14%), но тем не менее потенциал для развития данных каналов вовлечения в инвестиционную платформу имеется. Всего 5% признают, что таким образом решили поддержать социально значимый проект (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Причины прихода на инвестиционную платформу инвесторов / Reasons for investors coming to the investment platform

Вариант ответа / Answer option	%
Решил(–а) попробовать альтернативные виды инвестиций	84
Рекомендации инвестиционных экспертов/ блогеров	20
Появились лишние деньги, решил рискнуть	16
Откликнулся (–лась) на промо компанию инвестиционной платформы	14
Посоветовал опытный и успешный инвестор	7
Решил (–ла) поддержать социально значимый проект	5

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Активность сделок, совершаемых инвесторами на платформе за последний год, характеризуется как умеренная: 43% совершают их в течение месяца, а 18% — раз в квартал. Не совершали сделки за последний год 17% опрошенных (табл. 2).

Показателем активности инвесторов является также то, сколько инвестиционных платформ они задействуют (табл. 3).

В дополнение о предпочтениях инвесторами моделях инвестирования выявлено, что краудревординг (модель нефинансового вознаграждения) не пользуется широким интересом среди всех опрошенных групп: не имеют опыт участия в благотворительном краудфандинге или краудфандинге с вознаграждением (краудревординге) и не хотели бы получить такой опыт 63% инвесторов, 46% потенциальных инвесторов и 84% неинвесторов. Почти каждому второму потенциальному инвестору (47%) интересно участие в подобной модели инвестирования (табл. 4).

Таблица 2 / Table 2

Частота сделок инвесторами на платформе за последний год / Frequency of transactions by investors on the platform over the past year

Вариант ответа / Answer option	%
1 раз в месяц	24
1 раз в неделю	19
1 раз в квартал	18
Не совершал сделки	17
1 раз за год	13
1 раз в день	9

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Количество инвестиционных платформ, используемых опрошенными для инвестирования / Number of investment platforms used by respondents to invest

Вариант ответа / Answer option	%
Через одну платформу в форме краудлендинга	43
Я инвестирую в проекты на нескольких платформах и в форме краудлендинга, и в форме краудинвестинга	20
Через несколько платформ в форме краудлендинга	19
Через одну платформу в форме краудинвестинга	6
Я инвестирую в проекты на одной платформе и в форме краудлендинга, и в форме краудинвестинга	4
Через несколько платформ в форме краудинвестинга	3
Другое	2
Затрудняюсь ответить	2

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Бонус в рамках краудревординга важен, особенно материальный — это декларируют 70% опрошенных, причем выше доля среди потенциальных инвесторов (79%). Для 30% инвесторов не важен возврат, они воспринимают вложение как пожертвование, в то время как среди потенциальных инвесторов и неинвесторов, разделяющих подобное убеждение, 15 и 17% соответственно (табл. 5).

Повышение активности инвестирования гражданами на инвестиционных платформах возможно посредством учета ряда факторов, на которые

указывают россияне в опросе. Следует выделить следующие:

1) экономические и рыночные факторы — они отражают общую экономическую ситуацию, привлекательность инвестиционных продуктов и рыночную конъюнктуру и включают такие аспекты, как: а) существенное повышение доходности инвестиционных продуктов; б) снижение ставок по депозитам; в) увеличение уровня собственного дохода;

2) предложения инвестиционных продуктов и компании — эти факторы связаны с разнообразием, качеством и новизной самих объектов инвестирования, доступных на платформах, включают аспекты: а) выход новых/высокотехнологичных компаний/проектов с интересными бизнес-решениями; б) расширение линейки инвестиционных продуктов на платформах; в) план по выводу компаний на Pre-IPO/IPO; г) повышение качества корпоративного управления заемщиков/эмитентов;

3) инфраструктура и сервис платформ — факторы, касающиеся удобства, функциональности и предоставляемых услуг самой инвестиционной платформы, а именно: а) наличие ликвидного вторичного рынка займов/облигаций/акций; б) существенное улучшение клиентского пути для инвесторов на инвестиционных платформах; в) предоставление качественного инвестиционного консультирования на платформах; г) предоставление прозрачной и открытой информации (например, отчетов);

4) законодательные и защитные факторы — связаны с государственным регулированием, защитой прав инвесторов и финансовыми гарантиями и включают: а) повышение защиты инвесторов; б) дополнительные налоговые льготы/вычеты; в) расширение программ возмещения инвестиций; г) наличие гарантий возвратности и доходности инвестиций;

5) образовательные и социокультурные факторы — факторы, влияющие на готовность и способность широких масс инвестировать, они связаны с такими аспектами, как: а) повышение финансовой грамотности в части инвестирования; б) популяризация краудфандинга; в) более активное участие венчурных/институциональных инвесторов на платформах.

Как показывает опрос, и инвесторы, и потенциальные инвесторы чаще указывают на аспекты в виде увеличения уровня собственного дохода (67% и 59% соответственно) — экономический и рыночный фактор, повышения защиты инвесторов (54% и 48% соответственно), дополнительных налоговых

Таблица 4 / Table 4

Наличие опыта участия в благотворительном краудфандинге или краудфандинге с вознаграждением (краудревординге) / Experience in participating in charitable crowdfunding or crowdfunding with rewards (crowdrewriting)

Вариант ответа / Answer option	Инвесторы / Investors	Потенциальные инвесторы / Potential investors	Неинвесторы / Non-investors
	%		
Нет, мне это не интересно	63	46	84
Нет, но мне это интересно	25	47	10
Да, только в благотворительном краудфандинге	5	5	4
Да, в обоих видах	4	1	1
Да, только в краудревординге	3	1	1
Затрудняюсь ответить	13	14	14

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 5 / Table 5

Предпочтительная форма вознаграждения / Preferred form of compensation

Вариант ответа / Answer option	Инвесторы / Investors	Потенциальные инвесторы / Potential investors	Неинвесторы / Non-investors
	%		
Материальный бонус в рамках краудревординга	40	59	45
Нематериальный бонус в рамках краудревординга	16	20	12
Мне не важен возврат, это пожертвование	30	15	17
Затрудняюсь ответить	23	19	36

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

льгот/вычетов (51% и 44% соответственно) — законодательные и защитные факторы (табл. 6).

По мнению около 40% инвесторов, повысить активность инвестирования позволит расширение программ возмещения инвестиций — законодательный и защитный фактор, наличие ликвидного вторичного рынка займов/облигаций/акций — инфраструктура и сервис платформ, существенное повышение доходности инвестиционных продуктов — экономический и рыночный фактор.

По мнению около 40% потенциальных инвесторов, начать инвестировать позволит повышение финансовой грамотности в части инвестирования — образовательный и социокультурный фактор, существенное повышение доходности инвестиционных продуктов — экономический и рыночный фактор.

Каждый третий опрошенный указывает на снижение ставок по депозитам (35%) — экономический и рыночный фактор, выход новых/высокотехнологичных компаний/проектов с интересными бизнес-решениями (32%) — предложения инвестиционных продуктов и компании.

Рассмотрим пять основных групп факторов, сдерживающих граждан от инвестирования через инвестиционные платформы:

1) фактор восприятия риска и доверия — отражает страх потери, недоверие к инструментам и посредникам, а также социальные опасения, и включает индикаторы: а) инвестиции — это риск потерять все; б) краудфандинг — это неоправданный риск; в) не доверяю финансовым посредникам; г) надежность и прозрачность платформы под сомнением;

Таблица 6 / Table 6

**Факторы, повышающие активность инвестирования граждан на инвестиционных платформах /
Factors that increase the investment activity of citizens on investment platforms**

Вариант ответа / Answer option	Инвесторы / Investors	Потенциальные инвесторы / Potential investors
	%	
Увеличение уровня собственного дохода	67	59
Повышение защиты инвесторов	54	48
Дополнительные налоговые льготы/вычеты	51	44
Расширение программ возмещения инвестиций	41	32
Наличие ликвидного вторичного рынка займов/облигаций/акций	39	31
Существенное повышение доходности инвестиционных продуктов	38	39
Снижение ставок по депозитам	33	35
Выход новых/высокотехнологичных компаний/проектов с интересными бизнес-решениями	33	31
Расширение линейки инвестиционных продуктов на платформах	25	21
Повышение финансовой грамотности в части инвестирования	24	41
Повышение качества корпоративного управления заемщиков/эмитентов	17	13
Предоставление качественного инвестиционного консультирования на платформах	15	20
Существенное улучшение клиентского пути для инвесторов на инвестиционных платформах	14	14
План по выводу компаний на Pre-IPO/IPO	14	12
Популяризация краудфандинга	13	15
Более активное участие венчурных/институциональных инвесторов на платформах	10	9
Не готов больше инвестировать, в принципе, ни при каких условиях	2	0
Наличие гарантий возвратности и доходности инвестиций	0	0
Предоставление прозрачной и открытой информации (например, отчетов)	0	0
Затрудняюсь ответить	2	4
Другое	1	1

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

д) не уверен, что у меня получится; е) страх осуждения близкого круга при потере вложений; ж) есть страх низкой доходности;

2) законодательные и защитные факторы — связаны с недостаточной защитой инвесторов, правовой неопределенностью и проблемами ликвидности,

включают индикаторы: а) права инвесторов недостаточно защищены; б) текущая незащищенность инвестора из-за популяризации банкротства; в) непонятен процесс урегулирования обязательств, в случае банкротства платформы; г) нет ликвидного вторичного рынка для инвесторов; д) пугают

**Факторы, сдерживающие граждан от инвестирования через инвестиционные платформы /
Factors holding citizens back from investing through investment platforms**

Вариант ответа / Answer option	Инвесторы / Investors	Потенциальные инвесторы / Potential investors	Неинвесторы / Non-investors
	%		
Краудфандинг – это неоправданный риск	42	40	31
Я не знаю про такие формы инвестиций	34	31	24
Нет ликвидного вторичного рынка для инвесторов	33	27	22
Инвестиции – это сложно технически и отнимает много времени	28	28	19
Инвестиции – это риск потерять все	26	30	25
Отсутствие сбережений	25	19	12
Отсутствие специализированных знаний	22	23	12
Недостаточная экспертиза инвестиционных менеджеров	20	17	12
Налоговые льготы недостаточны	19	16	8
Права инвесторов недостаточно защищены	19	17	8
Недостаточно эмитентов/отраслей/ проектов для инвестирования	17	16	12
Высокая степень неопределенности на макроуровне	14	14	27
Необходимость переподтверждать статус квалифицированного инвестора	14	18	16
Непонятен процесс урегулирования обязательств, в случае банкротства платформы	13	30	23
Текущая незащищенность инвестора из-за популяризации банкротства	6	5	7
Страх осуждения близкого круга при потере вложений	4	10	22
Не знаю, как начать инвестировать на КФП	3	8	7
Высокие ставки по депозитам	2	2	2
Не доверяю финансовым посредникам	1	13	15
Не уверен, что у меня получится	1	8	10
Высокий порог входа для инвестирования	1	0	0
Есть страх низкой доходности	1	0	1
Пугают возможные сложности с выводом средств	0	0	0
Надежность и прозрачность платформы под сомнением	0	7	3

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

возможные сложности с выводом средств; е) необходимость переподтверждать статус квалифицированного инвестора;

3) информационные и образовательные факторы — отражают недостаток знаний о самих платформах, механизмах инвестирования и отсутствие экспертизы, выражаются через индикаторы: а) я не знаю про такие формы инвестиций; б) не знаю, как начать инвестировать на КФП; в) отсутствие специализированных знаний; г) недостаточная экспертиза инвестиционных менеджеров;

4) экономические и рыночные факторы — связаны с финансовым положением граждан и альтернативными, более привлекательными способами сбережения; индикаторами являются: а) отсутствие сбережений; б) высокий порог входа для инвестирования; в) высокие ставки по депозитам; налоговые льготы недостаточны;

5) инфраструктура и сервис платформ — факторы, касающиеся неудобства использования платформ, сложности ведения учета и ограниченности выбора, выраженные через индикаторы: а) инвестиции —

Таблица 8 / Table 8

Самые важные факторы при выборе инвестиционной платформы / The most important factors when choosing an investment platform

Вариант ответа / Answer option	Инвесторы / Investors	Потенциальные инвесторы / Potential investors
	%	
Репутация (отзывы и качество обслуживания)	72	69
Размер и позиционирование платформы (число инвесторов, компаний, привлекающих финансирование, оборот, успешные кейсы размещения)	63	52
Опыт работы на рынке	60	59
Минимальный уровень дефолтности компаний	51	40
Низкий порог входа в инвестиции	48	44
Возможность автоинвестирования	34	12
Максимальное соотношение доходности к риску	28	28
Наличие понятной системы рейтингов компаний/проектов	28	37
Наличие вторичного рынка займов/облигаций/акций на инвестиционной платформе	27	19
Наличие интересной подборки компаний/проектов для реинвестирования	26	25
Принадлежность к значимой финансовой группе	25	39
Разнообразие инвестиционных продуктов (займы, облигации, акции)	25	43
Вариативность при выборе способа выплаты процентов и тела займа (краудлендинг)	17	15
Инновационность (платформа инициирует изменения регуляторных требований индустрии и меняет этот рынок)	15	13
Инвестиционная платформа сама вышла или планирует выход на IPO	12	10
Затрудняюсь ответить	1	4
Другое	1	0

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

это сложно технически и отнимает много времени; б) недостаточно эмитентов/отраслей/проектов для инвестирования; высокая степень неопределенности на макроуровне.

Наиболее популярными факторами, сдерживающими граждан от инвестирования через инвестиционные платформы, вне зависимости от группы опрошенных, являются законодательные и защитные факторы — права инвесторов недостаточно защищены (37%), непонятен процесс урегулирования обязательств в случае банкротства платформы (29%).

Каждого третьего инвестора сдерживает отсутствие ликвидного вторичного рынка для инвесторов (33%) — законодательный и защитный фактор (табл. 7).

30% потенциальных инвесторов признают, их ограничивает убеждение, что инвестиции — это риск потерять все — фактор восприятия риска и доверия, отсутствие понимания процесса урегулирования обязательств, в случае банкротства платформы — законодательный и защитный фактор.

Инвесторы и потенциальные инвесторы при выборе инвестиционной платформы считают важным учитывать множество факторов, которые представлены через ключевые категории:

1) репутационные и институциональные факторы — связаны с оценкой стабильности, опыта и общей репутации платформы, факторы выражаются через индикаторы: а) репутация (отзывы и качество обслуживания); б) размер и позиционирование платформы (число инвесторов, компаний, привлекающих финансирование, оборот, успешные кейсы размещения); в) опыт работы на рынке; г) минимальный уровень дефолтности компаний; д) принадлежность к значимой финансовой группе;

2) предложение продуктов и риск-доходность — факторы, касающиеся выбора активов, их разнообразия и финансовых условий инвестирования: а) максимальное соотношение доходности к риску; б) разнообразие инвестиционных продуктов (займы, облигации, акции); в) наличие интересной подборки компаний/проектов для реинвестирования; вариативность при выборе способа выплаты процентов и тела займа (краудлендинг); г) наличие понятной системы рейтингов компаний/проектов;

3) инфраструктура и сервис платформ — эти факторы описывают технические возможности платформы и удобство работы с ней и выражаются через индикаторы: а) низкий порог входа в инвестиции; б) возможность автоинвестирования;

Таблица 9 / Table 9

Наличие негативного опыта инвестирования через инвестиционные платформы / Having negative experience investing through investment platforms

Вариант ответа / Answer option	%
Убытки, в результате банкротства заемщика/эмитента	63
Фактическая доходность ниже инструментов денежного рынка	39
Падение стоимости акций выше ожидаемого	17
Отсутствие роста стоимости акций, как ожидалось	17
Убытки, в результате отсутствия ликвидности на вторичном рынке	13
Комиссия платформы выше ожидания	8
Отсутствие вторичного рынка акций	7
Невыгодные налоговые последствия сверх ожидания	6
Заморозка средств из-за санкций	1
Другое	3
Нет, негативного опыта не было	16

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

наличие вторичного рынка займов/облигаций/акций на инвестиционной платформе;

4) стратегические факторы — отражают амбиции платформы и ее влияние на индустрию, что находит выражение через индикаторы: а) инвестиционная платформа сама вышла или планирует выход на IPO; б) инновационность (платформа инициирует изменения регуляторных требований индустрии и меняет этот рынок) (табл. 8).

На доверие к краудфандингу влияет имеющийся у опрошенных опыт взаимодействия с инвестиционными платформами. Результаты опроса показывают, что только 16% опрошенных инвесторов не имеют негативного опыта инвестирования через инвестиционные платформы, более 60% — потерпели убытки, в результате банкротства заемщика/эмитента, 39% — столкнулись с тем, что фактическая доходность оказалась ниже инструментов денежного рынка. С падением стоимости акций выше ожидаемого или отсутствием их роста столкнулись 17% респондентов на каждый негативный случай (табл. 9).

ВЫВОДЫ

В основном финансовые действия инвесторов совершаются с привлечением одной платформы (49%). Также примечательно, что большая часть инвесторов предоставляют проекту краткосрочные займы (краудлендинг): в роли коллективного кредитора выступают 64% (без учета тех, кто инвестирует еще и в форме краудинвестинга).

Краудревординг (модель с нефинансовым вознаграждением) не вызывает широкого интереса: значительная часть респондентов, особенно те, кто не является инвестором (84%), не имеет опыта участия в подобных проектах и не хочет его получать. Даже среди инвесторов и потенциальных инвесторов более половины опрошенных безразличны к этой модели.

Инвесторы и потенциальные инвесторы чаще всего отмечают, что для повышения инвестиционной активности необходимы следующие условия:

- увеличение дохода: основной мотив — это экономическая выгода;
- защита инвесторов: россияне хотят быть уверенными в безопасности своих вложений, это включает повышение защиты инвесторов, дополнительные налоговые льготы и компенсационные программы;
- инфраструктура: наличие ликвидного вторичного рынка, где можно продать займы, облигации или акции, также является важным фактором.

Выявлены и описаны пять основных групп факторов, сдерживающих граждан от инвестирования через инвестиционные платформы: 1) фактор восприятия риска и доверия; 2) законодательные и защитные факторы; 3) информационные и образовательные факторы; 4) экономические и рыночные факторы; 5) инфраструктура и сервис платформ. Эмпирические данные подтвердили значимость законодательных и защитных факторов, которые как влияют на привлекательность инвестирования, так и в сложившихся условиях выступают аспектами, сдерживающими граждан от инвестирования через инвестиционные платформы, что ранее поднималось в научном дискурсе [19, 20].

Только 16% опрошенных инвесторов не имеют негативного опыта инвестирования через инвестиционные платформы. Из этого следует, что, пока столь большая доля участников народного финансирования получает негативный опыт от взаимодействия с инвестиционными платформами, будет формироваться и укрепляться кризис доверия к данной форме альтернативного частного финансирования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований на тему «Краудфандинговые платформы (КФП) как инструмент проверки гипотез для создания и производства новых продуктов (услуг) и повышения устойчивости субъектов малого бизнеса», выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2025 год. Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research on “Crowdfunding platforms (CFPs) as a tool for testing hypotheses for the creation and production of new products (services) and increasing the sustainability of small businesses”, carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2025. Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Егорова М.А. Правовое регулирование инвестиционных финансовых платформ (краудфинансирования) в предпринимательской деятельности. *Предпринимательское право*. 2022;1:19–25. DOI: 10.18572/1999-4788-2022-1-19-25
2. Шмелева А.Н. Краудфандинг как сектор экономики распределенного пользования. *Компетентность*. 2021;3:40–44. DOI: 10.24412/1993-8780-2021-3-40-44
3. Саяпин С.П. Исследование института краудфандинга на современном этапе развития гражданского права. *Право и экономика*. 2018;12(370):41–44. URL: <https://www.elibrary.ru/ytouuh>
4. Крамаренко А.И., Лукьянова Е.В. Краудфандинг: понятие и виды. *Вестник Международного Университета Кыргызстана*. 2023;1(49):141–144. DOI: 10.53473/16946324_2023_1_141
5. Корнеева А.В., Корнеев Г.У. Краудфандинг: цифровые инвестиции. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2023;8–2:190–201. DOI: 10.17513/vaael.2956
6. Соколинская Н.Э. Младшева А.Ю. Краудфандинг как новый метод финансирования инвестиций. *Финансовые рынки и банки*. 2018;4:8–15. URL: <https://www.elibrary.ru/ehlzmm>
7. Завертяев А.А. Краудинвестинг как инструмент привлечения финансирования проектов. *Бизнес. Образование. Право*. 2023;3(64):274–278. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.719
8. Сенотрусов И.Д. Краудлендинг как новый вид договора займа. *Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки*. 2024;22:58–61. URL: <https://www.elibrary.ru/pozurm>
9. Езангина И.А., Евстратов А.В. Новые инструменты финансирования малого и среднего предпринимательства в России: краудинвестинг. *Финансы: теория и практика*. 2019;23–3(111):122–136. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-3-122-136
10. Папаскуа Г.Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;16;7(128):77–85. DOI: 10.17803/1994–1471.2021.128.7.077–085
11. Бабкин А.О. Краудфандинг как инструмент привлечения инвестиций в инновационные технологии. *Креативная экономика*. 2023;17;6:2339–2351. DOI: 10.18334/ce.17.6.118273
12. Месропян Э.Р., Евсеева О.А. Рынок научного краудфандинга в России: анализ и оценка перспектив. *Дискуссия*. 2021;4(107):29–40. DOI: 10.46320/2077-7639-2021-4-107-29-40
13. Александрова В.А., Гребенникова В.А. Краудфандинг и его роль в финансировании творческих проектов. *Экономика, социология и право*. 2015;2:6–9. URL: <https://www.elibrary.ru/ubnjwj>
14. Конопская О.С. Краудфандинг: теория, проблемы и перспективы развития. *Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике*. 2018;14;2(7):439–445. <https://www.elibrary.ru/yqvarq>
15. Полихрониди А.В. Проблемы правового регулирования краудфандинга в России. *Вопросы российской юстиции*. 2020;9:466–472. URL: <https://www.elibrary.ru/xzuddi>
16. Федоров К.И., Федорова С.В. Современные инвестиционные решения: текущее состояние и тренды развития инвестиционных платформ. *Экономический вектор*. 2025;2(41):122–129. DOI: 10.36807/2411-7269-2025-2-41-122-129
17. Алехин А.Ю., Чувелева Е.А. Регистраторы как институты обеспечения развития реального сектора макроэкономики. *Дайджест-финансы*. 2024;29;3(271):265–291. DOI: 10.24891/df.29.3.265
18. Проскурина А.С. Динамический ресурс доверия в экономических отношениях — российский краудфандинг в социальной сфере. *Теория и практика общественного развития*. 2022;8(174):42–48. DOI: 10.24158/tpor.2022.8.5
19. Русскова Е.Г., Чайкина Е.В., Чайкин В.Ю. Инвестиционные платформы в инфраструктуре финансового рынка Российской Федерации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2019;21;2:90–98. DOI: 10.15688/jvolsu3.2019.2.8
20. Казаченок О.П. Привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ (краудфандинг): направления развития правового регулирования. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020;8(72):74–85. DOI: 10.17803/2311–5998.2020.72.8.074–085

REFERENCES

1. Egorova M.A. Legal regulation of investment financial platforms (crowdfunding) in entrepreneurial activity. *Business law*. 2022;1:19–25. (In Russ.). DOI: 10.18572/1999-4788-2022-1-19-25
2. Shmeleva A.N. Crowdfunding as a sector of the distributed economy. *Competence*. 2021;3:40–44. (In Russ.). DOI: 10.24412/1993-8780-2021-3-40-44

3. Sayapin S.P. Research of the institute of crowdfunding at the present stage of development of civil law. *Law and economics*. 2018;12(370):41–44. URL: <https://www.elibrary.ru/ytoouh> (In Russ.).
4. Kramarenko A.I., Lukyanova E.V. Crowdfunding: concept and types. *Bulletin of the International University of Kyrgyzstan*. 2023;1(49):141–144. (In Russ.). DOI: 10.53473/16946324_2023_1_141
5. Korneeva A.V., Korneev G.U. Crowdfunding: digital investments. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2023;8–2:190–201. (In Russ.). DOI: 10.17513/vaael.2956
6. Sokolinskaya N.E., Mladsheva A.Y. Crowdfunding as a new method of financing investments. *Financial markets and banks*. 2018;4;8–15. URL: <https://www.elibrary.ru/ehlzmm> (In Russ.).
7. Zavertyaev A.A. Crowdfunding as a tool for attracting project financing. *Business. Education. Right*. 2023;3(64):274–278. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2023.64.719
8. Senotrusov I.D. Crowdfunding as a new type of loan agreement. Education and science without borders: Social and humanitarian sciences. 2024;22:58–61. URL: <https://www.elibrary.ru/pozurm> (In Russ.).
9. Yezangina I.A., Evstratov A.V. New financing tools for small and medium-sized businesses In Russia: crowdfunding. *Finance: theory and practice*. 2019;23–3(111):122–136. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-3-122-136
10. Papascua G.T. Crowdfunding: Concept, types and risks. *Actual problems of Russian law*. 2021;16;7(128):77–85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994–1471.2021.128.7.077–085
11. Babkin A.O. Crowdfunding as a tool for attracting investments in innovative technologies. *Creative economy*. 2023;17;6:2339–2351. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.17.6.118273
12. Mesropyan E.R., Evseeva O.A. Scientific crowdfunding market in Russia: analysis and assessment of prospects. *Discussion*. 2021;4(107):29–40. (In Russ.). DOI: 10.46320/2077-7639-2021-4-107-29-40
13. Alexandrova V.A., Grebennikova V.A. Crowdfunding and its role in financing creative projects. *Economics, sociology and law*. 2015;2:6–9. URL: <https://www.elibrary.ru/ubnjwj> (In Russ.).
14. Konopskaya O.S. Crowdfunding: Theory, problems and prospects of development. *Innovative technologies in mechanical engineering, education and economics*. 2018;14;2(7):439–445. <https://www.elibrary.ru/yqvapq> (In Russ.).
15. Polikhronidi A.V. Problems of legal regulation of crowdfunding in Russia. *Issues of Russian justice*. 2020;9:466–472. URL: <https://www.elibrary.ru/xzuddi> (In Russ.).
16. Fedorov K.I., Fedorova S.V. Modern investment solutions: Current status and development trends of investment platforms. *The economic vector*. 2025;2(41):122–129. (In Russ.). DOI: 10.36807/2411-7269-2025-2-41-122-129
17. Alyokhin A. Yu., Chuveleva E.A. Registrars as institutions for ensuring the development of the real sector of macroeconomics. *Digest-finance*. 2024;29;3(271):265–291. (In Russ.). DOI: 10.24891/df.29.3.265
18. Proskurina A.S. Dynamic resource of trust in economic relations — Russian crowdfunding in the social sphere. *Theory and practice of social development*. 2022;8(174):42–48. (In Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2022.8.5
19. Ruskova E.G., Chaikina E.V., Chaikin V.Y. Investment platforms in the infrastructure of the financial market of the Russian Federation. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2019;21;2:90–98. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu3.2019.2.8
20. Kazachenok O.P. Attracting investments using investment platforms (crowdfunding): Directions for the development of legal regulation. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGU)*. 2020;8(72):74–85. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311–5998.2020.72.8.074–085

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Василий Васильевич Дягилев — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии; ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vasily V. Diaghilev — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.; Assoc. Prof. of the Department of Sociology; Leading Researcher at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1938-1275>

VVDyagilev@fa.ru

Диана Анзоровна Кунижева — кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии; ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Diana A. Kunizheva — Cand. Sci. (Social), Assoc. Prof. of the Department of Sociology, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4480-7231>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

diana_kunizheva@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.В. Дягилев — руководство исследованием, методология, сбор данных, редакция итоговой статьи.

Д.А. Кунижева — сбор данных, статистический анализ данных, написание итогового текста статьи.

Authors` contributions:

V.V. Diaghilev — research management, methodology, data collection, editing of the final article.

D.A. Kunizheva — data collection, statistical data analysis, writing the final text of the article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.10.2025; принята к публикации 27.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.10.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-79-89
УДК 316+316.346.32-053.9+316.334.3+316.614+364.66(045)

Анализ социальной активности мужчин пожилого возраста: на примере сотрудников Финансового университета

Е.В. Воеводина, Я.Н. Смирнова, А.Г. Тюриков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность проблемы исследования связана с социально-демографическими тенденциями, выражающимися в увеличении доли пожилых людей в структуре работников и необходимостью сохранения их социальной активности. Современные исследователи «серебряного возраста» указывают на сложность его категоризации, а также различие социального опыта пожилых людей. Новизна исследования, представленного в статье, заключается в выборе эмпирического объекта — мужчин старше 60 лет — работников Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Выбор данного эмпирического объекта не случаен: среди исследований «серебряного возраста» наблюдается недостаточная изученность специфических и ограниченных выборок, к которым относятся сотрудники университета. Цель исследования — анализ качественных характеристик социальной активности данной группы и разработка практических рекомендаций. Методом исследования выступило неформализованное интервьюирование с последующей процедурой открытого и осевого кодирования. Опрос проведен осенью 2024 г. в Финансовом университете ($n = 35$). В результате исследования выявлено, что данная группа информантов отличается благополучными характеристиками пребывания в стадии «серебряного возраста» как с точки зрения активности, так и общих жизненных условий. Типичный сотрудник университета старше 60 лет — это крепкий семьянин и патриот, занимающий активную гражданскую и просоциальную позицию. Работа образует для него основную сферу социальной активности, наполняя жизнь ценностью самоактуализации. Ему свойственны некоторые переживания по поводу собственного здоровья и здоровья своих близких, будущего своей страны и своих детей, социального неравенства. Одним из основных драйверов активности является семья. При этом наблюдается тенденция к групповому досугу в формате волонтерской работы (экологические практики, участие в патриотических клубах). Работа рассматривается как часть самореализации, нацеленная не только на обеспечение дохода в семье, но и на реализацию внутренних, ценностных потребностей. Важным каналом обновления профессиональных компетенций становится общение с коллегами. Вывод авторов обосновывает научное предположение о том, что трудовая занятость пожилых мужчин способствует сохранению социальной активности и обеспечению более высокого качества жизни. Результаты опроса создают предпосылки для дальнейшего изучения «серебряного возраста» в гендерном разрезе и могут быть интересны исследователям в области социологии, геронтологии, социальной психологии. **Ключевые слова:** социальная активность; пожилые люди; мужчины; работающие пенсионеры; качество жизни; активное долголетие

Для цитирования: Воеводина Е.В., Смирнова Я.Н., Тюриков А.Г. Анализ социальной активности мужчин пожилого возраста: на примере сотрудников Финансового университета. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):79-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-79-89

ORIGINAL PAPER

Analysis of Social Activity of Elderly men: On the Example of Employees of the Financial University

E.V. Voevodina, Ya.N. Smirnova, A.G. Tyurikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the research problem is determined by socio-demographic trends, expressed in an increase in the proportion of elderly people in the structure of workers and the need to maintain their social activity. Modern researchers of the silver age point to the complexity of its categorization, as well as the difference in the social experience of older people. The novelty of the research presented in the article lies in the choice of an empirical object — men over the age of 60 who are employees of a Financial University. The choice of this empirical object is due to the fact that among the studies of the silver age there is

© Воеводина Е.В., Смирнова Я.Н., Тюриков А.Г., 2025

a lack of knowledge of specific and limited samples, which include university staff. The purpose of the study is to analyze the qualitative characteristics of the social activity of this group and develop practical recommendations. The research method was an informal interview followed by an open and axial coding procedure. The survey was conducted in the fall of 2024 at the Financial University ($n = 35$). As a result of the study, it was revealed that this group of informants has favorable characteristics of staying in the "silver age" stage both in terms of activity and general living conditions. A typical university employee over the age of 60 is a strong family man and a patriot who takes an active civic and pro-social position. Work forms the main area of social activity for him, filling his life with the value of self-actualization. He has some concerns about his own health and the health of his loved ones, the future of his country and his children, and social inequality. One of the main drivers of activity is the family. At the same time, there is a tendency towards group leisure in the format of volunteer work (environmental practices, participation in patriotic clubs). Work is considered as a part of self-realization, aimed not only at providing income in the family, but also at realizing internal, valuable needs. Communication with colleagues is becoming an important channel for updating professional competencies. The study's findings support the scientific hypothesis that older men's employment contributes to maintaining social activity and ensuring a higher quality of life. The survey results create the prerequisites for further study of the "silver age" in the gender context and may be of interest to researchers in the field of sociology, gerontology, and social psychology.

Keywords: social activity; elderly people; men; working pensioners; quality of life; active longevity

For citation: Voevodina E.V., Smirnova Ya.N., Tyurikov A.G. Analysis of social activity of elderly men: On the example of employees of the Financial University. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):79-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-79-89

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения социальной активности пожилых людей обусловлена демографическими обстоятельствами, прежде всего, увеличением доли лиц старшего возраста в социальной структуре населения. Так, согласно прогнозу ООН¹, к 2070 г. численность людей старше 65 лет в мире составит 2,2 млрд чел., превысив число несовершеннолетних. Уже сегодня странам, имеющим тренд на демографическое старение населения, следует рассмотреть возможность внедрения новых технологий для повышения производительности труда, развития программ непрерывного обучения, повышения качества здравоохранения. Наша страна не является исключением для данного демографического тренда. По данным Минтруда России, в 2024 г. доля граждан старше 55 лет достигла 30% от общей численности населения, что повлекло за собой активизацию социальной политики — уже в середине ноября 2024 г. Министерством была принята «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года»².

Один из негативных социально-демографических трендов, характерный для всех возрастных групп, выражается в гендерном различии продолжительности жизни. Российские исследователи в области демографии указывают на феномен «сверхсмертности мужчин», отмечая, что по уровню мужской смертности в возрастной группе до 40 лет «наша страна занимает худшее место в Европе» [1].

При этом согласно данным экспертов Минздрава на 2023 г. 52% мужчин в РФ не доживают до 65 лет, а пик смертности приходится на 40–60 лет. Среди социальных причин высокой смертности эксперты приводят не только отсутствие заботы о здоровье (и эффективной профилактики заболеваний), наличие «вредных» привычек, но и хронический стресс, истощающий силы организма. Как следствие — большинство мужчин (81%) умирают внезапно и чаще всего на работе (74%)³. Закономерно, что продолжительность жизни во многом определяется ее качеством, в том числе способностью справляться со стрессом, наличием социальной поддержки.

Предмет настоящего исследования — социальная активность мужчин старше 60 лет, которая, по мнению исследователей «серебряного возраста», не только способствует росту продолжительности, но и улучшению качества жизни⁴. За основу определения социальной активности взят деятельностный подход Ю.В. Каргаполовой, согласно которому социальная активность — это «мера, степень, характеристика целенаправленной деятельности человека, связанная с преобразованием общественной среды и формированием социальных качеств личности» [2]. *Цель исследования:* выявить и проанализировать качественные характеристики социальной активности мужчин старше 60 лет. *В задачи исследования вошли:* 1) определение драйверов и барьеров социальной активности; 2) анализ ее содержания в различных

¹ World Population Prospects 2024 Summary of Results. Ten key messages. URL: https://population.un.org/wpp/assets/Files/WPP2024_Key-Messages.pdf

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года: Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/12>

³ Эксперт Минздрава Аполихин: 52% мужчин в России не доживают до 65 лет. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5899107>

⁴ Chronic loneliness may increase stroke risk among older adults: Harvard Chan School. URL: <https://hsph.harvard.edu/news/chronic-loneliness-may-increase-stroke-risk-among-older-adults/>

сферах жизнедеятельности; 3) определение практик, способствующих активному долголетию в представлении мужчин; 4) определение ключевых характеристик, важных для самореализации мужчин старше 60 лет.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социологические исследования «серебряного» возраста сталкиваются с определенными методологическими особенностями. Так, в статье Г.А. Ельниковой и К.В. Бекетова описана основная сложность — определение возрастных границ пожилого возраста [3]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет пожилой возраст в границах 60–74 лет, этого подхода придерживается большинство исследователей. При этом социологи акцентируют внимание на том, что порог наступления старости определяется не только объективными, но и субъективными факторами — в первую очередь, самооценкой состояния здоровья — чем лучше себя чувствует человек, тем он более склонен к тому, чтобы отодвигать границы старости [4]. П.И. Ананченкова, анализируя демографические особенности старения населения в разных странах, отмечает, что основным риском, приводящим к неблагоприятной старости, является мультиморбидность — наличие нескольких тяжелых хронических заболеваний, приводящих к значительному снижению качества жизни [5]. Мультиморбидность в пожилом возрасте зачастую приводит к инвалидизации, и вместе с тем ограничению социального жизненного пространства, поскольку любая активность в этом случае требует внешней поддержки.

В исследовании А.И. Подольского, М.В. Ермолаевой, Н.А. Шоркиной в контексте анализа категории «старости» подчеркивается важность индивидуального подхода к анализу ее восприятия пожилыми людьми. Так, например, активная жизненная позиция «не возникает сама по себе... она становится закономерным продолжением и выражением всего предыдущего жизненного пути» [6, с. 25]. Это подчеркивает значимость субъективного опыта в исследованиях пожилого возраста (в том числе, с использованием биографического метода и психодиагностики), а также таких социальных факторов, как профессия, занятость, семейный статус, место жительства и др.

Е.Н. Новоселова в исследовании, основанном на массиве данных российских аналитических компаний, отмечает, что «границы старости подвижны», а разделение среднего и пожилого возраста — невозможно [7, с. 35], в связи с чем любые классификации в этой области являются неточными. На основе вышеизложенного можно заключить, что пожилые

люди настолько разнородны по своим социальным признакам и настолько различны в силу взглядов на жизнь, что любое эмпирическое исследование должно исходить из ограниченных критериев выборочной совокупности.

Авторами данной статьи было принято решение об использовании качественного метода социологического исследования — неформализованного интервьюирования мужчин от 60 лет и старше. Согласно российской нормативно-правовой базе, в возрастной периодизации населения интервал от 60 до 74 лет относится к пожилому возрасту (это соответствует подходу ВОЗ)⁵. Использование качественного метода позволяет детально сосредоточиться на анализе ограниченной выборочной совокупности — в нашем случае объектом эмпирического исследования выступили работники Финансового университета (20 работников московского кампуса и 15 из филиалов университета в других городах страны).

Опрос реализован осенью 2024 г. Проведено 35 глубинных интервью с последующей процедурой открытого и осевого кодирования. Поскольку данное исследование относится к области качественной социологии, гипотеза формировалась по итогам аналитических процедур. В конструировании выборки исследования использован целевой отбор методом типичного представителя, при этом в число информантов были включены не только сотрудники из числа профессорско-преподавательского состава, но и работники подразделений хозяйственной, воспитательной, юридической, спортивно-оздоровительной работы, службы безопасности. Инструментарий исследования был разбит на несколько логических блоков, согласно вышеобозначенным задачам исследования. В свободной форме информантам предлагалось: поделиться опытом участия в общественной жизни, рассказать о формах проведения досуга; назвать причины и барьеры, препятствующие активной социальной жизни в старших возрастах; выразить мнение относительно наличия свободного времени и его проведения; рассказать о применяемых практиках сохранения и поддержания здоровья; поделиться мнением относительно приоритетных жизненных планов.

Особое внимание было уделено анализу содержания социальной активности (в рамках задачи № 2) в таких сферах, как общественно-политическая, культурно-досуговая, духовная, трудовая, семейно-бытовая. Результаты исследования представляются

⁵ Приказ Роспотребнадзора от 07.07.2020 № 379 «Об утверждении обучающихся (просветительских) программ по вопросам здорового питания». URL: <https://base.garant.ru/74598540/?ysclid=mhogptkggr956158906>

достаточно интересными с точки зрения структуры социальной активности и ее роли в конструировании стратегий активного долголетия мужчин.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИНФОРМАНТОВ

Согласно нашему исследованию, информантам свойственна активность практически во всех сферах жизнедеятельности. Они вовлечены в практики волонтерства, как экологической (уборка мусора, посадка деревьев, помощь бездомным животным), так и социально-значимой направленности (благотворительность, помощь участникам СВО, организация патриотических мероприятий, помощь музеям и др.). В таблице обозначены основные сферы социальной активности и используемые информантами практики участия, составленные на основе анализа интервью.

Практически все интервью объединяет лейтмотив, сопряженный с тем, что гражданская и политическая активность является необходимым личностным качеством: «Любой человек вне политики жить никак не сможет, хоть прямо, хоть косвенно, будет принимать участие. В том числе я тоже принимаю участие. Я член, до сих пор я не вышел, в компартии, также принимаю участие в “Единой России”» (мужчина, 65 лет). Кроме того, у информантов волонтерство и помощь нуждающимся сопряжены с категорией социального долга: «Я считаю, что помогать всегда нужно, это святой долг и обязанность» (мужчина, 72 года).

В то же время информанты наблюдают у себя снижение активности в связи с возрастом, зачастую отдавая предпочтение пассивным формам досуга (таким как просмотр телепередач, чтение, настольные игры и т.д.). Примечательно, что некоторым из них свойственно приписывать такую «пассивность» именно представителям мужского пола: «С возрастом ленимся. Женщина более социально активная, чем мужчина. Я это, даже по себе чувствую, что с возрастом все больше и больше тянет просто пойти лечь на диван, включить телевизор» (мужчина, 65 лет). С другой стороны, более детальный анализ повседневных досуговых практик показывает, что мужчины проявляют достаточно разнообразную активность. При этом социальное окружение, в первую очередь, образует семья, и в меньшей степени — друзья. Хотя и нельзя сказать о том, что дружеские встречи сходят на «нет», но информанты все-таки отмечают, что стали реже собираться приятельскими компаниями в свободное время, уделяя больше времени супругам, детям, внукам. А вот новые знакомства становятся все более редкими и связаны в основном с активностью в рамках рабочих мероприятий, пребыванием в са-

наториях, реже — больницах и поликлиниках. Можно сказать, что информанты нацелены на сохранение существующего социального окружения в повседневной жизни, но не на его расширение — общение скорее рассматривается через призму «качества, а не количества» — значимы единство интересов, общий опыт, который возможен только во взаимоотношениях со «старыми» друзьями. В подавляющем большинстве случаев это объясняется отсутствием пространства для конструирования новых социальных связей, в меньшей степени — социальным дистанцированием: «Нет, новые, конечно, знакомства появляются, но *приблизить их к себе не очень хочется*» (мужчина, 78 лет).

Рассмотрим подробнее активность информантов в исследуемых сферах, выделяя ключевые закономерности.

1. Семья для информантов становится одним из основных драйверов активности. Вопреки расхожему стереотипу о том, что мужчины старшего поколения более патриархальны и избегают участия в выполнении хозяйственно-бытовых функций, присущих женскому полу, таких как уборка, готовка, игра с детьми — информанты продемонстрировали высокий уровень участия в «домашних» делах: «Дома тоже все работы выполняются лично мной, любые виды работ: электротехнические, сантехнические, я могу все сам делать, и тем более хозяйственные работы, я не чужаюсь убирать, погрузить картошку и так далее, это все для меня наука, пройденная еще в 11 лет в Суворовском училище» (мужчина, 80 лет). В целом информанты не считают это неприятной обязанностью, а скорее воспринимают как неотъемлемую часть семейно-бытового уклада: «Как же в семье жить и не помогать жене? И с уборкой, и с посудой помоешь, и погладишь, и иногда и постираешь, все» (мужчина, 72 года). В целом, именно семья названа главным приоритетом среди всех ценностей, наряду со здоровьем. Среди типичных бытовых рутинных практик информантов можно выделить — занятия с внуками (настольные игры, помощь в решении домашних заданий), уборка дома и приготовление пищи (как правило, помощь супруге), ремонт вещей, автомобиля.

2. Культурно-досуговая активность. Типичные практики культурно-досуговой активности мужчин довольно разнообразны: посещение театров, музеев и концертов (как правило, совместно с супругой), прогулки на свежем воздухе, настольные игры с друзьями, чтение книг, просмотр телепередач и даже компьютерные игры, интерес к которым общество скорее приписывает молодежи, нежели старшему поколению. Обеспечение физической активности в основном реализуется за счет оздоровительной

Таблица / Table

Сферы и практики социальной активности / Spheres and practices of social activity

Сферы социальной активности / Areas of social activity	Практики социальной активности / Social activity practices	Типичные цитаты информантов / Typical quotes from informants
Общественно-политическая жизнь	Волонтерство (помощь участникам СВО, организация и участие в патриотических мероприятиях, воспитание младшего поколения и др.); экологические практики, благотворительность	«Мы помогли, собирали средства, закупали оборудование <...> на СВО» (мужчина, 80 лет) «Мы занимаемся <...> музеем, реконструируем объекты города, которые находятся в сложном состоянии... Мы сами разбирали там, забивали окна, выносили мусор» (мужчина, 67 лет). «Переводили деньги в различные фонды для помощи животным, которых вывозили из Донбасса. Им же тоже нужна помощь» (мужчина, 70 лет).
Семья и быт	Воспитание внуков и детей, походы в гости к друзьям и знакомым	«И к родственникам, и к друзьям... Да, к кому мы еще ходим? С кем мы учились вместе: одноклассники, однокашники, сокурсники. Как пригласят, так сразу и идем» (мужчина, 78 лет)
Культура и досуг	Физическая активность чаще индивидуальная, реже групповая (фитнес); посещение культурных мероприятий (театры, музеи, концерты); «домашние» досуговые активности (настольные игры, чтение книг, компьютерные игры, просмотр телепередач) с родственниками и друзьями	«Я люблю заниматься спортом и внушек своих тоже приучаю. Да, общая физическая активность занятия дома» (мужчина, 69 лет) «Смотрим телевизор, это, как и все, наверное... НТВ, Первый канал, политические программы» (мужчина, 66 лет) «Мы с женой часто гуляем по бульварам, посещаем музеи, в театр сейчас уже перестали, в кинотеатры тоже» (мужчина, 72 года)
Духовная жизнь	Посещение религиозных мест, соблюдение традиций (праздников, поста), участие в восстановлении религиозных объектов (пожертвование храмам, помощь в ремонте)	«Восстанавливаем храмы не как религиозные сооружения, а именно как исторические ценности» (мужчина, 67 лет) «Когда идут какие-то праздники духовные, я стараюсь с семьей посещать церковь» (мужчина, 70 лет)
Труд	Участие в программах повышения квалификации и профессиональной переподготовки; корпоративные мероприятия; неформальные встречи с коллегами; научные мероприятия, конференции	«А куда деваться? Все быстро меняется. Последнее повышение квалификации — это по поводу GPT-дел (мужчина, 67 лет) «Если корпоративное мероприятие посвящено памятным датам или каким-то торжественным событиям, то мое участие обязательно будет» (мужчина, 67 лет)

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

«домашней» повседневной гимнастики, которая типична и для жителей столицы, и для жителей регионов. Информанты из столичного региона также прибегают к услугам фитнес-центров. При этом физическая активность воспринимается скорее не как хобби, а как необходимый компонент поддержания здоровья: «По состоянию здоровья, конечно, это необходимо. Два раза в неделю в тренажерном зале — необходимая вещь. Приходится о себе заботиться, иначе не будешь соответствовать себе ни по возрасту, ни по состоянию» (мужчина, 67 лет). В целом наблюдается тенденция к групповому досугу в формате волонтерской работы (например, высадка

деревьев, восстановление храма, участие в патриотических клубах), культурно-досуговые событийные мероприятия в формате посещений театров, кино, концертов присутствуют в жизни пожилых людей, но значительно реже. Примечательно, что культурно-развлекательная активность реализуется совместно с супругами, в то время как волонтерство может быть реализовано с друзьями и коллегами.

3. Духовные практики тесно переплетаются с досугом информантов, поскольку для тех, кто идентифицирует себя в качестве «верующего» человека, посещение культовых учреждений и соблюдение религиозных праздников является привычным де-

лом. Обращение к религии обусловлено не столько поиском смысла жизни (что типично для молодых), сколько возможностью духовного самосовершенствования, поиском гармонии и спокойствия в «непростое время». Вот как описывает свой опыт один из информантов: «Огромное удовольствие получаю, очищается тело, организм. Выходишь и думаешь, что *правильно сделал!* Приятно идешь, легко тебе, свободно, ощущение, что ты пообщался со своими родителями, что ты их вспомнил, *почтил*. Это все большое дело» (мужчина, 75 лет). При этом были и те, кто с советских времен считает себя атеистом и не собирается менять устоявшиеся взгляды на религию, находя иные пути самосовершенствования (искусство, наука, благотворительность и др.). Духовные практики информантами рассматриваются также через «совершение добрых дел», в том числе волонтерство: «Радость других. Если я могу чем-то помочь, я считаю, одна из миссий человека — это делать добро. Делать добро и мешать злу» (мужчина, 80 лет).

4. Трудовая деятельность. Интересно обратиться к анализу активности и социального самочувствия информантов в контексте их трудовой жизни. Во-первых, нужно отметить, что представители старшего поколения прекрасно осознают необходимость постоянного обновления профессиональных компетенций. Для специалистов, занятых управленческой, педагогической и научно-исследовательской деятельностью, это, в основном, формализованные мероприятия — повышение квалификации, профессиональная переподготовка, участие в образовательных семинарах и т.п. Кроме того, практически все информанты указывали в качестве наиболее важного канала обновления своих профессиональных знаний общение с коллегами. В то же время работники других подразделений университета (хозяйственных, охранных и др.) отмечали, что ощущают некоторый недостаток корпоративных мероприятий и коммуникаций с коллегами из других подразделений.

Работа рассматривается как часть самореализации, которая нацелена не только на обеспечение дохода в семье, но и на реализацию внутренних, ценностных потребностей: «Если бы *не было удовольствия*, мы бы и на работу *не ходили бы уже*, все, закончили бы» (мужчина, 72 года). С другой стороны, в ответе на вопрос о свободном времени, ситуация выглядит не такой уж идеальной: «Очень *мало времени. Работа, работа, работа*» (мужчина, 67 лет). Можно сказать, что те информанты, чья работа носит более творческий характер (а науку и преподавание можно отнести к такой деятельности) склонны более оптимистично оценивать отсутствие свободного времени. Продолжение

трудовой деятельности не воспринимается как рутина, а скорее как естественная жизненная установка: «*Нет у меня свободного времени. Очень много работы. Деятельность в семье и профессиональная деятельность приносят сильное удовольствие, поэтому свободное время, оно, по сути, не нужно*» (мужчина, 70 лет).

Трудовая активность рассматривается в русле передачи опыта новым поколениям, в чем информанты видят особую значимость и социальную миссию: «*Я служу своей Родине. Это может звучать тривиально, может пафосно, не знаю, как хочешь. Но я служу своей Родине, как могу сегодня. И это составляет смысл моей жизни сегодня*» (мужчина, 76 лет). Патриотизм и любовь к Родине через реализацию трудовых функций, передача опыта молодым фигурирует практически во всех проведенных интервью.

5. Примечательно, что ни одним из информантов не была названа **проблема социального одиночества**. Мы связываем этот факт с тем, что практически все опрошенные, во-первых, имеют семью, а во-вторых, — трудовую занятость. Но остается ли при этом у информантов время, чтобы следить за состоянием здоровья? Опрошенные проходят скрининги либо в рамках диспансеризации, либо по причине уже имеющихся заболеваний. О «добровольной» профилактике (мы не относим сюда диспансеризацию, поскольку эта процедура выполняется 1 раз в год) речь не идет. В целом отношение к здоровью напрямую зависит от других членов семьи — так, например, один из информантов заметил, что именно супруга помогает ему контролировать диабет, ограничивая потребление вредной пищи. Безусловно, информанты отмечают важность и ценность здоровья, но опять же в контексте — либо как необходимости бороться с уже имеющимися недугами, либо как фактора трудоспособности: «Сейчас цель — это **поддержать здоровье**, чтобы не шаркать ногами, **а идти верной походкой на работу**» (мужчина, 69 лет). Ухудшение здоровья перечислено практически всеми информантами в качестве одного из основных опасений, вызывающих тревогу, наряду с потерей близких: «Беспокоит, когда кто-то **болеет** начинает из **родных и близких**, конечно, переживаешь очень. Вот это **беспокоит больше всего**. Когда друзья **уходят в мир иной**, тоже **переживаешь** или **болеешь...**» (мужчина, 70 лет). В качестве здоровьесберегающих практик информанты используют регулярные физические нагрузки, правильное питание, психогигиену (проработка негативных эмоций через медитацию, молитву, культурный досуг).

6. Планы и социально-экономические условия жизни. Несмотря на то, что никто из информантов открыто не говорил о страхе смерти, можно уловить

его наличие в отдельных фразах, особенно если речь идет о жизненных планах — «не успеть», «не реализовать», «не добиться». Как выразился один из опрошенных: «**Жизнь мчится** курьерским поездом и, так сказать, все это **настолько быстро**» (мужчина, 80 лет). К экзистенциальным страхам также можно отнести неопределенность, проявляющуюся в размышлениях о геополитической ситуации в связи со специальной военной операцией, опасность мировой войны и переживания за будущее детей и внуков.

Определенная тревожность связана и с социально-экономическими условиями жизни. В основном информанты указывали на социальную поляризацию и нарушение принципов социальной справедливости: «**Меня тревожит, когда видишь в магазине бабушку, которая считает там какие-то копейки, видел, что она смотрит на эту же колбасу или молоко, и состояние... Вот жалко мне. Меня тревожит, что таких людей много, и что, наверное, она одна, и нет у нее ни сына, и ни дочери... Мы живем на контрасте. Меня это тревожит**» (мужчина, 66 лет). В то же время, нельзя сказать, что опрошенным присущ социальный пессимизм — преодоление трудностей они видят в передаче своего опыта младшим поколениям, развитии патриотизма и семейных ценностей: «**Мы стараемся делать подрастающее поколение здоровым и крепким не только в физическом плане, но и в моральном, духовном**» (мужчина, 70 лет).

Подводя итоги, можно отметить, что мужчина-сотрудник университета старше 65 лет — это крепкий семьянин и патриот, занимающий активную гражданскую и просоциальную позицию. Работа образует для него основную сферу социальной активности, наполняя жизнь ценностью самоактуализации. В то же время ему свойственны переживания по поводу собственного здоровья и здоровья своих близких, будущего своей страны и своих детей и внуков, социального неравенства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Проведенное исследование демонстрирует, что социальная активность мужчин старшего возраста достаточно содержательна в различных сферах жизнедеятельности — как неформальной (семейной), так и общественно значимой (трудовой). Полученные результаты во многом объясняются спецификой выборки исследования. Все информанты ведут активную трудовую жизнь, что, по сути, обеспечивает им не только дополнительные материальные возможности (например, оплата культурных, спортивно-оздорови-

тельных мероприятий), но и сохранение социальной интеграции, поскольку для них свойствен круг общения, складывающийся из членов семьи и коллег. В этом же заключается ограничение выводов исследования, поскольку они релевантны для благополучной социальной среды: наше исследование не затронуло ни малообеспеченных, ни одиноких пожилых людей. Кроме того, работающие мужчины пока не вошли в стадию посттрудовой адаптации, наиболее противоречивой и сложной для лиц старшего возраста. Как отмечают другие исследователи⁶, пожилые люди — это очень многоликая по своей внутренней структуре группа населения; очевидно, что человек, включенный в трудовую активность, и человек, находящийся несколько лет на пенсии, имеют совершенно разные жизненные миры и смыслы. Вспоминая цитаты из интервью, можно отметить, что мужчины в нашей выборке скорее не идентифицируют себя с группой пенсионеров в привычном смысле этого слова («**Меня тревожит, когда видишь в магазине бабушку, которая считает там какие-то копейки**», мужчина, 66 лет). В связи с этим наши результаты — скорее иллюстрация той самой «благополучной старости», которая являет собой относительно идеальную картину мира и не описывает массу возможных рисков «третьего возраста».

В противоположность выводам проведенного нами исследования можно указать на результаты массовых опросов о жизни пожилых россиян. Так, например, в опросе общественного мнения, проведенном ВЦИОМ в 2023 г., среди социальных проблем, типичных для пожилых людей, названы (в порядке убывания): бедность и низкие пенсии (61%), ухудшение здоровья (40%), отсутствие цифровых навыков (25%), реже — одиночество (18%), ощущение неволеваемости в обществе (17%) и семье (14%)⁷. В более раннем региональном исследовании ИСЭРТ РАН в Вологодской области упоминается, что основным мотивом трудовой занятости в пожилом возрасте является вовсе не самореализация, а потребность в дополнительном заработке (81%), и гораздо реже — заинтересованность в общении (20,5%) и желание приносить пользу обществу (13%) [8].

Надо сказать, что в научном пространстве наблюдается недостаток масштабных социологических исследований, анализирующих барьеры социальной

⁶ Счастье «третьего возраста»: вызовы и новые смыслы жизни старших россиян: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/expertise/schaste-tretego-vozrasta-vyzovy-i-novye-smysly-zhizni-starshikh-rossijan>

⁷ Жить долго, жить хорошо: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho>

активности пожилых людей в гендерном разрезе. В русскоязычном сегменте имеются отдельные работы, которые часто ссылаются на зарубежные источники. Так, в работе Т.Ф. Сусловой проанализирован ряд исследований, выводы которых связаны с наличием прямой взаимосвязи между социальной активностью и благополучной старостью — чем больше у индивида ресурсов для поддержания такой активности, тем выше качество и продолжительность его жизни [9]. В исследованиях, анализирующих сценарии адаптации пожилых людей, также отмечается положительное влияние трудовой активности на самочувствие мужчин пожилого возраста — работающие пенсионеры реже сталкиваются с психологическими проблемами [10, с. 298].

Опираясь на типологию Н.К. Шлоссберга, российские исследователи отмечают шесть типов пенсионеров [10, с. 293]: продолжатели, авантюристы, легко планирующие, вовлеченные зрители, отступники и искатели. Трудовая активность более свойственна трем типам:

1) «продолжателям», сохраняющим свою профессиональную идентичность после выхода на пенсию, которые характеризуются профессиональной вовлеченностью, участием в повышении квалификации, стремлением к адаптации своих навыков к новым условиям;

2) «авантюристам», которые стремятся кардинально изменить жизнь, в том числе за счет новых хобби и смены профессии;

3) «легко планирующим» — фаталистам, которые не имеют четких планов на будущее и «плывут по течению»; такой тип пенсионеров может продолжать работать, но пассивно, без активной вовлеченности и амбиций.

Анализируя результаты нашего исследования, можно отметить, что информантам (особенно из числа научно-педагогических кадров) свойственна модель продолжателей, о чем свидетельствует не только фактическая трудовая занятость, но и проявление интереса к профессиональной и корпоративной жизни. В то же время присутствует «легко планирующий тип» информантов, которые рассматривают пенсионный возраст как финишную точку карьеры и не строят планов по достижению каких-либо профессиональных целей, отдавая эту прерогативу «молодым». В зарубежных исследованиях [11] часто упор делается на физической активности и ее влиянии на здоровье пожилых людей: доказано, что социальные связи (члены семьи, друзья) стимулируют желание больше двигаться, заниматься спортом, исследовать город и тем самым обеспечивают лучшие показатели качества жизни.

ВЫВОД И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Возвращаясь к результатам нашего исследования, отметим, что ухудшение здоровья в старшем возрасте отражается на ощущении личного благополучия информантами: «*Радость приносит, когда ты не болеешь*» (мужчина, 65 лет). Карьера и трудовая активность в беседе с информантами обозначены не в контексте целедостижения, а в русле самореализации и гармоничной жизни: «Смысл, **я давно уже к этому пришел**, это реализация себя. Когда вы рождаетесь, в вас вложены вашими предками, родителями какие-то **способности, наклонности, таланты**. Ваши задачи, собственно, вот тот потенциал реализовать. Вот это смысл жизни, самореализации. Цель — это реализовать себя, и чтобы все были **живы, здоровы, любимые дороги вам, близкие ваши**» (мужчина, 65 лет). Типичные переживания и экзистенциальные страхи информантов отражают текущую социальную ситуацию в стране и, прежде всего, связаны с внешнеполитическими угрозами и социально-экономическими тенденциями. Исходя из результатов социологического исследования, можно говорить о том, что трудовая занятость мужчин в возрасте 65+ способствует сохранению социальной активности в старшем возрасте и обеспечению более высокого качества жизни. Этот вывод соотносится с тенденцией, отмеченной в работе О.А. Аникеевой, которая характеризует специфику пожилого возраста в новой социальной реальности следующим образом: «Современные люди старшего поколения — поколения нового типа — способны продолжать трудовую деятельность и заинтересованы в ней... такая установка есть у российских пенсионеров, и дело не только в материальных проблемах, но и в потребности быть нужными, значимыми, социально полезными» [12, с. 170]. Таким образом, мы можем говорить о необходимости развития программ поддержки социально-трудовой активности пожилых людей на локальном и государственном уровне, в том числе расширении доступности практик в здравоохранении, образовании, социальной работе. Поддержка трудовой и социальной активности становятся неотъемлемым компонентом сохранения достойного качества жизни пожилых людей в рамках инклюзивной экономической модели, направленной на снижение рисков социальной уязвимости (таких как бедность, одиночество, маргинализация и др.).

Важным элементом поддержки становится экономическая защищенность и поддержка пожилых людей. Размер пенсии некоторыми информантами

рассматривается как недостаточный с точки зрения обеспечения финансового благополучия и определяет социальный пессимизм: «В связи с такой пенсией, то обществу я, и мы как-то не особенно нужны-то» (мужчина, 73 года). В связи с этим возникает вопрос о необходимости активизации государственной политики в данном направлении, в том числе через популяризацию программ долгосрочных сбережений, социальных вкладов, софинансирования пенсий.

В русле конкретных практических рекомендаций по итогам проведенного исследования также можно обозначить следующие предложения:

1) расширение доступности программ в области спорта и здоровьесбережения для участников 60+, в том числе на основе программ государственного софинансирования и дополнительного медицинского страхования (ДМС). Анализ результатов исследования показывает, что мужчины пожилого возраста осознают необходимость и демонстрируют готовность к физической активности и профилактическим осмотрам, однако информанты отмечали высокую стоимость таких мероприятий;

2) развитие программ социально-психологической помощи населению в период внешних геополитических угроз, доступных представителям старших

возрастных групп, а также популяризация такой помощи среди старшего поколения. Информанты не говорили об опыте обращения в психологические службы, отмечая, что существующие проблемы и опасения прорабатывают самостоятельно, с супругой, что связано с тем, что данному поколению не свойственно обращение за профессиональной помощью;

3) внедрение в корпоративную культуру инклюзивных программ, направленных на социальную интеграцию сотрудников разного возраста, посредством волонтерских проектов разнообразной направленности (экология, благотворительность, патриотизм и др.). В частности, у информантов, не входящих в число преподавателей и научных сотрудников, социальные коммуникации с коллегами менее выражены и проявляется потребность участия в коллективной трудовой жизни;

4) агрегация и распространение лучших практик адаптации работников пожилого возраста в организациях. Анализ социально-демографических тенденций показывает необходимость инклюзии пожилых работников в рамках рынка труда, однако в научно-практическом аспекте отсутствуют организованные информационные ресурсы, аккумулирующие такие социальные технологии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках педагогического подхода «Обучение служением», реализуемого в Финансовом университете в 2024 году. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out within the framework of the pedagogical approach “Service Learning”, implemented at the Financial University in 2024. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горошко Н.В., Пацала С.В. Социальные факторы смертности мужского населения: Россия на мировом фоне. *Социально-трудовые исследования*. 2023;53(4):81–96. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96
2. Каргаполова Ю.В. Теоретический анализ основных подходов к определению понятия «социальная активность». *Молодой ученый*. 2014;21(80):575–577. URL: <https://www.elibrary.ru/tcvbrt>
3. Ельникова Г.А., Бекетов К.В. Пожилые люди как объект исследования: проблемы методологии. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023;9:45–49. DOI: 10.23672/SAE.2023.9.9.011
4. Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие. *Народонаселение*. 2023;26(3):131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11
5. Ананченкова П.И. Пожилые как ресурс социально-экономического развития и парадоксы демографического старения. *Экономика Таджикистана*. 2024;4:155–162. URL: <https://www.elibrary.ru/squnfd>
6. Подольский А.И., Ермолаева М.В., Шоркина Н.А. Пожилые человек как субъект изучения, поддержки и общения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2574-6
7. Новоселова Е.Н. Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2024;30(1):32–52. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-32-52

8. Шабунова А.А., Барсуков В.Н., Калачикова О.Н., Морев М.В. Пожилые люди в современном российском обществе. Вологда: ИСЭРТ РАН; 2015. URL: http://library.vscs.ac.ru/Files/books/1449914890pozhiye_ljudi_v_sovremennom_rossijskom_obshestve.pdf
9. Суслова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте. *Современная зарубежная психология*. 2017;3(6):63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307
10. Бадердинова Л.В., Блохина Н.В., Демин А.В., Ильницкий А.Н. Возрастная жизнеспособность и выход на пенсию (обзор литературы). *Успехи геронтологии*. 2023;36(3):292–301 DOI: 10.34922/AE.2023.36.3.002
11. Sims-Gould J., Ahn R., Li N., Ottoni C.A., Mackey D.C., McKay H.A. The social side is as important as the physical side: Older men's experiences of physical activity. *American Journal of Men's Health*. 2018;6(12):2173–2182. DOI: 10.1177/1557988318802691
12. Аникеева О.А. Третий возраст: новая системность социальной защиты. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023;2(59):168–175. DOI: 10.31737/22212264_2023_2_168-175

REFERENCES

1. Goroshko N.V., Patsala S.V. Social factors of male mortality: Russia on a global background. *Social and labor research*. 2023;53(4):81–96. (In Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96
2. Kargapolova Yu. V. Theoretical analysis of the main approaches to the definition of the concept of “social activity”. *A young scientist*. 2014;21(80):575–577. URL: <https://www.elibrary.ru/tcvbrt> (In Russ.).
3. Yelnikova G.A., Beketov K.V. Elderly people as an object of research: Problems of methodology. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2023;9:45–49. (In Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2023.9.9.011
4. Antonov A.I., Nazarova I.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V. The threshold of old age: Objective signs and subjective perception. *Population*. 2023;26(3):131–143. (In Russ.). DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11
5. Ananchenkova P.I. The elderly as a resource of socio-economic development and the paradoxes of demographic aging. *The economy of Tajikistan*. 2024;4:155–162. URL: <https://www.elibrary.ru/squnfd> (In Russ.).
6. Podolsky A.I., Ermolaeva M.V., Shorkina N.A. An elderly person as a subject of study, support and communication. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. (In Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2574-6
7. Novoselova E.N. Health in old age: stereotypes and objective indicators. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2024;30(1):32–52. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-32-52
8. Shabunova A.A., Barsukov V.N., Kalachikova O.N., Morev M.V. Elderly people in modern Russian society. Вологда: ISERT RAS; 2015. URL: http://library.vscs.ac.ru/Files/books/1449914890pozhiye_ljudi_v_sovremennom_rossijskom_obshestve.pdf (In Russ.).
9. Suslova T.F. Social activity of a personality as a determinant of positive adaptation and full-fledged life in retirement. *Modern foreign psychology*. 2017;3(6):63–70. (In Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2017060307
10. Baderdinova L.V., Blokhina N.V., Demin A.V., Ilnitski A.N. Older age vitality and retirement (literature review). *Advances in Gerontology*. 2023;36(3):292–301. (In Russ.). DOI: 10.34922/AE.2023.36.3.002
11. Sims-Gould J., Ahn R., Li N., Ottoni C.A., Mackey D.C., McKay H.A. The social side is as important as the physical side: Older men's experiences of physical activity. *American Journal of Men's Health*. 2018;6(12):2173–2182. DOI: 10.1177/1557988318802691
12. Anikeeva O.A. The third age: a new system of social protection. *Journal of the New Economic Association*. 2024;2(59):168–175. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_2_168-175

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Екатерина Владимировна Воеводина — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ekaterina V. Voevodina — Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6131-8301>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

ekaterinavoevodina@yandex.ru

Яна Николаевна Смирнова — специалист учебно-научной социологической лаборатории кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yana N. Smirnova — specialist of the Educational and Scientific Sociological Laboratory of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-1624-7167>

ynsmirnova@mail.ru

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alexandr G. Tyurikov — Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

AGTyurikov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Воеводина — постановка проблемы, анализ теоретико-методологической базы исследования социальной активности мужчин пожилого возраста, сравнительный анализ результатов авторского исследования и вторичной базы, практические рекомендации.

Я.Н. Смирнова — организация полевого этапа исследования социальной активности пожилых мужчин — сотрудников Финансового университета, анализ глубинных интервью посредством открытого кодирования, формирование основных выводов авторского исследования на основе эмпирического массива.

А.Г. Тюриков — разработка методического инструментария глубинного интервью и стратегии качественного исследования.

Authors' declared contributions:

E.V. Voevodina — problem statement, analysis of the theoretical and methodological basis for the study of the social activity of older men, comparative analysis of the results of the author's research and the secondary base, practical recommendations.

Ya.N. Smirnova — organization of the field stage of the study of the social activity of older men—employees of the Financial University, analysis of in-depth interviews through open coding, formation of the main conclusions of the author's research based on an empirical array.

A.G. Tyurikov — development of methodological tools for in-depth interviews and strategies for qualitative research.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.08.2025; принята к публикации 27.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 28.08.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Технологос власти: исследование дискурса об искусственном интеллекте в России

О.А. Яманова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В последние годы наблюдается рост популярности технологий искусственного интеллекта, которые трансформировались из узкоспециализированного инструментария в объект широкой публичной дискуссии. Искусственный интеллект стал предметом публичной риторики не только технологических экспертов, но и представителей политической элиты, что свидетельствует о его превращении в значимый элемент общественно-политического дискурса. В современном российском политическом пространстве наблюдается активное обсуждение вопросов развития технологий искусственного интеллекта, что требует изучения позиций политической элиты. В отечественной науке отсутствуют работы, которые бы системно анализировали высказывания российских политиков о технологиях ИИ через методы дискурс-анализа. Существует значительный пробел в понимании того, как формируется политическое поле технологического развития в области искусственного интеллекта. Актуальность исследования определяется тем, что политические высказывания напрямую влияют на создание законов и программ развития технологий, а также необходимостью понимания скрытых идеологических установок в заявлениях политических деятелей. Исследование направлено на выявление и анализ способов, которыми представители российской политической элиты конструируют политическое поле развития технологий искусственного интеллекта в своих публичных высказываниях. Эмпирическая база включает более 100 высказываний восьми ключевых политических деятелей России в период с 2022 по 2025 год. Применялся комплексный подход, объединяющий критический дискурс-анализ и семантический контент-анализ. Материал собирался методом целенаправленного отбора из официальных сайтов государственных органов, стенограмм выступлений, пресс-конференций и интервью в средствах массовой информации. Выявлены пять основных направлений в обсуждении ИИ: технологический суверенитет, экономическая эффективность, этическое регулирование, образовательная трансформация и эсхатологические опасения. Подтверждена гипотеза о формировании особой российской модели понимания ИИ, которая объединяет технократический, государственный и традиционалистский подходы. Выявлены существенные различия между заявленными установками и реальными действиями в области технологической политики. Наиболее вероятным представляется формирование смешанной модели развития ИИ с доминированием государственно-частного партнерства при сохранении принципов технологической независимости. Прогнозируется усиление государственного контроля в стратегически важных сферах при предоставлении свободы частному сектору в коммерческих проектах. Практическая реализация данной модели будет характеризоваться сосредоточением ИИ-технологий в нескольких крупных компаниях под государственным надзором, постепенным внедрением технологий в образование с сохранением роли учителей, а также развитием международного технологического сотрудничества с дружественными странами.

Ключевые слова: политический дискурс; искусственный интеллект; дискурсивные стратегии; российская политическая элита; технологический суверенитет; дискурс-анализ; государственное регулирование

Для цитирования: Яманова О.А. Технологос власти: исследование дискурса об искусственном интеллекте в России. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(6):90-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-90-102

Technologist of Power: A Study of the Discourse on Artificial Intelligence in Russia

O.A. Yamanova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTARCT

In recent years, there has been an increase in the popularity of artificial intelligence technologies, which have transformed from highly specialized tools into an object of widespread public discussion. Artificial intelligence has become the subject of public rhetoric not only by technology experts, but also by representatives of the political elite, which indicates its transformation into a significant element of socio-political discourse. In the modern Russian political space, there is an active

discussion of the development of artificial intelligence technologies, which requires studying the positions of the political elite. There are no works in Russian science that would systematically analyze the statements of Russian politicians about AI technologies through the methods of discourse analysis. There is a significant gap in understanding how the political field of technological development in the field of artificial intelligence is being formed. The relevance of the research is determined by the fact that political statements directly influence the creation of laws and technology development programs, as well as the need to understand hidden ideological attitudes in the statements of political figures. The research is aimed at identifying and analyzing the ways in which representatives of the Russian political elite construct the political field for the development of artificial intelligence technologies in their public statements. The empirical base includes more than 100 statements by eight key Russian political figures in the period from 2022 to 2025. An integrated approach was applied, combining critical discourse analysis and semantic content analysis. The material was collected by targeted selection from the official websites of government agencies, transcripts of speeches, press conferences and interviews in the media. Five main areas of AI discussion have been identified: technological sovereignty, economic efficiency, ethical regulation, educational transformation, and eschatological concerns. The hypothesis of the formation of a special Russian model of understanding AI, which combines technocratic, state and traditionalist approaches, is confirmed. Significant differences have been identified between the stated installations and actual actions in the field of technology policy. The most likely scenario is the formation of a mixed AI development model with the dominance of public-private partnership while maintaining the principles of technological independence. Increased government control in strategically important areas is projected, while granting freedom to the private sector in commercial projects. The practical implementation of this model will be characterized by the concentration of AI technologies in several large companies under government supervision, the gradual introduction of technology into education while maintaining the role of teachers, as well as the development of international technological cooperation with friendly countries.

Keywords: political discourse; artificial intelligence; discursive strategies; Russian political elite; technological sovereignty; discourse analysis; government regulation

For citation: Yamanova O.A. Technologist of power: A study of the discourse on artificial intelligence in Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):90-102. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-90-102

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблематика развития технологий искусственного интеллекта в современном российском политическом дискурсе представляет собой многоаспектный феномен, требующий комплексного научного осмысления. Тема искусственного интеллекта стремительно ворвалась в общественную жизнь в последние годы. Искусственный интеллект уже давно не остается в тени различных областей жизни, и политика не стала исключением. Технологии искусственного интеллекта становятся доступнее обычным пользователям, вызывая интерес своей инновационностью и новым форматом. Сегодня для многих людей больше нет необходимости искать информацию на специализированных сайтах, анализировать ее, читать несколько источников — все это способны за человека сделать нейронные сети, находящиеся в общественном доступе. Так, в феврале 2023 г. количество пользователей генеративной нейронной сети ChatGPT во всем мире достигло 100 млн человек. В ноябре 2024 г. более 200 млн насчитывало число активных пользователей ChatGPT в неделю — вдвое больше, чем в ноябре 2023 г., а в декабре 2024 г. число пользователей ChatGPT увеличилось до 300 млн чел. в неделю, что подтверждает популяризацию нейросетей. Если говорить о российских нейросетях, то за 2023 г. нейросетью GigaChat воспользовалось более 90 млн человек¹.

¹ URL: <https://www.eastrussia.ru/news/gigachat-sbera-za-god-vospolzovalis-bolee-90-mln-chelovek-/?ysclid=mholgyuvns250665762>

По данным ВЦИОМ, среди молодого поколения (1992 г. и младше) 86% применяли ИИ в течение последнего года². Нейросети становятся не просто инструментом, а персональным помощником человека, что активно пропагандируется в публичном поле. Так, например, Г. Греф, возглавляющий Сбер, — один из основных разработчиков систем ИИ в России, отмечал, что через 2–3 года ИИ станет незаменимым помощником у всех российский семей³. По данным ВЦИОМ, около 54% респондентов уже воспринимают ИИ как помощника.

Искусственный интеллект воспринимается сегодня не просто как технология прогресса, но как некий «новаторский» элемент в публичной риторике. На тему искусственного интеллекта сегодня высказываются не только лица, определяющие пути его разработки и развития, например, ответственные за соответствующие федеральные проекты, но и главы партий и даже представители Русской православной церкви (РПЦ).

Таким образом, особую значимость приобретает изучение высказываний лиц, обладающих институциональным статусом и символическим капиталом в пространстве политической коммуникации, а также соответствующими полномочи-

² ИИ: ваш новый лучший друг? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug?ysclid=mholilrkma191121791>

³ Каждый человек в ближайшие пять лет получит ИИ-помощника, заявил Греф. URL: <https://ria.ru/20231124/gref-1911666094.html>

ями в сфере технологического развития страны (В.В. Путин, Г.О. Греф, Патриарх Кирилл, А.Ю. Хинштейн, М.И. Шадаев, С.М. Миронов, А.А. Ведяхин, Г.А. Зюганов). Предварительный анализ продемонстрировал, что именно данные акторы согласно новостным ресурсам чаще других высказывались об ИИ в публичном пространстве.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, наблюдается дефицит научных работ, посвященных системному анализу дискурсивных стратегий российской элиты в отношении технологий искусственного интеллекта. Во-вторых, конструирование политического дискурса в данной сфере непосредственно влияет на формирование нормативно-правовой базы, определяющей векторы технологического развития страны. В-третьих, существует настоятельная необходимость в выявлении имплицитных идеологических установок, репрезентируемых в политических высказываниях относительно развития систем искусственного интеллекта.

Актуальность исследования также обусловлена интенсификацией геополитических процессов в сфере технологического суверенитета. Современная международная обстановка характеризуется формированием конкурирующих моделей регулирования искусственного интеллекта: европейской, американской и китайской. В условиях санкционного давления на Россию актуализируется необходимость исследования специфики российского подхода к концептуализации ИИ-технологий как элемента национальной стратегии технологического развития.

Существует также аспект, связанный с социокультурной спецификой российского дискурсивного пространства. В отличие от западных исследований, сосредоточенных преимущественно на экономических и правовых аспектах ИИ, российский контекст демонстрирует уникальное переплетение технократического, государственно-политического и религиозно-этического дискурсов. Данная особенность требует разработки специализированного методологического инструментария для анализа гибридных дискурсивных формаций.

Практическая значимость исследования заключается в политическом целеполагании. Выявление латентных дискурсивных стратегий политических элит позволяет прогнозировать векторы институционального развития в сфере ИИ. Особую важность приобретает анализ механизмов дискурсивной легитимации технологических инноваций в условиях возрастающих общественных

опасений относительно социальных последствий автоматизации. Также отметим, что интеграция критического дискурс-анализа с семантическим контент-анализом в применении к политическому дискурсу о технологических инновациях представляет собой инновационный исследовательский подход, способствующий развитию междисциплинарных методологий.

Цель исследования заключается в выявлении и системном анализе дискурсивных стратегий конструирования политического поля развития технологий искусственного интеллекта в высказываниях представителей российской политической элиты на основе методологии дискурс-анализа.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в российском политическом дискурсе формируется специфическая модель концептуализации и развития искусственного интеллекта, характеризующаяся конвергенцией различных дискурсивных формаций: технократической (ориентированной на экономическую эффективность), государствоцентричной (акцентирующей технологический суверенитет и национальную безопасность) и традиционалистской (фокусирующейся на этических аспектах и культурной идентичности).

Объектом исследования выступает более 100 публичных высказываний представителей российской политической элиты (В.В. Путина, Г.О. Грефа, Патриарха Кирилла, А.Ю. Хинштейна, М.И. Шадаева, С.М. Миронова, А.А. Ведяхина, Г.А. Зюганова), касающиеся развития технологий искусственного интеллекта в период с 2022 по 2025 г. Предметом исследования являются дискурсивные стратегии и практики конструирования политического пространства технологического развития в области ИИ.

Новизна исследования заключается в следующих аспектах:

1. Впервые проведен системный анализ дискурсивных стратегий российской политической элиты в отношении развития искусственного интеллекта с применением методологии критического дискурс-анализа. В отечественной научной литературе отсутствуют комплексные исследования, изучающие политический дискурс об ИИ через призму дискурс-аналитических методов.

2. Впервые выявлена и описана специфическая модель российского подхода к концептуализации искусственного интеллекта, характеризующаяся интеграцией религиозно-этических, государственно-политических и технократических компонентов. Подобная конфигурация дискурсивных

элементов не фиксировалась в исследованиях западных и восточноазиатских моделей ИИ-дискурса.

3. Установлены и систематизированы интердискурсивные связи между различными типами политических акторов в процессе конструирования технологической политики. Выявлены механизмы образования консенсуса между политической, экономической и религиозной элитами по вопросам технологического развития.

4. Разработана матрица позиций политических акторов по ключевым аспектам развития ИИ (роль государства, экономические приоритеты, этические ограничения, образовательная политика), позволяющая провести кластеризацию подходов к технологическому регулированию.

5. Предложена прогностическая модель развития ИИ в России на основе анализа дискурсивных стратегий политических элит, включающая пять основных сценариев институционального развития с конкретными механизмами реализации.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом целенаправленного отбора публичных высказываний в период с января 2022 по февраль 2025 г. В ходе исследования было проанализировано более 100 высказываний восьми ключевых политических акторов, формирующих политическое поле технологического развития в российском дискурсивном пространстве.

Методологический инструментарий исследования базировался на интеграции методов критического дискурс-анализа (в традиции Н. Фэркло) и семантического контент-анализа, что позволило выявить дискурсивные стратегии политических акторов.

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом целенаправленного отбора публичных высказываний в период с января 2022 по декабрь 2024 г. Основными источниками стали официальные сайты государственных органов, стенограммы пресс-конференций, выступлений на форумах, интервью в СМИ и публичные заявления на официальных мероприятиях.

Критериями отбора высказываний служили: прямое упоминание искусственного интеллекта или связанных технологий; публичный характер заявления; официальный статус источника информации; тематическая релевантность для анализа государственной политики в сфере ИИ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретико-методологические основания дискурс-анализа в политической сфере представлены в фундаментальных работах Т. ван Дейка [1], М. Фуко [2]. Концептуализация дискурса как социальной практики, сопряженной с отношениями власти, обнаруживается в исследованиях критического дискурс-анализа. В российской научной традиции методологическое осмысление политического дискурса осуществляется в работах Е.И. Шейгал [3], анализирующей семиотические аспекты политической коммуникации.

Проблематика политического дискурса в контексте современных коммуникативных стратегий рассматривается в исследованиях Н.Н. Васильковой [4], М.В. Гавриловой [5]. Когнитивные аспекты политического дискурса анализируются в работах Д.В. Шапочкина [6]. Вопросы креолизованного политического текста исследуются М.Б. Ворошиловой [7]. Проблемы политической корректности в современном политическом дискурсе рассматриваются М.С. Головиным [8].

Вопросы применения искусственного интеллекта в политической сфере анализируются в работах С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко [9], Д.Н. Лапаева, Г.А. Морозовой [10]. Концептуализация политических процессов в эпоху больших данных и искусственного интеллекта представлена в исследованиях А.Ю. Долгова [11].

Однако существенный пробел в научном знании составляет отсутствие комплексных исследований, интегрирующих методологию дискурс-анализа и проблематику политического конструирования технологического развития в области ИИ. Недостаточно изученными остаются дискурсивные практики легитимации и оспаривания технологических инноваций в политическом пространстве современной России [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМАЦИИ

1. Дискурс технологического суверенитета

Доминирующей дискурсивной формацией в высказываниях представителей политической элиты России является артикуляция необходимости обеспечения технологического суверенитета в сфере искусственного интеллекта. Данный дискурс наиболее ярко представлен в высказываниях Президента РФ В.В. Путина, что подтверждается следующими дискурсивными маркерами:

- «От того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны»;

- «...технологии искусственного интеллекта (ИИ) открывают новые возможности в целом ряде областей. Ограничения со стороны Запада, наложенные на Россию, в свою очередь, подталкивают ее к развитию ИИ»;

- «...нельзя работу в области применения искусственного интеллекта в образовании поручать «на откуп» крупным частным компаниям».

Корреляция с данной дискурсивной формацией прослеживается также в высказываниях Патриарха Кирилла: «России необходим собственный, “суверенный” ИИ», что свидетельствует о консенсусе между политическим и религиозным дискурсами в вопросе технологического суверенитета.

Стратегия важности технологического суверенитета конструируется через обращение к категориям национальной безопасности, геополитического соперничества и сохранения культурной идентичности. М.И. Шадаев провозглашает данную позицию в контексте правового регулирования: «Подходы России к регулированию искусственного интеллекта близки к позиции Китая, где считают, что все данные принадлежат государству».

2. Дискурс экономической эффективности

Второй доминирующей дискурсивной формацией является представление искусственного интеллекта как инструмента экономического развития и повышения эффективности. Данный дискурс наиболее ярко отражается в высказываниях Председателя Правления ПАО Сбербанк Г.О. Грефа и А.А. Ведяхина, первого заместителя Председателя Правления ПАО Сбербанк. Именно данные представители российских коммерческих структур наиболее часто высказываются об искусственном интеллекте:

- «Искусственный интеллект станет драйвером развития всех остальных технологий» (Г.О. Греф);
- «К 2030 году вклад искусственного интеллекта в ВВП России может составить от 4% до 6%» (Г.О. Греф);
- «По нашим подсчетам за 2023 год триллион рублей дополнительного ВВП дал искусственный интеллект» (А.А. Ведяхин).

Экономический дискурс конструируется через лексические единицы из семантического поля эффективности: «драйвер развития», «дополнительный ВВП», «отдача от инвестиций», «монетизация». Примечательна дискурсивная стратегия подсчета экономических эффектов: «В 2023 году каждый рубль, инвестированный в искусственный интеллект, приносил примерно 7 рублей, а сейчас — 8 рублей» (Г.О. Греф).

Взаимная риторика экономического и технологического дискурсов проявляется в конструировании нарратива о неизбежности технологических изменений как экономической необходимости: «И мы сейчас видим, что 72% организаций это сделали. Думаю, что в 2025 году это будет уже 90% плюс, а те, которые не внедрили, просто уйдут с рынка» (А.А. Ведяхин).

3. Дискурс этического и правового регулирования

Особое место в дискурсивном пространстве занимает проблематика этического и правового регулирования искусственного интеллекта. Данная формация наиболее выражена в высказываниях А.Е. Хинштейна, Патриарха Кирилла и С.М. Миронова:

- «Законодательно нам надо эти вещи закреплять... очевидно, что нужен закон, который даст правовое регулирование вообще сферы ИИ» (А.Е. Хинштейн);

- «Искусственный интеллект тоже должен существовать в определенных границах, он не может просто саморазвиваться без контроля со стороны человека» (А.Е. Хинштейн);

- «Отвергать достижения науки и возможности ИИ нельзя, но необходимо поставить такие технологии под «жесткий контроль» общества и государства России» (Патриарх Кирилл).

Дискурсивная стратегия конструирования угрозы используется для легитимации необходимости регулирования. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал депутатов Госдумы подумать над ограничением возможностей инструментов искусственного интеллекта, который, по его мнению, «опаснее, чем ядерная энергия».

Интересно отметить амбивалентность в подходах к регулированию: с одной стороны, артикулируется необходимость «жесткого контроля» (Патриарх Кирилл); с другой — предлагается концепция «мягкого регулирования»: «Считаю, что нам необходимо регулирование искусственного интеллекта, но регулирование мягкое с точки зрения определения этого явления и с точки зрения его последующего развития» (А.Е. Хинштейн).

4. Дискурс образовательной трансформации

Отдельное направление составляет представление технологий искусственного интеллекта в контексте трансформации образовательной системы. Здесь наблюдаются два противоположных полюса:

1. Оптимистический дискурс технологической модернизации: «Если на предыдущем этапе бла-

годаря COVID искусственный интеллект пришел в здравоохранение, то следующие 5–6 лет, мы считаем, что будет глобальная перестройка системы образования, то есть искусственный интеллект сможет помогать выстраивать индивидуальную траекторию для каждого ребенка» (М. И. Шадаев).

2. Критический дискурс оптимизации и дегуманизации: «Стратегия цифровой трансформации образования на деле может обернуться очередной волной оптимизации школ и дальнейшим внедрением дистанта»; «Искусственный интеллект может увидеть ошибки, но понять причину этих ошибок, чтобы выстроить дальнейшую работу с учеником, может только учитель... не исключаю, что под предлогом внедрения искусственного интеллекта наши чиновники от образования устроят педагогам очередное сокращение штатов и зарплат» (С. М. Миронов).

В этом контексте В. В. Путин занимает уравновешенную позицию: «искусственный интеллект не должен заменять учителей, он должен их дополнять», что указывает на стремление к балансированию дискурса технологической модернизации и сохранения гуманистических ценностей в образовании.

5. Эсхатологический дискурс

Уникальной особенностью российского политического дискурса об искусственном интеллекте является наличие эсхатологического измерения, репрезентируемого преимущественно в высказываниях Патриарха Кирилла и Г. А. Зюганова. Рассуждая об опасности ИИ, Патриарх Кирилл напомнил депутатам, что, «согласно Библии, в конце человеческой истории придет антихрист, который обретет силу только при поддержке общества», «и еще не известно, какой может быть роль искусственного интеллекта в приближении этой апокалиптической картины»;

Г. А. Зюганов отметил, что «если инструменты ИИ попадут в пользование «бездарных людей», то последствия такого применения могут быть «хуже гитлеровского концлагеря».

Эсхатологический дискурс конструируется через использование религиозных концептов («антихрист», «апокалиптическая картина») и исторических аналогий с катастрофическим опытом прошлого («гитлеровский концлагерь»). Данная дискурсивная формация выполняет функцию легитимации необходимости этического и правового регулирования через конструирование образа потенциальной угрозы экзистенциального характера.

6. Интердискурсивные связи

Анализ высказываний представителей российской политической элиты позволяет выявить следующие интердискурсивные связи:

Взаимодействие государственного и экономического дискурсов проявляется в интеграции нарратива о технологическом суверенитете (В. В. Путин) и экономической эффективности (Г. О. Греф, А. А. Ведяхин). Это свидетельствует о формировании консенсуса между политической и экономической элитами относительно стратегических приоритетов технологического развития.

Переплетение религиозного и политического дискурсов обнаруживается в синхронизации позиций о необходимости регулирования и контроля (Патриарх Кирилл и А. Е. Хинштейн), что указывает на консолидацию традиционалистской повестки в вопросах технологического развития.

Противопоставление между дискурсами оптимизации и гуманизации проявляется в противопоставлении экономически ориентированного подхода к внедрению ИИ в образовании (М. И. Шадаев) и гуманистического подхода, ориентированного на сохранение человеческого фактора (С. М. Миронов, В. В. Путин).

Общность дискурсов суверенитета и безопасности прослеживается в высказываниях В. В. Путина и Патриарха Кирилла, что свидетельствует о формировании единого нарратива о технологическом суверенитете как факторе национальной безопасности.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Анализ лексических средств показывает использование различных риторических стратегий для конструирования отношения к ИИ.

Милитаристская риторика присутствует в высказываниях о технологическом суверенитете: «место России в мире», «суверенитет», «безопасность». Данная метафорика конструирует образ технологического противостояния и необходимости «обороны» в цифровой сфере.

Экономическая риторика доминирует в высказываниях представителей бизнеса: «драйвер развития», «дополнительный ВВП», «отдача от инвестиций», «монетизация». Использование точных цифровых показателей («4% до 6% ВВП», «каждый рубль приносил 7–8 рублей») служит стратегией рационализации и легитимации через числовые конструкции.

Религиозно-эсхатологическая риторика характерна для традиционалистского дискурса:

«антихрист», «апокалиптическая картина», «опаснее ядерной энергии». Эта лексика конструирует образ экзистенциальной угрозы и необходимости духовного осмысления технологических изменений.

Модальность высказываний также различается: от категоричных утверждений («должен существовать в определенных границах») до осторожных прогнозов («может составить», «вероятно»). Высокая степень модальности характерна для высказываний о регулировании, низкая — для экономических прогнозов.

В рамках исследования был также проведен семантический контент-анализ (табл. 1).

Так, В.В. Путин демонстрирует общегосударственный подход к проблематике ИИ. Доминирование лексических единиц «сфера», «развитие», «применение» указывает на восприятие ИИ как инструмента национального развития. Высокая частотность упоминания «России» свидетельствует о позиционировании страны как субъекта технологической конкуренции. Целевая установка — обеспечение технологического суверенитета.

Г.О. Греф представляет бизнес-ориентированный дискурс с выраженным техническим компонентом. Преобладание терминов «технология», «модель», «генеративный» отражает прагматический под-

ход к коммерциализации ИИ-решений. Акцент на «проникновении» технологий демонстрирует стратегию активной интеграции ИИ в бизнес-процессы. А.А. Ведяхин формулирует международно-экономический взгляд на ИИ. Акцент на «стране», «зарубежном», «рынке» отражает стратегию встраивания российских ИИ-технологий в глобальные экономические процессы при условии работы с «дружественными странами».

М.И. Шадаев, как министр цифрового развития, фокусируется на операционных аспектах цифровой трансформации. Ключевые понятия «технология», «использование», «внедрение» указывают на административно-исполнительную роль в процессах технологического обновления государственного аппарата.

А.Е. Хинштейн, будучи депутатом Госдумы, представляет законодательную повестку, что проявляется в доминировании терминов «регулирование» и «правовой». Данная позиция отражает необходимость формирования нормативной базы для технологического развития и минимизации рисков.

Патриарх Кирилл представляет этико-философскую рефлексию относительно ИИ. Акцент на «возможностях», «инструменте» и «обществе» демонстрирует осторожно-взвешенную оценку социальных последствий технологической революции.

Таблица 1 / Table 1

Семантическое ядро высказываний российской политической элиты об искусственном интеллекте / The semantic core of statements by the russian political elite on artificial intelligence

Актор / Actor	Доминирующие лексические единицы / Dominant lexical units
В.В. Путин	сфера (6), развитие (5), Россия (5), все (4), применение (4), новое (3), область (3), возможность (2), гражданин (2)
Г.О. Греф	технология (11), модель (8), генеративный (6), все (5), проникновение (5), генеративными моделями (4), много (4), несколько (4), оно (4), быстрое проникновение (3), быстрый (3)
Патриарх Кирилл	патриарх (3), возможность (2), инструмент (2), интеллект (2), искусственного интеллекта (2), искусственный (2), общество (2), Россия (2)
А.Е. Хинштейн	регулирование (5), сегодня (4), зрение (3), компьютер (3), много (3), оно (3), правовой (3)
М.И. Шадаев	технология (7), использование (4), близкий (3), внедрение (3), отметить (3), развитие (3), сервис (3), создать (3)
С.М. Миронов	образование (4), российский (4), россия (4), флаг (4), может (3), партия (3)
А.А. Ведяхин	страна (4), зарубежный (3), помогать (3), рынок (3), бизнес (2), дружественных стран (2)
Г.А. Зюганов	смочь (2), бездарный (1), гитлеровский (1), депутат (1), заменить (1), концлагерь (1), народный (1)

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Целевая установка — сохранение традиционных ценностных ориентиров.

С.М. Миронов связывает ИИ-тематику с национально-образовательными приоритетами. Частотность упоминания «образования» и «российского» указывает на стремление интегрировать ИИ в систему подготовки кадров с сохранением национальной идентичности.

Г.А. Зюганов демонстрирует скептическое отношение к ИИ-инициативам. Использование эмоционально окрашенных терминов типа «бездарный», «гитлеровский» свидетельствует о восприятии ИИ через призму идеологического противостояния и критики власти.

ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ ИИ В РОССИИ НА ОСНОВЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПОЛИТИКОВ

Анализируя высказывания представителей российской политической элиты, можно предположить несколько возможных сценариев развития ИИ в России (табл. 2).

Также автором было проведено сравнение позиций политических акторов по основным аспектам, которые затрагивались политической элитой при высказываниях об ИИ (табл. 3).

Анализ данной матрицы позволяет выделить три основных кластера позиций. Технократический кластер (Г.О. Греф, А.А. Ведяхин, частично М.И. Шадаев) характеризуется акцентом на экономической эффективности и минимизации регулятивных ограничений. Государственно-регулятивный кластер (В.В. Путин, А.Е. Хинштейн, М.И. Шадаев) фокусируется на балансе инноваций и государственного контроля. Консервативно-этический кластер (Патриарх Кирилл, Г.А. Зюганов, С.М. Миронов) подчеркивает необходимость строгого контроля и сохранения традиционных ценностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ высказываний представителей российской политической элиты показал формирование пяти основных направлений в обсуждении ИИ: технологический суверенитет, экономическая эффективность, этическое регулирование, образовательная трансформация и эсхатологические опасения. Каждое направление имеет своих основных представителей и специфические языковые особенности.

Уже сегодня мы видим примеры широкого государственно-частного пространства в области разработки и продвижения российских систем искусственного интеллекта. Так, например, при разработке и реализации Федерального проекта

«Искусственный интеллект» учитывалось также частное финансирование — проект был на 64% профинансирован ПАО Сбербанк.

Более того, нейросеть, разработанная ПАО Сбербанк — GigaChat, была применена для анализа присылаемых для прямой линии Президента вопросов от граждан, что демонстрирует общие усилия по продвижению национальных нейросетевых моделей.

Подтвердилась гипотеза о том, что российский политический дискурс об ИИ объединяет три разных подхода: технократический (Г.О. Греф, А.А. Ведяхин), государственный (В.В. Путин, М.И. Шадаев, А.Е. Хинштейн) и традиционалистский (Патриарх Кирилл, Г.А. Зюганов, С.М. Миронов). Эти подходы не противоречат друг другу, а дополняют единую картину развития технологий в России. Выявленные дискурсивные стратегии демонстрируют следующие векторы институционального развития ИИ в России: усиление государственного регулирования, формирование технологического суверенитета, создание специализированной нормативно-правовой базы и интеграцию ИИ в образовательные практики при сохранении антропоцентричного подхода.

Сравнительный анализ российского дискурса с международными тенденциями демонстрирует формирование альтернативной модели концептуализации ИИ-технологий, характеризующейся более выраженной ролью государственного регулирования и этических ограничений по сравнению с либерально-рыночными подходами западных стран. Данная особенность указывает на потенциал России в формировании самостоятельного центра технологического развития с собственной нормативной парадигмой.

Однако анализ материалов показывает серьезные расхождения между тем, что говорят политики о развитии ИИ, и тем, что происходит на практике в области регулирования и развития этих технологий.

Заявления В.В. Путина о необходимости «суверенного ИИ» и «суверенитета персональных данных» не соответствуют реальной зависимости от зарубежных технологий. Хотя президент говорит о важности собственных разработок, федеральный проект «Искусственный интеллект» на 64% финансируется Сбербанком, а не государством. Это показывает, что государственные программы фактически зависят от частных компаний. Заявления о том, что Россия станет альтернативным центром развития ИИ-технологий, не подкрепляются созданием полноценных технологических систем

Прогнозы развития искусственного интеллекта в Российской Федерации /
Forecasts for the development of artificial intelligence in the Russian Federation

Прогностический сценарий / Predictive scenario	Институциональные механизмы реализации / Institutional implementation mechanisms
Государственный контроль над развитием ИИ	Учитывая высказывания В.В. Путина, Патриарха Кирилла и М.И. Шадаева о важности суверенитета и контроля, вероятно: • усиление государственного надзора за развитием ИИ через законы, лицензии и сертификаты; • приоритетное развитие российских технологий ИИ для обеспечения независимости от западных разработок; • активное внедрение ИИ в государственное управление и получение государственных услуг; • создание особой правовой базы, отражающей российский подход к регулированию; • обработка и хранение данных преимущественно на территории России
Государственно-частное партнерство в сфере ИИ	Высказывания Г.О. Грефа, А.А. Ведяхина и их связь с позицией государственных деятелей указывают на вероятность: • развития государственно-частного партнерства в сфере ИИ с участием крупных российских компаний; • создания экосистемы технологических решений, объединяющих государственные и корпоративные сервисы; • объединения ресурсов для создания крупных национальных моделей ИИ, способных конкурировать с мировыми лидерами; • постепенного увеличения доли ИИ в ВВП до 4–6% к 2030 г. (прогноз Г.О. Грефа)
Дифференцированные подходы к отраслевому регулированию	Наличие высказываний о «мягком регулировании» (А.Е. Хинштейн) и «жестком контроле» (Патриарх Кирилл) позволяет предположить: • более строгие правила в сферах, связанных с безопасностью страны, ключевой инфраструктурой, образованием и информацией; • более свободное регулирование в экономике, где ИИ повышает конкурентоспособность; • создание отраслевых стандартов и этических правил применения ИИ с учетом особенностей каждой сферы; • формирование многоуровневой системы регулирования с разделением полномочий между федеральными и региональными властями
Трансформация образовательной системы	Анализируя высказывания В.В. Путина, М.И. Шадаева и С.М. Миронова об образовании, можно ожидать: • внедрение ИИ в учебный процесс при сохранении важной роли учителей; • создание индивидуальных образовательных путей на основе анализа данных об учениках; • напряженность между стремлением к оптимизации образования и желанием сохранить человеческий подход; • постепенное изменение учебных программ с учетом новых навыков, связанных с развитием ИИ
Геополитическая инструментализация ИИ	Высказывания, подчеркивающие геополитическое значение ИИ (В.В. Путин, Патриарх Кирилл), позволяют предположить: • усиление технологического сотрудничества с «дружественными странами» в противовес западным технологиям; • развитие собственных платформенных решений для обеспечения технологической независимости; • интеграцию ИИ в системы обеспечения национальной безопасности и обороны; • позиционирование России как альтернативного центра технологического развития с собственным подходом к регулированию ИИ

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

**Позиции политических акторов по ключевым аспектам развития ИИ /
Positions of political actors on key aspects of AI development**

Актор / Actor	Роль государства / Role of the State	Экономические приоритеты / Economic priorities	Этические ограничения / Ethical constraints	Образовательная политика / Educational Policy
В.В. Путин	Координирующая, обеспечение суверенитета	Важность, но не доминирование	Умеренные, сохранение человеческого фактора	Дополнение, не замещение учителей
Г.О. Греф	Партнерская с бизнесом	Первостепенные, драйвер развития	Минимальные, рыночное регулирование	Трансформация под потребности экономики
Патриарх Кирилл	Жесткий контроль	Вторичные	Максимальные, религиозно-этические	Осторожное внедрение
А.Е. Хинштейн	Правовое регулирование	Сбалансированные	Умеренные через законодательство	Необходимость правовых рамок
М.И. Шадаев	Цифровая трансформация	Высокие, цифровая экономика	Технические стандарты	Системная перестройка
С.М. Миронов	Социальная защита	Осторожные	Высокие, защита трудящихся	Сохранение традиционных форм
А.А. Ведяхин	Государственно- частное партнерство	Максимальные	Прагматические	Адаптация к новым технологиям
Г.А. Зюганов	Государственный контроль	Критические	Максимальные	Критическое отношение к инновациям

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

из-за санкций на импорт важных компонентов и программ.

Акторы одновременно говорят о «мягком регулировании» (А.Е. Хинштейн) и «жестком контроле» (Патриарх Кирилл). Заявления о сбалансированном правовом регулировании противоречат усилению административного контроля над цифровыми платформами и ограничениям доступа к международным ИИ-сервисам.

Обещания «мягкого регулирования для развития» не соответствуют созданию централизованных систем контроля и требованиям размещать ИИ-сервисы только на территории России.

Заявление В.В. Путина о том, что «ИИ должен дополнять учителей, а не заменять их», противоречит практическим планам цифровой трансформации образования. М.И. Шадаев говорит о «глобальной перестройке системы образования» и создании «индивидуальных траекторий для каждого ребенка»,

что на деле может привести к сокращению роли учителей. С.М. Миронов указывает на эту проблему, предупреждая о риске «сокращения штатов и зарплат» под видом внедрения ИИ. Обещанный гуманистический подход к образованию противоречит экономической логике экономии на педагогических кадрах.

Экономический подход Г.О. Грефа и А.А. Ведяхина, направленный на получение максимальной прибыли («каждый рубль приносит 7–8 рублей»), преобладает над этическими соображениями при принятии решений. Заявленные этические принципы не превращаются в конкретные ограничения на коммерческое использование ИИ в социально важных сферах.

Обещанная модель партнерства государства и частного бизнеса фактически превращается в доминирование крупных корпораций в определении путей развития технологий. Использование ней-

росети GigaChat для анализа вопросов граждан во время прямой линии Президента показывает внедрение частных технологий в государственные процессы без создания собственных государственных платформ.

Заявления о разнообразии технологических решений противоречат концентрации ИИ-разработок в нескольких крупных компаниях (Сбер, Яндекс), что создает риски монополизации важных технологий. Позиционирование России как центра альтернативной модели развития ИИ не соответствует фактическому копированию западных технологических стандартов и решений в российских разработках. Выявленные противоречия показывают существенный разрыв между тем, как политики говорят об ИИ-политике, и тем, как она реально осуществляется.

Таким образом, эмпирические данные исследования показывают формирование в российском политическом дискурсе особой модели понимания искусственного интеллекта, которая одновременно учитывает экономическую целесообразность, государственную безопасность и традиционные ценностные установки. Данная конфигурация представляет собой уникальное явление в контексте международных дискурсивных практик технологического регулирования.

Выявленные различия между заявленными установками и практическими действиями показывают наличие системных противоречий в процессах формирования технологической политики. Обнаруженные несоответствия между дискурсивным конструированием и механизмами реализации указывают на необходимость пересмотра стратегических приоритетов в сфере искусственного интеллекта.

Прогностический потенциал исследования реализуется через определение ключевых направлений институционального развития: усиление государственного регулирования, развитие различных отраслевых подходов к нормативному регулированию, трансформацию образовательных практик и геополитическое использование ИИ-технологий.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного исследования **наиболее вероятным** представляется сценарий формирования гибридной модели развития искусственного интеллекта, характеризующейся доминированием государственно-частного партнерства при сохране-

нии декларативных принципов технологического суверенитета. Учитывая центральную роль позиции В.В. Путина в формировании приоритетов, прогнозируется усиление регулятивных механизмов в стратегически важных сферах при одновременном предоставлении относительной автономии частному сектору в коммерческих разработках. Противоречия между заявленными установками и практическими действиями указывают на вероятность компромиссного подхода, при котором государственный контроль будет осуществляться преимущественно через административные инструменты и требования локализации данных.

Практическая реализация данной модели предположительно будет характеризоваться концентрацией ИИ-технологий в ограниченном числе крупных корпораций под государственным надзором, постепенным внедрением технологий в образовательную систему с сохранением формальной роли педагогических кадров, а также развитием альтернативных международных технологических партнерств. Выявленные системные противоречия между дискурсивным конструированием и механизмами реализации свидетельствуют о том, что окончательная институциональная модель будет формироваться через процессы практической адаптации декларируемых принципов к реальным экономическим и технологическим ограничениям.

Сравнительный анализ российской дискурсивной модели с западными и восточноазиатскими подходами выявляет специфические характеристики отечественной парадигмы: преобладание государственных приоритетов над рыночными механизмами, включение религиозно-этических компонентов в технологический дискурс, акцент на геополитических аспектах технологического развития.

Ограничения настоящего исследования обусловлены временными рамками анализируемого материала (2022–2024 гг.) и фокусом на федеральном уровне политической коммуникации. Расширение эмпирической базы путем включения региональных дискурсивных практик и продление исследовательской перспективы позволят проверить полученные результаты и уточнить выявленные закономерности.

Перспективы дальнейших исследований включают разработку сравнительной типологии национальных моделей дискурсивного конструирования технологических инноваций, анализ изменения дискурсивных стратегий во времени, исследование

механизмов передачи политических дискурсов в массовое сознание через медиальные практики.

Практическое значение результатов исследования определяется возможностью их применения в процессах стратегического планирования технологического развития, разработке коммуникативных стратегий для политических деятелей, форми-

ровании программ общественного просвещения в сфере искусственного интеллекта. Выявленные дискурсивные модели могут служить основанием для корректировки государственной политики с целью устранения выявленных различий между заявленными установками и институциональными практиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2013. 344 с.
2. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга; 2004. 416 с.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис; 2004. 326 с.
4. Василькова Н.Н. Политический дискурс: коммуникативные стратегии регулирования. *Дискурс-Пи*. 2018;32(3):38–43. DOI: 10.17506/dipi.2018.32.3.3843
5. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. *Полис. Политические исследования*. 2004;(3):127–139. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13
6. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. Монография. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета; 2018. 292 с.
7. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; 2013. 194 с. URL: <https://www.elibrary.ru/qirmsx>
8. Головин М.С. Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023;25(1):204–217. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217
9. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ. *Дискурс-Пи*. 2024;21(2):24–48. DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24
10. Лапаев Д.Н., Морозова Г.А. Искусственный интеллект: за и против. *Развитие и безопасность*. 2020;(3):70–77. DOI: 10.46960/2713-2633_2020_3_70
11. Долгов А.Ю. Дивный новый цифровой мир: политика в эпоху больших данных и искусственного интеллекта (Рецензия). *Политическая наука*. 2023;(4):274–283. DOI: 10.31249/poln/2023.04.11
12. Abuelwafa M.A. Legitimation and manipulation in political speeches: A corpus based study. *Procedia Computer Science*. 2021;189:11–18. DOI: 10.1016/j.procs.2021.05.066

REFERENCES

1. Van Dijk T. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Translated from English. Moscow: LIBROCOM Book House; 2013. 344 p. (In Russ.).
2. Foucault M. Archeology of knowledge. Transl. from French by M. B. Rakova, A. Y. Serebryannikova. St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy"; University Book; 2004. 416 p. (In Russ.).
3. Sheigal E. I. Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis; 2004. 326 p. (In Russ.).
4. Vasilkova N. N. Political discourse: Communicative strategies of regulation. *Discourse-Pi*. 2018;32(3):38–43. (In Russ.). DOI: 10.17506/date.2018.32.3.3843
5. Gavrilova M. V. Political discourse as an object of linguistic analysis. *The policy. Political research*. 2004;(3):127–139. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13
6. Shapochkin D. V. Political discourse: A cognitive aspect. Monograph. 2nd ed., revised and add. Tyumen: Tyumen State University Press; 2018. 292 p. (In Russ.).
7. Voroshilova M. B. Political creolized text: The keys to reading. Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2013. 194 p. URL: <https://www.elibrary.ru/qirmsx> (In Russ.).
8. Golovin M. S. The idea of political correctness in the political discourse of modern Britain. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2023;25(1):204–217. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217

9. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. The risks of using artificial intelligence algorithms in the socio-political sphere: A review of modern scientific papers. *Discourse-Pi*. 2024;21(2):24–48. (In Russ.). DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24
10. Lapaev D. N., Morozova G. A. Artificial intelligence: Pros and cons. *Development and security*. 2020;(3):70–77. (In Russ.). DOI: 10.46960/2713–2633_2020_3_70
11. Dolgov A. Y. Brave new digital world: Politics in the era of big data and artificial intelligence (Review). *Political science*. 2023;(4):274–283. (In Russ.). DOI: 10.31249/complete/2023.04.11
12. Abuelvafa M. A. Legitimation and manipulation in political speeches: A study based on corpus material. *Procedia Computer Science*. 2021;189:11–18. DOI: 10.1016/j.procs.2021.05.066

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Александровна Яманова — аспирант, стажер-исследователь Центра политических исследований, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga A. Yamanova — PhD Student, Intern Researcher at the Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-1857-5499>

249791@edu.fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.09.2025; принята к публикации 15.10.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.09.2025; accepted for publication on 15.10.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-103-111
УДК 323.174(045)

Влияние региональных элит на оптимизацию внутрирегионального пространства в федеративном государстве

А.А. Никлаус

Московский психолого-социальный университет, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных моделей управления пространственным развитием в федеративных государствах, где ключевым вызовом является балансирование интересов центра и регионов. Несмотря на обширный массив научных работ, посвященных различным аспектам федерализма, вопрос о влиянии региональных элит на процессы пространственной оптимизации в быстро меняющихся политико-экономических условиях остается недостаточно раскрытым. Целью статьи является выявление ключевых факторов, механизмов и моделей влияния региональных элит на политику пространственного развития федеративного государства. В исследовании применяется комплекс методов: историко-генетический анализ для выявления эволюции роли элит, институциональный подход для изучения формальных и неформальных практик их взаимодействия с центром, а также сравнительный анализ для сопоставления кейсов из практики РФ, США, Германии, Канады, Бразилии и Нигерии. Эмпирическую базу исследования составили источники, включая нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, статистические данные, аналитические отчеты государственных и негосударственных организаций, а также материалы научных конференций и публикаций в специализированных изданиях. В результате проведенного исследования выявлено, что региональные элиты оказывают двойственное воздействие на пространственное развитие федеративных государств. С одной стороны, они могут выступать в качестве драйверов инноваций, инициаторов перспективных проектов и «точек роста», способствуя повышению конкурентоспособности регионов и улучшению качества жизни населения. С другой стороны, региональные элиты зачастую становятся источником консерватизма, препятствуя проведению необходимых реформ и поддерживая устаревшие модели хозяйствования. Кроме того, столкновение интересов различных региональных элит может приводить к возникновению конфликтов, затрудняющих реализацию общенациональных целей и задач. Ключевыми факторами, определяющими эффективность влияния региональных элит на пространственное развитие, являются механизмы их интеграции в систему принятия решений (включая партийные и консультативные), система стимулов для региональных лидеров, направленная на поощрение инновационной деятельности и привлечение инвестиций, а также степень циркуляции элит между центром и регионами, обеспечивающая обмен опытом и распространение передовых практик управления. Научная новизна работы заключается в комплексном междисциплинарном анализе роли региональных элит через призму трех методологических подходов. Результаты исследования могут быть использованы федеральными и региональными органами власти для совершенствования механизмов взаимодействия, а также учеными и экспертами в области федерализма и региональной политики.

Ключевые слова: федерализм; региональные элиты; пространственное развитие; оптимизация; внутрирегиональное пространство; сравнительный анализ; государственное управление

Для цитирования: Никлаус А.А. Влияние региональных элит на оптимизацию внутрирегионального пространства в федеративном государстве. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):103-111. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-103-111

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

The Influence of Regional Elites on the Optimization of Intraregional Space in a Federal State

A.A. Niklaus

Moscow University of Psychology and Social Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of this study stems from the need to find effective models for managing spatial development in federal states, where balancing the interests of the center and the regions is a key challenge. Despite the extensive body of

research devoted to various aspects of federalism, the influence of regional elites on spatial optimization processes in rapidly changing political and economic conditions remains underexplored. This article aims to identify the key factors, mechanisms, and models of regional elite influence on spatial development policy in a federal state. The study utilizes a combination of methods: historical and genetic analysis to identify the evolution of the role of elites, an institutional approach to studying the formal and informal practices of their interaction with the center, and a comparative analysis to compare case studies from the Russian Federation, the United States, Germany, Canada, Brazil, and Nigeria. The empirical basis of the study is comprised of sources including federal and regional regulatory acts, statistical data, analytical reports from governmental and non-governmental organizations, as well as materials from scientific conferences and publications in specialized journals. The study revealed that regional elites exert a dual influence on the spatial development of federal states. On the one hand, they can act as drivers of innovation, initiators of promising projects, and "growth points" contributing to increased regional competitiveness and improved quality of life. On the other hand, regional elites often become a source of conservatism, hindering necessary reforms and supporting outdated economic models. Furthermore, the clash of interests between various regional elites can lead to conflicts that hinder the implementation of national goals and objectives. Key factors determining the effectiveness of regional elites' influence on spatial development include the mechanisms for their integration into decision-making systems (including party and advisory ones), the incentive system for regional leaders aimed at encouraging innovation and attracting investment, and the degree of elite circulation between the center and the regions, which ensures the exchange of experience and the dissemination of best management practices. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive interdisciplinary analysis of the role of regional elites through the prism of three methodological approaches. The results of the study can be used by federal and regional authorities to improve interaction mechanisms, as well as by scholars and experts in the field of federalism and regional policy.

Keywords: federalism; regional elites; spatial development; optimization; intraregional space; comparative analysis; public administration

For citation: Niklaus A.A. The influence of regional elites on the optimization of intraregional space in a federal state. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):103-111. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-103-111

ВВЕДЕНИЕ

Пространственное развитие федеративного государства представляет собой сложный, многоаспектный процесс, неразрывно связанный с необходимостью постоянного согласования зачастую разнонаправленных, а порой и противоречивых интересов федерального центра, стремящегося к унификации и контролю, и субъектов федерации, отстаивающих свою автономию и стремящихся к максимальной самостоятельности в принятии решений. В этом сложном политико-экономическом ландшафте региональные политические элиты, включающие в себя губернаторов, глав законодательных собраний, влиятельных представителей местного бизнеса и других ключевых акторов, играют определяющую роль. Их стратегические решения, политические позиции и усилия могут существенно и кардинально ускорять или, напротив, тормозить процессы оптимизации внутрирегионального пространства. Оптимизация же, в свою очередь, предполагает сбалансированное развитие экономики, социальной сферы и инфраструктуры на территории региона, а также эффективное использование имеющихся ресурсов и потенциала. Как справедливо отмечает О.В. Бахлова, признавая важность региональных элит, их призвание заключается в создании и поддержании устойчивой системы, обеспечивающей гармоничное соединение частного группового интереса с общегосударственным, национальным

интересом. Такая система предполагает не только учет региональных потребностей при формировании общенациональной политики, но и активное участие региональных элит в ее реализации на местах, с учетом специфики и особенностей каждого конкретного региона: «призвание (региональных элит) в государстве заключается в активном участии в создании системы соединения частного группового (регионального) интереса с общегосударственным и системы обратной связи между групповым действием и общенациональной политической технологией, т.е. в координации региональных политических программ с общенациональными, с адаптацией последних к региональной специфике» [1, с. 16–25].

Несмотря на значительный и постоянно растущий объем исследований в области федерализма и региональной политики, комплексный анализ влияния региональных элит на пространственное развитие по-прежнему носит фрагментарный и несистематизированный характер. Существующие научные работы зачастую фокусируются либо на институциональном (рассматривая формальные правила и процедуры), либо на политологическом аспекте (анализируя политическую борьбу и стратегии акторов), не предлагая целостной, всеобъемлющей картины. Настоящее исследование призвано заполнить этот пробел в научном знании, систематизировав накопленный опыт и предложив

новую методологическую рамку для анализа влияния региональных элит. Кроме того, при анализе влияния региональных элит следует обозначить рассмотрение всего спектра ресурсов их воздействия. Региональные элиты обладают несколькими ключевыми ресурсами, позволяющими им оказывать существенное воздействие на общегосударственную политику. Во-первых, это возможность представительства на федеральном уровне — через участие своих лидеров в высших органах власти (например, избрание губернаторов в верхнюю палату парламента, как это было в России до 2001 г., или присутствие представителей земель в Бундесрате Германии). Во-вторых, элиты активно используют неформальные каналы влияния, с помощью которых могут оказывать воздействие на решения центра — через правящие политические партии, лоббистские структуры, межправительственные переговоры и личные связи. Современные элиты по-прежнему активно доминируют в неформальном механизме коммуникаций, и именно это позволяет преодолеть многие бюрократические препятствия для успешного функционирования системы государственного управления, обеспечивая оперативность и гибкость в принятии решений [2, с. 133–136].

Цель исследования — выявить и проанализировать ключевые факторы, механизмы и модели влияния региональных элит на оптимизацию внутрирегионального пространства в федеративном государстве. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать эволюцию роли региональных элит в федеративных отношениях, уделяя особое внимание историческим трансформациям и современным тенденциям в их взаимодействии с федеральным центром;
- исследовать формальные и неформальные институты, опосредующие влияние элит на пространственное развитие региона;
- провести сравнительный анализ моделей взаимодействия региональных элит и центра в различных федерациях, выявляя успешные практики, потенциальные проблемные области и возможности для адаптации опыта;
- оценить двойственную роль элит как драйверов развития и источников рисков, анализируя их влияние на экономический рост, социальную стабильность и политическую устойчивость регионов.

МЕТОДЫ

Настоящее исследование опирается на комплексный методологический подход, интегрирующий три

ключевых, взаимодополняющих метода научного анализа, что позволяет обеспечить всестороннее и объективное рассмотрение поставленных задач. Такой подход, сочетающий в себе историческую перспективу, институциональный анализ и сравнительный метод, представляется наиболее адекватным для изучения сложной и многогранной проблемы влияния региональных элит на пространственное развитие федеративных государств.

Историко-генетический анализ был применен для детальной реконструкции эволюции статуса и влияния региональных элит в федеративных государствах на протяжении периода с 1990-х гг. по настоящее время. Этот временной отрезок выбран не случайно, поскольку именно в этот период произошли кардинальные изменения в политической и экономической системах многих федераций, что, в свою очередь, оказало существенное влияние на роль и возможности региональных элит. Применение историко-генетического метода позволило выявить причинно-следственные связи между конкретными политическими решениями, такими как реформы в России начала 2000-х гг., направленные на укрепление вертикали власти, и последующей трансформацией роли региональных элит.

Институциональный анализ был сфокусирован на углубленном изучении как формальных институтов (конституционные полномочия, механизмы бюджетного федерализма), так и неформальных практик (негласные договоренности, лоббизм), определяющих реальное влияние элит на процессы пространственного планирования, распределения ресурсов и принятия ключевых решений в сфере региональной политики.

Сравнительный анализ использовался для сопоставления роли и моделей поведения региональных элит в различных федеративных контекстах, что позволило выявить как общие закономерности, так и специфические особенности взаимодействия элит с центром в разных странах. Выборка для анализа включала десять субъектов Российской Федерации, представляющих различные типы регионов по уровню экономического развития, политическому устройству и географическому положению, а также зарубежные федерации: Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Германия, Канада, Федеративная Республика Бразилия, Республика Индия, Федеративная Республика Нигерия.

Эмпирическую базу исследования составил спектр источников, включающий нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, статистические данные (Росстат, Всемирный банк

и другие источники), стратегические документы пространственного развития, аналитические доклады, а также научные публикации в ведущих отечественных и зарубежных журналах. Всего в процессе исследования было проанализировано около 150 источников.

Историко-генетический анализ эволюции роли региональных элит

Историко-генетический метод позволяет проследить динамику влияния региональных элит, выявив закономерность циклического перехода от phases конфронтации к phases поиска конструктивного баланса. Наиболее рельефно эта эволюция прослеживается на примере Российской Федерации.

В постсоветский период, особенно в 1990-е гг., региональные лидеры получили значительные полномочия в условиях ослабления центральной власти. Многие из них стали фактическими хозяевами своих территорий, обладая практически полной автономией в управлении региональными ресурсами. Этот процесс получил название «региональный феодализм». В условиях слабого контроля со стороны федерального центра региональные элиты активно использовали административные, финансовые и политические ресурсы для укрепления своего положения [3].

Региональные элиты (так называемые «бароны суверенитетов») зачастую игнорировали указания руководства страны, что приводило к значительным диспропорциям: где-то не выплачивались пенсии, где-то шли махинации с бюджетом, а центр не мог эффективно противодействовать этому в силу своей системной слабости. Как отмечалось в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию, децентрализация власти тогда была в значительной степени вынужденной мерой: «При принятии Конституции России в 1993 г. федеративная государственность рассматривалась как достойная цель, на которую придется много и кропотливо работать. В начале 90-х центр многое отдал на откуп регионам. Это была сознательная, хотя отчасти и вынужденная политика. Но она помогла руководству России добиться тогда главного и, думаю, была обоснована, она помогла удержать Федерацию в ее границах»¹.

Ответной реакцией на этот негативный опыт стала серия централизационных реформ в России

начала 2000-х гг., направленных на укрепление «вертикали власти». Ключевыми мерами стали отмена прямых выборов губернаторов (2004–2012 гг.), укрупнение регионов и перераспределение налоговых поступлений в пользу федерального центра [4, с. 285–288]. Как справедливо отмечает Н.Ю. Лапина, федеральная реформа преследовала цель «снизить влияние региональных элит, препятствовавших единой государственной политике» [5, с. 39]. Этот исторический поворот наглядно иллюстрирует тезис о том, что чрезмерная автономия и силовое доминирование региональных элит могут создавать прямую угрозу не только эффективности пространственного развития, но и единству страны.

Подобные централизационные тенденции, направленные на ограничение влияния региональных элит, наблюдались и в других федерациях. Например, в Аргентине в 1990-е гг. президент Карлос Менем был вынужден сосредоточить в своих руках дополнительные полномочия для проведения непопулярных экономических реформ, поскольку влиятельные провинциальные губернаторы-«каудильо» (такие как семья Саади в провинции Катамарка) открыто препятствовали переменам, защищая свои сложившиеся «феоды».

Таким образом, исторический анализ демонстрирует, что эволюция отношений «центр — регионы» носит волнообразный характер. Периоды децентрализации и усиления элит, чреватые рисками дезинтеграции и «феодализации», закономерно сменяются phases централизации, направленными на восстановление управляемости и общегосударственных стандартов.

Институциональный анализ механизмов влияния региональных элит

Институциональный подход позволяет систематизировать многообразные каналы, через которые региональные элиты реализуют свое влияние, разделив их на формальные (легитимные, закрепленные в законодательстве) и неформальные (основанные на личных связях, договоренностях и лоббизме).

Формальные институты представляют собой легализованные «лифты» для продвижения региональных интересов на федеральный уровень. Классическим примером является представительство земель в Бундесрате Германии, где региональные исполнительные власти напрямую влияют на федеральное законодательство. В России схожую, хотя и консультативную, функцию выполняет Государственный совет РФ, в рамках которого главы всех субъектов Федерации под председательством

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 2000–07–08. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22401>

Президента обсуждают ключевые вопросы государственного развития. Как отмечается в исследовании, «призвание (региональных элит) в государстве заключается в активном участии в создании системы соединения частного группового (регионального) интереса с общегосударственным... в координации региональных политических программ с общенациональными, с адаптацией последних к региональной специфике» [1, с. 16–25]. Другим ключевым формальным институтом являются общенациональные политические партии. В федерациях, где такие партии сильны (партия «Единая Россия» в РФ, Индийский национальный конгресс в Индии), региональные лидеры, как правило, входят в их руководство и зависят от поддержки партийного центра, что обеспечивает их лояльность общегосударственной линии. Долгое время партия Индийский национальный конгресс доминировала и контролировала и центральное правительство, и штаты — главы штатов были выходцами из Конгресса и проводили согласованные с Дели политики. Это способствовало относительно единому развитию (хотя после ослабления Конгресса и появления региональных партий диссонанс стало больше). В России правящая партия «Единая Россия» выполняет схожую функцию: губернаторы — ее лидеры в регионах, а федеральное руководство партии транслирует установки из центра, добиваясь, чтобы они воплотились на местах. Другой механизм — советы региональных лидеров при главе государства или правительстве. Госсовет РФ: губернаторы всех субъектов регулярно собираются под председательством президента, обсуждают проблемы, доносят свои позиции, и потом решения принимаются с учетом их мнений. Это не юридически обязывающий орган, но политически значимый. В Казахстане есть аналог — Совет управления (включает акимов областей и Премьер-министра). В Китае (хотя он формально унитарен, но по размеру как федерация) действует практика, что главы провинций входят в ЦК КПК, а наиболее важные — в Политбюро, тем самым участвуют в решениях о распределении инвестиций, ключевых проектах. Все это уменьшает отчужденность: элиты чувствуют причастность к общим делам, а центр — понимание региональных нужд.

Следует отметить, что влияние региональных элит может быть двояким с точки зрения инновационности политики. С одной стороны, как уже отмечалось, нередко они — двигатели нововведений. С другой, бывают случаи проявления локального консерватизма: региональные элиты могут оказаться более традиционалистскими, менее склонными

к реформам, чем центральные. Особенно это заметно в социально-культурной сфере, что рассмотрено далее в рамках сравнительного анализа.

Неформальные практики зачастую играют не менее, а иногда и более значимую роль. Региональные элиты активно используют лоббистские структуры, персональные связи и межправительственные переговоры для продвижения своих интересов. Современные элиты по-прежнему активно доминируют в неформальном механизме коммуникаций, что, по мнению М.Е. Зубарева, позволяет «преодолеть многие бюрократические препятствия для успешного функционирования системы государственного управления» [2, с. 133–136]. Яркой иллюстрацией потенциала формальных полномочий, подкрепленных неформальной политической волей, является кейс с высокоскоростной железной дорогой во Флориде (США). В 2010-е гг. администрация президента Обамы инициировала соответствующую программу, включавшую финансирование линии Орlando — Тампа. Однако новый губернатор Флориды (республиканец Рик Скотт), ссылаясь на невыгодность проекта для штата, использовал свое формальное право и отказался от федеральных средств. В итоге, несмотря на одобрение Конгресса [6], линия построена не была. Этот пример подчеркивает, что даже в условиях развитой демократии региональный лидер, опираясь на свои полномочия, может в одиночку заблокировать масштабный общегосударственный проект.

Сравнительный анализ моделей взаимодействия элит и центра

Сравнительный подход позволяет выявить и сопоставить две диаметрально противоположные модели поведения региональных элит в федеративных государствах: конструктивную и деструктивную.

Конструктивная модель («драйверы развития»). В данной модели региональные элиты выступают как инициаторы и проводники оптимизационной политики, становясь «точками роста» для всей федерации. Классическим примером является «тихая революция» в канадской провинции Квебек под руководством премьера Жана Лесажа в 1960-е гг. Проведенная им национализация электроэнергетики и создание корпорации Hydro-Québec не только превратили провинцию в крупнейшего экспортера электроэнергии, но и обеспечили ей долгосрочное конкурентное преимущество.

В Германии многие успешные региональные практики, такие как кластерный подход в Баварии [7, с. 383–387], были впоследствии взяты на

вооружение федеральным правительством и частично масштабированы на восточные земли после объединения. Если губернатор разделяет видение центра о необходимости модернизации региона, он мобилизует местные ресурсы и обеспечивает эффективность использования федеральных средств. Так, в России 2000-х гг. программа развития технопарков наиболее успешно реализовывалась именно в регионах с активными и компетентными элитами — в Татарстане и Калужской области, где были созданы благоприятные условия для инноваций. Это позволило этим субъектам опережать другие по темпам экономического роста.

Деструктивная модель («тормоз реформ»). В этой модели региональные элиты, движимые интересами сохранения власти, политической ренты или идеологическим консерватизмом, сопротивляются реформам и саботируют инициативы центра. В России в 2003–2008 гг. инициатива по объединению регионов (например, Пермской области с Коми-Пермяцким округом) встретила активное сопротивление местных элит, опасавшихся потерять свои посты. Для нейтрализации их недовольства потребовались значительные уступки и компенсации. При этом стоит также отметить, что Россия — пример сложного компромисса, который был достигнут путем длительного периода противостояния региональных элит и федеральных властей [8, с. 81–85].

Яркие примеры деструктивной роли демонстрирует и международная практика. В федеративной Нигерии часть северных штатов, управляемых местными мусульманскими элитами, ввели нормы шариата, что резко контрастировало с либеральными тенденциями центра и затормозило развитие этих штатов по ряду социальных параметров (например, образование женщин). В США южные штаты после Гражданской войны на протяжении десятилетий сохраняли сегрегационные порядки, и для преодоления сопротивления местных расистских элит потребовалось решительное вмешательство федеральной власти вплоть до ввода войск при президенте Эйзенхауэре в Литл-Рок (Арканзас) в 1957 г.

Подобные примеры подчеркивают двойственную природу федерализма и ключевой вызов для пространственной оптимизации: обеспечение единого уровня прав и возможностей для граждан на всей территории государства. Когда региональные элиты противодействуют этой унификации, страдают в первую очередь жители данного региона. Разрешение подобных конфликтов часто требует вмешательства федерального центра через за-

конодательство и контроль за его исполнением, а в крайних случаях — и с применением силового принуждения. Таким образом, комплексный анализ исторических, институциональных и сравнительных аспектов функционирования региональных элит в федеративных государствах позволяет выделить ряд ключевых результатов.

Региональные элиты — это «нервы» федеративного устройства: они чутко реагируют на любые изменения, происходящие как на федеральном, так и на региональном уровнях. От их реакции, политической воли, профессионализма и способности к компромиссу в значительной степени зависит успех или провал многих начинаний и стратегических инициатив.

Для обеспечения подлинной эффективности пространственной политики, направленной на сбалансированное развитие всех регионов страны, крайне важно, чтобы региональные лидеры были искренне заинтересованы в развитии своих территорий в русле общенациональных целей и приоритетов. Они должны разделять общенациональные ценности и стремиться к достижению общегосударственного блага, а не только к сохранению статуса-кво, удержанию власти и удовлетворению личных или корпоративных интересов.

Во многом здесь все определяется политической культурой, сформировавшейся в стране, и системой стимулов, которые подталкивают региональных лидеров к конструктивному сотрудничеству с центром и к принятию решений, направленных на благо региона и страны в целом. Если карьера регионального лидера напрямую зависит от достигнутых успехов региона, от улучшения социально-экономических показателей и повышения уровня жизни населения, то у него появляется мощная мотивация прилагать максимальные усилия, проявлять инициативу и брать на себя ответственность за принимаемые решения. Если же региональному лидеру гарантировано пожизненное пребывание в своем кресле при поддержке местных элит, то у него практически не остается стимулов к риску, инновациям и проведению каких-либо реформ, которые могут затронуть интересы влиятельных групп.

Важно добавить, что здоровая конкуренция между регионами за привлечение инвестиций, квалифицированных кадров и федеральных ресурсов, а также активная циркуляция элит между центром и регионами является благоприятным фактором, способствующим повышению эффективности государственного управления и укреплению единства страны. Например, в Германии политики федераль-

ного уровня часто идут на посты премьеров земель (как Питер Альтмайер, глава Ведомства канцлера, а затем премьер Саара) и наоборот — это создает единство элиты страны.

В странах же, где региональные элиты изолированы от центра, где отсутствуют механизмы ротации и циркуляции кадров, пространство государства может страдать от разобщенности, сепаратистских тенденций и отсутствия единой национальной идентичности. Поэтому успешные федерации стремятся интегрировать элиты, формировать общенациональную идентичность и миссию, при этом давая возможность региональным лидерам проявлять инициативу на благо своих территорий. Успех внутренней политики государства в значительной мере зависит от того, насколько эффективно оно сможет использовать ресурсы и потенциал каждого региона, обеспечивая при этом его устойчивое развитие [9, с. 103–113]. В случае же конфронтации и острого противостояния между центром и региональной верхушкой всегда проигрывает развитие: ресурсы тратятся на политическую борьбу вместо созидания, население оказывается заложником политических амбиций, социально-экономические проблемы усугубляются.

Примеры тому — бесконечное противостояние некоторых штатов Индии с центральным правительством, замедлявшее реализацию важных инфраструктурных проектов, или конфликтный федерализм Бельгии между фламандскими и валлонскими элитами, который не раз ставил страну на грань управленческого паралича. Для оптимизации пространственного развития страны крайне важно, чтобы все части политического класса, включая федеральных и региональных лидеров, работали в унисон над достижением общей цели — сбалансированным и устойчивым развитием всех регионов, повышением конкурентоспособности экономики и улучшением качества жизни населения. Именно к этому необходимо стремиться при совершенствовании федеративных механизмов, укреплении вертикали власти и развитии институтов гражданского общества.

ВЫВОДЫ

Проведенное комплексное исследование, основанное на историко-генетическом, институциональном и сравнительном анализе, позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое значение для науки о федерализме, так и практическую ценность для государственного управления.

1. **Двойственная природа влияния региональных элит** является системным свойством федеративной системы. Региональные элиты не являются ни однозначным «добром», ни «злом» для пространственного развития. Их роль принципиально амбивалентна:

- Конструктивный потенциал реализуется, когда элиты выступают как «драйверы развития», инициируя инновационные проекты (технопарки в Татарстане и Калужской области, «тихая революция» в Квебеке) и эффективно адаптируя федеральные программы к местной специфике.

- Деструктивный потенциал проявляется в ситуациях, когда элиты, движимые интересами сохранения власти, корыстной ренты или идеологического консерватизма, превращаются в «тормоз реформ», блокируя инициативы центра (укрупнение регионов в РФ, отказ от высокоскоростной магистрали во Флориде) и защищая практики, нарушающие единые стандарты прав граждан (сегрегация в США, шариат в Нигерии).

2. **Эффективность оптимизации пространства** напрямую зависит от отработанных механизмов интеграции региональных элит в общенациональную повестку. Стихийная и ничем не сдерживаемая автономия элит (как в России 1990-х) ведет к дезинтеграции и «феодализации», тогда как жесткая централизация подавляет позитивные инициативы «снизу». Ключевыми инструментами балансирования являются:

- Интеграция через партийную систему. Сильные общенациональные партии («Единая Россия», Индийский национальный конгресс) выступают мощным каналом трансляции воли центра и обеспечения лояльности региональных лидеров.

- Формальные и неформальные площадки для диалога. Консультативные органы (Государственный совет РФ, Бундесрат Германии) обеспечивают легитимный канал для учета региональных интересов при принятии общегосударственных решений, снижая риски конфронтации.

3. **Мотивация региональных лидеров** определяется четко выстроенной системой стимулов, а не только их личными качествами. Политическая культура и институциональные условия формируют модель поведения элит:

- Стимулы к развитию возникают тогда, когда карьерная перспектива регионального лидера напрямую зависит от успехов в развитии вверенной ему территории (как в практике циркуляции элит между центром и регионами в Германии).

- Стимулы к стагнации и рентоориентированному поведению доминируют в условиях, когда

гарантировано «пожизненное» сохранение поста при поддержке узкой местной группы интересов, а независимый общественный и федеральный контроль ослаблены.

4. **Здоровая конкуренция** и циркуляция элит между центром и регионами — залог единства и инновационного развития федерации. Мобильность элит, как это демонстрирует опыт Германии, препятствует их изоляции и формированию замкнутых «удельных княжеств», способствуя выработке общенациональной идентичности и миссии. Напротив, конфронтация между центром и региональной верхушкой (как в Бельгии или в отдельных штатах Индии) всегда наносит ущерб развитию, переводя ресурсы из сферы созидания в сферу политической

борьбы и делая население заложником этого противостояния.

Таким образом, успешная федерация — это не механическая совокупность регионов, а целостный организм, где все уровни власти и политические элиты работают в унисон над общей целью — сбалансированным и устойчивым развитием всего государственного пространства. Совершенствование федеративных механизмов должно быть направлено на укрепление интеграционных институтов, создание прозрачной системы стимулов для региональных лидеров и поощрение конструктивной конкуренции, что позволит максимально реализовать позитивный потенциал региональных элит и минимизировать связанные с их деятельностью риски.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахлова О.В. Региональные политические элиты в системе коммуникаций федеративного государства. *Регионология: Научно-публицистический журнал*. 2011;1(74):16-25 URL: <https://elibrary.ru/lvqegz>
2. Зубарев М.Е. Факторы консолидации региональных политических элит. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2023;3:133-136 DOI: 10.34773/EU.2023.3.22
3. Меркулова Ю.А. Влияние региональных политических элит на современную политику России. *Научный Лидер*. 2024;35(185). URL: <https://elibrary.ru/whdbpa>
4. Никлаус А.А. Пространственная политика федеративных и унитарных государств: сравнительная характеристика и отличительные черты. *Социально-гуманитарные знания*. 2025;7:285-288. DOI: 10.34823/SGZ.2025.7.52073
5. Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Автореф. дис. д-ра полит. наук. Москва; 2004. URL: <https://elibrary.ru/nnaiih>
6. Schorung M. et al. A Geographical contribution on interurban passenger rail transportation in the United States. Mineta Transportation Institute. 2022;22-04:CA-MTI-2212. DOI: 10.31979/mti.2022.2212
7. Стефаненко-Шупик А.П. Кластерный подход как инструмент стимулирования инноваций в промышленности. *Вестник экономики, права и социологии*. 2025;1:383-387. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-383-387
8. Антюхин Е.Н. Региональные политические элиты как фактор успеха региональной политики. В сб.: *Россия и мир: диалоги*. Москва: ООО «ФЛИНТА»; 2019:81-85. URL: <https://elibrary.ru/dxyqjc>
9. Никлаус А.А. Стратегии оптимизации внутрирегионального пространства как практическая реализация внутренней политики государства. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2024;4:103-113. DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-4-9

REFERENCES

1. Bakhlova O.V. Regional political elites in the communications system of a federal state. *Regionology: A scientific journalistic journal*. 2011;1(74):16-25. URL: <https://elibrary.ru/lvqegz> (In Russ.).
2. Zubarev M.E. Factors of consolidation of regional political elites. *Economics and Management: a scientific and practical journal*. 2023;3:133-136. (In Russ.). DOI: 10.34773/EU.2023.3.22
3. Merkulova Yu.A. The influence of regional political elites on modern Russian politics. *Scientific Leader*. 2024;35(185). URL: <https://elibrary.ru/whdbpa> (In Russ.).
4. Niklaus A.A. Spatial policy of federal and unitary states: Comparative characteristics and distinctive features. *Social and humanitarian knowledge*. 2025;7:285-288. (In Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2025.7.52073
5. Lapina N.Y. Regional elites: Formation processes and mechanisms of interaction in modern Russian society. Abstract of the thesis by Dr. Polit. Sciences'. Moscow; 2004. URL: <https://elibrary.ru/nnaiih> (In Russ.).
6. Schorung M. et al. A geographical contribution on interurban passenger rail transportation in the United States. Mineta Transportation Institute. 2022;22-04:CA-MTI-2212. DOI: 10.31979/mti.2022.2212

7. Stefanenko-Shupik A.P. Cluster approach as a tool to stimulate innovation in industry. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2025;1:383-387. (In Russ.). DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-383-387
8. Antyukhin E.N. Regional political elites as a success factor of regional policy. In: *Russia and the World: Dialogues*. Moscow: LLC "FLINTA"; 2019:81-85. URL: <https://elibrary.ru/dxyqjc> (In Russ.).
9. Niklaus A.A. Strategies for optimizing the intraregional space as a practical implementation of the internal policy of the state. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Humanities and Social Sciences*. 2024;4:103-113. (In Russ.). DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-4-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Александровна Никлаус — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Московский психолого-социальный университет, Москва, Российская Федерация

Anna A. Niklaus — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Social Sciences, Humanities, and Natural Sciences, Moscow University of Psychology and Social Sciences, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2647-6317>
nicklaus.anna@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.09.2025; принята к публикации 17.10.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 13.09.2025; accepted for publication on 17.10.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Особенности современной электоральной культуры в США: на примере президентских выборов 2024 года

И.А. Возмитель, М.М. Мchedlova

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена всестороннему обзору понятия «электоральная культура», в частности рассмотрению данного понятия на примере президентских выборов в США в ноябре 2024 г. В статье проанализированы как более общее понятие — политическая культура, так и частное от него — электоральная культура, на котором особенно заострено внимание. Цель исследования — рассмотреть понятие электоральной культуры как в теоретическом поле, так и в эмпирическом, основываясь на специфике культуры на президентских выборах США. Электоральная культура в США обладает собственными отличительными чертами, которые отличают ее от культур других стран, что представляет интерес в исследовании. Исследование базируется на социологическом подходе, включающем в себя вторичный анализ данных, а также наблюдение за поведением граждан США, в частности молодежи, в ходе президентской кампании. Использован анализ статистических данных, а также научных и исторических публикаций за разные периоды времени. Актуальность исследования приобретает в связи с неоднозначностью в трактовке определения электоральной культуры в политической науке, а также в связи с рассмотрением устоявшихся особенностей электоральной культуры США в настоящее время. Результаты исследования показали, что молодое поколение базирует свой выбор на рациональных оценках, стремясь максимизировать собственную выгоду от того или иного кандидата. Выводы авторов показывают важность исследования электоральной культуры как отдельного понятия в политической науке, а показанный пример президентских выборов в США отмечает важность этого подхода для изучения электоральных процессов в любой стране. **Ключевые слова:** электоральная культура; политическая культура; США; выборы президента; Дональд Трамп; молодежь; электоральное поведение

Для цитирования: Возмитель И.А., Мchedlova М.М. Особенности современной электоральной культуры в США: на примере президентских выборов 2024 года. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):112-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-112-119

ORIGINAL PAPER

Features of Modern Electoral Culture in the United States: On the Example of the 2024 Presidential Election

I.A. Vozmitel, M.M. Mchedlova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to a comprehensive review of the concept of “electoral culture”, in particular, the consideration of this phenomenon on the example of the US presidential election in November 2024. The article analyzes both a more general concept — political culture, and a particular one — electoral culture, which is particularly emphasized. The purpose of the study is to consider the concept of electoral culture both in the theoretical field and in the empirical one, based on the specifics of culture in the US presidential election. The electoral culture in the United States has its own distinctive features that distinguish it from the cultures of other countries, which is of interest in the study. The study is based on a sociological approach that includes secondary data analysis, as well as monitoring the behavior of US citizens, particularly young people, during the presidential campaign. The analysis of statistical data, as well as scientific and historical publications for different time periods are used. The research becomes relevant due to the ambiguity in the interpretation of the phenomenon of electoral culture in political science, as well as in connection with the consideration of the well-established features of the electoral culture of the United States in the present. The results of the study showed that the younger generation based their choice on rational estimates, seeking to maximize their own benefits from one candidate or another. The authors' conclusions show the importance of studying electoral culture as

a separate concept in political science, and the example of the US presidential election showed the importance of this phenomenon for studying electoral processes in any country.

Keywords: electoral culture; political culture; USA; presidential election; Donald Trump; youth; electoral behavior

For citation: *Vozmitel I.A., Mchedlova M.M. Features of modern electoral culture in the United States: On the example of the 2024 presidential election. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025;15(6):112-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-112-119*

ВВЕДЕНИЕ

«Политическая культура» — понятие, на протяжении длительного времени редко встречающееся в научных работах отечественных и зарубежных авторов. Однако сегодня данное понятие весьма популярно в российском политическом дискурсе, а отсыл на его особенности и специфику можно встретить во множестве политологических исследований, а также в текстах публичных деятелей. Именно разнородность использования данного понятия размывает понятийные рамки, что создает проблемы для формирования единственно верной коннотации. Следовательно, в настоящее время стоит вопрос выделения единственно верного определения, с помощью которого возможно ориентироваться при научном анализе той или иной проблемы.

В данном случае важно также рассматривать политическую культуру в разрезе соотношения данного термина с электоральной культурой. Электоральная культура, в отличие от политической, является понятием, находящимся немного «в тени», а его употребление в социальных науках в отечественной литературе стало использоваться относительно недавно. Рассматриваемые понятия обладают собственными определениями и часто используются ситуационно, при этом в некоторых случаях даже могут заменять друг друга. Несмотря на разную сферу применения, в научных исследованиях, где эти термины рассматриваются в рамках той или иной проблемы, их определения существенно упрощаются и практически приравниваются. В связи с этим четкое разграничение между культурой электоральной и политической крайне необходимо для предотвращения неоднозначных и искаженных интерпретаций явлений, подпадающих под их описание [1].

В общем и целом специфика политической культуры по отношению к электоральной не вызывает споров в социальных науках, поскольку понятие «электоральная культура» имеет более узкоспециализированное определение, что ограничивает поле его применения в научных исследованиях.

В последнее время понятие «электоральная культура» стало использоваться достаточно широко для описания электоральных процессов. Однако

остаётся проблема, что данный термин интерпретируется неверно, а также, в некоторых работах, приравнивается к определению «политическая культура». Часто авторы не предпринимают попыток связать оба понятия, либо утверждают, что «электоральная культура» является подмножеством второй, либо подчеркивают их параллельность [2].

Цель исследования заключается в изучении понятия «электоральная культура», а также рассмотрения электоральной культуры на выборах президента США в 2024 г.

США являются страной с богатой электоральной историей, а также с уникальными особенностями культуры и факторами, влияющими на электоральное поведение граждан. Именно поэтому на примере США можно проанализировать специфику электоральной культуры и ее изменения по сравнению с устоявшимися характеристиками.

В основе исследования лежит обзор вышеназванных понятий, проводится сравнение и рассмотрение электоральной культуры на примере выборов президента США в 2024 г. В исследовании использован социологический подход, включающий в себя вторичный анализ данных опроса в качестве метода исследования; проанализированы данные из результатов опросов до выборов президента США в 2024 г. и после окончания выборов.

Актуальность исследования понятия «электоральная культура» связано с несколькими факторами:

- понятие используется достаточно редко в западной литературе;
- понятие часто приравнивается к понятию «политическая культура» в отечественной и зарубежной литературе;
- исследование выборов в президенты США в 2024 г. может отразить современную электоральную культуру граждан США, а также факторы, влияющие на электоральное поведение в ходе выборов.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Для понимания и определения концептуальной рамки термина «электоральная культура» важно соотнести понятия политической и электоральной

культуры. Начать следует с политической культуры, принимая это понятие за более широкое, охватывающее все аспекты политического поведения и взаимодействия граждан с институтами власти.

Политическая культура — фиксированное понятие, используемое очень часто в политическом дискурсе, однако имеет свои недостатки и противоречия. Теория политической культуры не выдвигает собственной онтологии и эпистемологии, а сосредотачивается на сравнительном анализе, не требуя предварительного обоснования сущности и механизмов работы изучаемых явлений. С этой точки зрения можно определить конкретные функции политической культуры в политологии, но нужно всегда помнить о том, что это понятие не имеет четкой коннотации и является противоречивым [3].

Можно дать следующее определение политической культуры — это ценности и отношение людей ко многим политическим явлениям в обществе, в частности, к политическим деятелям [4]. В более широком смысле можно сказать, что политическая культура входит в часть общей культуры, которая, в свою очередь, связывается с политической сферой общества¹. В различных дискуссиях также можно рассмотреть вопрос анализа региональных политических культур [5, с. 3]. В работах Алмонда и Вербы политическая культура сравнивается со страновым уровнем [6].

Учитывая представленные определения, зафиксируем, что электоральная культура — это совокупность политических норм, ценностей и правил, определяющих поведение людей во время выборов и других электоральных процессов [7].

Хотя определения этого понятия могут различаться в зависимости от контекста, предложенное описание отражает его основное значение для анализа подобных явлений.

Разделение политической культуры и электоральной культуры как объектов исследования не вызывает особых разногласий в научном сообществе. Термин «электоральная культура» встречается в исследованиях не так часто, но, как правило, подразумевается под ним что-то более узкого масштаба, чем политическая культура, как мы уже посмотрели на основе выдвинутых определений. Электоральный период в жизни общества не является постоянным, следовательно, электоральная культура может быть рассмотрена только во время

политических выборов. Из вышесказанного следует вывод, что электоральная культура формируется только тогда, когда политическая жизнь общества наполняется электоральными и выборными процедурами [8].

В данном случае важно также рассмотреть термин электорально-правовой культуры, поскольку это понятие также соотносится с электоральной культурой и является более масштабным, а также затрагивает всех участников электорального процесса. В традиционном смысле электорально-правовая культура — это культура участия в государственном управлении и практика применения избирательного законодательства [9]. В качестве особенностей электорально-правовой культуры можно выделить: сосредоточенность на правовом регулировании всего электорального процесса, объединение культурных и правовых аспектов, и она включает в себя юридические институты. Важно понимать тот факт, что понятия «электоральная» и «электорально-правовая культура» являются взаимодополняющими и формируют целую картину электорального процесса.

Электоральная культура анализируется, в основном, в ходе электоральной кампании, базируясь на культуре электорального процесса, которая включает в себя традиции и ценности того или иного общества и электоральное поведение граждан. Традиции и ценности общества подразумевают тот факт, что выбор гражданами в ходе электорального процесса может быть обусловлен групповой принадлежностью. Электоральная культура на основе различных электоральных моделей поведения может рассматриваться в качестве взаимоотношения разных групп, которые различны по отношению к власти, партиям и методам участия в социально-политической жизни государства.

В состав электоральной культуры входит множество элементов анализа, такие как: отношение к выборам как форме поведения; самоопределение граждан к партиям или к лидерам и кандидатам; ориентации граждан в ходе выборов (например: религиозные, традиционные); конфликты интересов как внутри группы, так и межгрупповые; общественные установки в отношении политических институтов и традиций. Как было отмечено ранее, электоральная культура, по существу, пребывает в состоянии покоя и активизируется лишь во время избирательных кампаний, а культура, с ее отличительными чертами, наиболее ярко проявляется в избирательных предпочтениях и поведении избирателей. Исходя из этого, большое количество

¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.

во исследователей рассматривают политическую культуру в качестве электоральной только в ходе проведения электоральных кампаний.

Теперь стоит рассмотреть функции электоральной культуры. Важно отметить тот факт, что функции электоральной культуры сильно похожи на функции, выполняемые культурой в общем. В политической науке выделяются следующие функции электоральной культуры: первая — культурно-историческая функция, то есть граждане на протяжении всей жизни накапливают опыт в политической жизни и используют индивидуальные ориентиры. Вторая функция — распределение ролей в политическом поле, а также контроль за выполнением данных ролей. Третья — разработка и апробирование новых требований к участию граждан в политической жизни, в частности в электоральном процессе, и различным формам социального взаимодействия. Четвертая — распространение и накопление информации, которая будет использована в ходе электорального периода. Последняя функция заключается в политической идентификации как личности, так и различных групп. Развиваясь в рамках разрешения межгрупповых политических и социальных конфликтов, электоральная культура выступает как неотъемлемое условие для сохранения целостности общества и поддержания общественной стабильности. Именно поэтому она получила признание в качестве ключевого социального механизма, без которого сложноорганизованные общества не могут воспроизводить и совершенствовать свои политические и социальные установки [10, с. 112].

Углубляясь в электоральную культуру, стоит подчеркнуть важность изучения электорального поведения. Ряд поведенческих и социальных факторов связаны с индивидуальным поведением при голосовании. Основными факторами, определяющими выбор кандидата, являются оценки черт характера кандидатов, деятельности правительства, ориентация на конкретные вопросы политики, партийная идентификация и идеология. Что касается демографических или социальных факторов, то раса, религия, социально-экономический статус, пол, семейное положение и возраст являются характеристиками, которые наиболее тесно связаны с голосованием за последние несколько десятилетий².

² Voting Behavior in the 2020 Election. URL: <https://www.icpsr.umich.edu/web/pages/instructors/setups2020/voting.html>

Подводя итоги, на основе проведенного исследования понятий можно утверждать, что электоральная культура является более узким понятием по сравнению с распространенной политической культурой. В качестве электоральной культуры принято обозначать совокупность особенностей политической культуры, поведенческих установок и уровня политического участия избирателей во время избирательных кампаний. Электоральная культура зачастую рассматривается с точки зрения субъективного подхода, то есть анализируется в качестве совокупности индивидуальных предпочтений, традиций, взглядов и оценки электоральной практики, а также в ней учитываются особенности поведения общества, социальных групп, межгрупповых взаимодействий в электоральных процессах [11, с. 40].

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ США

В рамках рассмотрения электоральной культуры в США важно выделить сформировавшиеся особенности, которые отличают культуру США от культуры других стран. В первую очередь стоит выделить активную гражданскую позицию у американского населения, что включает в себя активное выражение собственных интересов и готовность включения в политическую повестку и участие в ней. Во-вторых, у граждан США в приоритете выбора стоит практическая собственная выгода, т.е. любой голос, который отдает гражданин США, направлен на получение некоторых благ. Здесь также стоит отметить, что кандидаты и лидеры предоставляют избирателям подробные планы и стратегии по социально-экономическому и политическому развитию страны. В-третьих, в США наблюдается такая тенденция, при которой социально-экономические факторы страны отходят на второй план, а на первый выходят факторы местного уровня. Финальным отличием электоральной культуры США можно выделить полную трансляцию через СМИ актуальной информации по происходящим электоральным процессам.

В рамках рассмотрения понятия «электоральная культура» на примере США в данной статье будет рассмотрено электоральное поведение молодежи в выборах президента США в 2024 г. Это поможет улучшить понимание ключевых факторов и мотиваций, которые направляли молодое поколение в 2024 г., а также на основе этого определить электоральную культуру США в тот период.

В данном случае будет изучена одна из наиболее важных подгрупп электората — молодежь, к которой обычно относятся лица в возрасте от 18 до 35 лет. С самого начала предвыборной кампании 2024 г. в США наблюдались признаки возможного низкого уровня участия молодых избирателей в голосовании³. Однако по мере приближения выборов ситуация менялась и интерес к выборам у молодежи возрастал: влияние молодых избирателей становилось все более значительным в президентской гонке. Молодые избиратели в возрасте до 35 лет составляют примерно 29% национального электората. Всего около 8,3 млн молодых граждан стали новыми избирателями и впервые смогли проголосовать на президентских выборах.

Нужно понимать, что молодые избиратели имеют большой потенциал влиять на выборы, поскольку, например, молодых людей до 35 лет на Национальном съезде Демократической партии в августе 2024 г. было представлено около 21% из всего числа делегатов. Приблизительные цифры указывают на то, что у этой подгруппы избирателей был потенциал повлиять на президентские выборы. Однако реализация этого потенциала была сильно зависима от того, примут ли участие в выборах молодые американцы и будут ли они принимать участие с высокой явкой⁴.

Молодежное голосование в Соединенных Штатах отличается поразительным разнообразием и делает молодую избирательную группу самой многогранной из всех возрастных групп в стране, поскольку молодые люди до 35 лет, помимо американцев, идентифицируют себя следующим образом: 22% считают себя латиноамериканцами, 14% — чернокожими, представителями разных рас и американцами азиатского происхождения — еще по 4 процента⁵.

Различия в составе молодых избирателей значительно сказываются на их позициях по ключевым социально-экономическим вопросам, поскольку представители молодежи сталкиваются с такими проблемами, как задолженность, трудности с жи-

лем и медицинским обслуживанием, причём в неодинаковой степени. В связи с тем, что эти вопросы все чаще определяют приоритеты при голосовании, голос молодежного сообщества в ноябре оказал ощутимое влияние. Данное разнообразие также подчеркивает тот факт, что электоральная культура в США подверглась трансформации, и приоритеты стали изменяться.

Молодые американцы сталкиваются с огромными экономическими проблемами, и всем молодым американцам пришлось задуматься о том, как еще больше увеличить свои доходы, поскольку цены на товары повседневного спроса постоянно росли после 2022 г., а также важно отметить тот факт, что молодые американцы ощущают эту экономическую боль в большей степени, чем пожилые американцы. Можно сказать, что молодые избиратели испытывают сложный экономический стресс. Это включает в себя резкое повышение стоимости аренды и ипотеки, из-за чего многие были вынуждены вернуться к жизни со своими родителями; резкое повышение стоимости высшего образования, из-за чего у них образовались долги за обучение; и ограниченные возможности трудоустройства даже для тех, у кого есть высшее образование. Сейчас эти проблемы стоят более остро, чем в 2020 г., даже в условиях пандемии COVID-19⁶. В 2022 г. инфляция достигла среднего уровня в 8%, достигнув максимума в 9,1% в июне — самого высокого уровня с начала 1980-х годов. Этот всплеск инфляции привел к росту цен почти на 20%, что привело к увеличению стоимости товаров первой необходимости, включая продукты питания, энергоносители и аренду жилья. Хотя по состоянию на июль 2024 г. этот показатель снизился до 2,9%, многие молодые американцы по-прежнему считали цены слишком высокими.

Молодые люди испытывают финансовые трудности иначе, чем взрослые, поскольку они относительно недавно пришли на рынок труда, пытаются самоутвердиться и зарабатывают значительно меньше, чем их коллеги старшего возраста. В конечном счете, это приводит к тому, что у молодых людей становится меньше сбережений и больше долгов, что способствует возникновению цикла финансовой нестабильности. Фактически, средний размер задолженности по кредитным картам увеличился примерно на 14% с 2022 по 2023 г. Также молодые люди в «цветных сообществах», как правило, имеют

³ For Biden, youth vote polling is a warning, not the apocalypse, URL: <https://www.brookings.edu/articles/for-biden-youth-vote-polling-is-a-warning-not-the-apocalypse/>

⁴ Gen Z Voted at a Higher Rate in 2022 than Previous Generations in their First Midterm Election, URL: <https://circle.tufts.edu/latest-research/gen-z-voted-higher-rate-2022-previous-generations-their-first-midterm-election>

⁵ Generation Z is the most racially diverse and fastest-growing segment of the electorate, URL: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meetthepressblog/gen-z-diverse-fastest-growing-segment-electorate-rcna66517>

⁶ Impact Of Coronavirus (COVID-19) On College Tuition And Finances, URL: <https://www.forbes.com/sites/andrewdepietro/2020/06/02/impact-covid-19-tuition-finance/>

более низкие кредитные рейтинги, чем в «белых сообществах», что усугубляет долговые циклы⁷.

Опрос AP VoteCast позволил избирателям выбрать один из девяти вопросов в качестве «наиболее важных для страны». Сорок процентов молодежи выбрали «экономику и рабочие места», 13% — аборт, а 11% — иммиграцию в качестве наиболее важных. Молодые голосующие чаще других возрастных групп ставили аборт на первое место в списке своих приоритетов, но они же считали его вторым по важности. В то же время, другие возрастные группы чаще всего выбирали иммиграцию как главный приоритет, а аборт занимал более низкие позиции в их рейтинге⁸.

На президентских выборах выбор молодых людей определялся их приоритетами. Молодежь, ставившая во главу угла экономику и рабочие места (что, безусловно, было главной проблемой для молодежи), проголосовала за Дональда Трампа с отрывом в 24 балла. А молодые люди, которые больше всего интересовались иммиграцией, поддержали Трампа почти на 70 баллов.

Возвращаясь к понятию электоральной культуры, можно прийти к выводу, что, несмотря на этот сдвиг в представлениях об экономике, люди по-прежнему придерживаются индивидуалистических и натуралистических взглядов, когда речь заходит о работе и трудовых ресурсах, что более ярко выражено у молодого поколения американцев. Одним из движущих факторов оказалась экономика и социально-экономическое состояние страны, которое заставило молодежь выбрать Дональда Трампа в качестве нового президента США. Кроме того, несмотря на то, что люди все чаще признают, что выбор правительства определяет то, как работает экономика, понимание людьми того, как это работает, как правило, весьма ограничено⁹.

ВЫВОДЫ

В ходе анализа были рассмотрены базовые теоретические положения понятий политической и электоральной культуры, включая их сущность, структурные составляющие и функциональные осо-

бенности. В статье отмечалось, что политическую и электоральную культуры стоит рассматривать в соотношении общего и конкретного. Политическая культура, по своей сути, включает в себя электоральную культуру и испытывает на себе воздействие гражданской культуры.

Понятие «электоральная культура» используется в связи с необходимостью четкой методологии исследования и опыта в научных парадигмах в политической науке для рассмотрения отдельно культурных аспектов электорального поведения в период выборов. Стоит также отметить сложность изучения паттернов в функционировании электоральной культуры, поскольку она включает в себя множество факторов и процессов как в политической и социальной, так и в экономической областях.

Как показало исследование, экономические факторы и индивидуальное восприятие этих факторов имеют значение при оценке лидеров и выборе избирателей. Некоторые люди действительно видят связь между своим восприятием экономической ситуации и фактической экономической реальностью, и, несмотря на то, что, например, партийная принадлежность может частично размыть эту связь, она все же сохраняет свою значимость [12].

Исследование взаимосвязи социально-экономических факторов с избирательным поведением на конкретных выборах помогает нам прояснить причины результатов этих выборов, проследить динамику избирательной активности и оценить электоральную культуру в рассматриваемый период в конкретной стране. Анализ электоральной культуры США продемонстрировал описанный факт рационального выбора гражданами. Об этом в первую очередь свидетельствуют высокие требования, предъявляемые кандидатам.

Молодое поколение граждан США продемонстрировало осознанный подход к голосованию на президентских выборах, делая выбор, ориентированный на решение конкретных проблем, что свидетельствует о серьезном стремлении граждан к улучшению социально-экономического положения в стране. На президентских выборах электоральная культура определялась приоритетами молодого поколения граждан США. Большинство молодых избирателей, считающих приоритетными вопросы экономики и занятости (ключевые проблемы), отдали свои голоса за Дональда Трампа. Кроме того, молодежь, наиболее обеспокоенная темой иммиграции, также высказалась в поддержку этого кандидата.

⁷ Why young adults in minority communities tend to start out with lower credit scores, URL: <https://www.cnbc.com/2022/09/08/why-young-adults-in-minority-communities-have-lower-credit-scores.html>

⁸ Young People and the 2024 Election: Struggling, Disconnected, and Dissatisfied, URL: <https://circle.tufts.edu/latest-research/2024-poll-barriers-issues-economy>

⁹ The State of American Culture 2023–2024, URL: <https://www.frameworksinstitute.org/resources/the-state-of-american-culture-2023–2024/#Finding%204>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грунт Е. В. Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург. 2012;(1):1556. URL: <https://elibrary.ru/wxwqav>
2. Фадеева Л. А. «Электоральная культура»: теоретический конструкт или очередная концептуальная натяжка? *Российское электоральное обозрение*. 2010;(1):32–37. URL: <http://www.vibory.ru/analyt/REO-5/Fadeeva.pdf>
3. Welch S. The Theory of Political Culture. *Oxford University Press*; 2013. 288 p. DOI: 10.1093/9780199553334.001.0001
4. Obeidi A. S. M., Obeidi A. Political Culture in Libya. *Routledge*; 2001. 296 p. DOI: 10.4324/9780203037003
5. Туровский Р. Ф. Региональное измерение электорального процесса. *Общественные науки и современность*. 2006;(5):1–20. URL: <https://www.elibrary.ru/hvarjf>
6. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. *Princeton*; 1963. 584 p. DOI: 10.2307/2146705
7. Орешкин Д. Б., Орешкина Д. Д. География электоральной культуры России. *Общественные науки и современность*. 2006;(5):20–34. URL: <https://www.elibrary.ru/pkcyrv>
8. Goldfarb, Jeffrey C. Reinventing political culture: The power of culture versus the culture of power. *Polity*; 2012. 210 p. DOI: 10.1086/669072
9. Федоров В. И. Электоральная культура как фактор транзита к электронному голосованию. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020;(2):64–76. URL: <https://www.elibrary.ru/rymlgy>
10. Комлева В. В. Электоральная культура как предмет социологического анализа. *Социология власти*. 2003;(6):111–124. URL: <https://www.elibrary.ru/luaped>
11. Лыткина К. А. Теоретические основы изучения феномена электоральной культуры. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016;(1):36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/qcsfft>
12. Lewis-Beck C., Martini N. F. Economic perceptions and voting behavior in US presidential elections. *Research & Politics*. 2020;(4):1–6. DOI: 10.1177/2053168020972811

REFERENCES

1. Grunt E. V. Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience. Yekaterinburg. 2012;(1):1556. URL: <https://elibrary.ru/wxwqav> (In Russ.).
2. Fadeeva L. A. "Electoral culture": A theoretical construct or another conceptual stretch? *Russian electoral review*. 2010;(1):32–37. URL: <http://www.vibory.ru/analyt/REO-5/Fadeeva.pdf> (In Russ.).
3. Welch S. Theory of political culture. *Oxford University Press*; 2013. 288 p. DOI: 10.1093/9780199553334.001.0001
4. Obeidi A. S. M., Obeidi A. Political culture in Libya. *Routledge*, 2001. 296 p. DOI: 10.4324/9780203037003
5. Turovsky R. F. The regional dimension of the electoral process. *Social sciences and modernity*. 2006;(5):1–20. URL: <https://www.elibrary.ru/hvarjf> (In Russ.).
6. Almond G. A., Verba S. Civic culture: Political attitudes and democracy in five countries. *Princeton*; 1963. 584 p. DOI: 10.2307/2146705
7. Oreshkin D. B., Oreshkina D. D. Geography of Russia's electoral culture. *Social sciences and modernity*. 2006;(5):20–34. URL: <https://www.elibrary.ru/pkcyrv> (In Russ.).
8. Goldfarb, Jeffrey S. Rethinking political culture: The power of culture versus the culture of power. *Polity*; 2012. 210 p. DOI: 10.1086/669072
9. Fedorov V. I. Electoral culture as a factor of transit to electronic voting. *Citizen. Elections. Power*. 2020;(2):64–76. URL: <https://www.elibrary.ru/rymlgy> (In Russ.).
10. Komleva V. V. Electoral culture as a subject of sociological analysis. *Sociology of power*. 2003;(6):111–124. URL: <https://www.elibrary.ru/luaped> (In Russ.).
11. Lytkina K. A. Theoretical foundations of studying the phenomenon of electoral culture. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2016;(1):36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/qcsfft> (In Russ.).
12. Lewis-Beck K., Martini N. F. Economic perception and behavior of voters in the US presidential election. *Research and policy*. 2020;(4):1–6. DOI: 10.1177/2053168020972811

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Иван Андреевич Возмитель — аспирант, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Ivan A. Vozmitel — PhD student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-7386-9341>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:

1142240465@pfur.ru

Мария Мирановна Мchedlova — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Maria M. Mchedlova — Dr. Sci. (Polit.), Prof., Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

mchedlova-mm@rudn.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 31.07.2025; принята к публикации 20.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 31.07.2025; accepted for publication on 20.10.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Стратегическое планирование развития сельских территорий: региональные особенности

А.В. Колокольцев

Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты элементов устойчивого развития сельских территорий. Автор проводит системный анализ действующих элементов, обеспечивающих устойчивость сельских территориальных образований, и выявляет ключевые институциональные, экономические и социальные факторы, влияющие на их эффективность, а также дает рекомендации по применению механизмов, которые окажут наиболее эффективное воздействие на проблему. Особое внимание уделено инструментам стратегического планирования и региональным особенностям применения механизмов, а также сфере межсекторного взаимодействия и участия местных сообществ в процессах устойчивого развития. В работе детально анализируются существующие модели управления сельскими территориями, включая механизмы государственной поддержки, инфраструктурного развития и социальной защиты сельского населения, включая механизмы государственной поддержки, инфраструктурного развития и социальной защиты сельского населения. Автор исследует современные тенденции в области цифровизации сельских территорий, развития агропромышленного комплекса и экологического благополучия. По результатам исследования предложены конкретные рекомендации по совершенствованию элементов устойчивого развития с учетом региональной специфики. Практическая значимость работы заключается в возможности использования предложенных рекомендаций при разработке региональных программ развития сельских территорий и формировании эффективной системы управления сельским хозяйством. По итогам работы сделаны выводы о текущем состоянии государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий, выделены основные элементы, реализуемые в тех или иных субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: устойчивое развитие; сельские территории; элементы управления; региональная политика; институциональное обеспечение; стратегическое планирование

Для цитирования: Колокольцев А.В. Стратегическое планирование развития сельских территорий: региональные особенности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):120-129. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-120-129

ORIGINAL PAPER

Strategic Planning of Rural Development: Regional Features

A.V. Kolokoltsev

Penza State Agrarian University, Penza, Russian Federation

ABSTRACT

The article discusses the theoretical and practical aspects of the elements of sustainable rural development. The author conducts a systematic analysis of the existing elements that ensure the sustainability of rural territorial formations, and identifies key institutional, economic and social factors that affect their effectiveness, as well as provides recommendations on the use of mechanisms that will have the most effective impact on the problem. Special attention is paid to strategic planning tools and regional specifics of the use of mechanisms, as well as the sphere of intersectoral interaction and participation of local communities in sustainable development processes. The paper analyzes in detail the existing models of rural management, including mechanisms of state support, infrastructural development and social protection of rural population, including mechanisms of state support, infrastructural development and social protection of rural population. The author explores current trends in rural digitalization, the development of the agro-industrial complex and environmental well-being. Based on the results of the study, specific recommendations are proposed for improving the

elements of sustainable development, taking into account regional specifics. The practical significance of the work lies in the possibility of using the proposed recommendations in the development of regional rural development programs and the formation of an effective agricultural management system. Based on the results of the work, conclusions were drawn about the current state of state policy in the field of sustainable rural development, and the main elements implemented in various regions of the Russian Federation were highlighted.

Keywords: sustainable development; rural areas; management elements; regional policy; institutional support; strategic planning

For citation: Kolokoltsev A.V. Strategic planning of rural development: Regional features. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):120-129. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-120-129

ВВЕДЕНИЕ

Современное развитие сельских территорий сталкивается с рядом комплексных вызовов, обусловленных как внутренними социально-экономическими трансформациями, так и внешними глобальными тенденциями — урбанизацией, изменением климата, миграцией трудовых ресурсов и истощением природных ресурсов. В условиях нарастающей дифференциации регионального развития и социального неравенства проблема обеспечения устойчивости сельских территорий приобретает особую актуальность. Несмотря на значительный потенциал сельских территорий в аграрной, рекреационной, экологической и культурной сферах, многие из них остаются зонами с пониженной инвестиционной привлекательностью, дефицитом инфраструктуры и демографическим спадом.

Постановка проблемы заключается в необходимости комплексного анализа элементов, обеспечивающих устойчивое развитие сельских территорий, в контексте повышения их социальной, экономической и экологической устойчивости. Существующие подходы к управлению сельским развитием нередко фрагментарны, лишены системности и не учитывают особенности локального контекста. Это затрудняет реализацию государственной политики в сфере устойчивого развития на местах и снижает эффективность принимаемых решений.

Целью настоящей работы является анализ и систематизация существующих элементов устойчивого развития сельских территорий на примере территориальных единиц Приволжского федерального округа Российской Федерации, а также разработка авторского подхода к механизмам устойчивого развития, обеспечивающим их долгосрочную жизнеспособность и повышение качества жизни населения.

Теоретическое обоснование исследования базируется на концепции устойчивого развития, закреплённой в ряде международных и национальных стратегических документов, включая Повестку дня

в области устойчивого развития до 2030 г. (ООН)¹, а также отечественные научные подходы к территориальному развитию, теории региональной экономики и институциональной теории. Устойчивое развитие сельских территорий понимается как сбалансированное взаимодействие социального, экономического и экологического компонентов при условии сохранения потенциала для будущих поколений. Комплексный анализ действующих механизмов позволяет выявить барьеры и ресурсы развития, что в перспективе будет способствовать формированию эффективных управленческих решений на всех уровнях власти [1].

Таким образом, необходимость научной рефлексии над элементами устойчивого развития сельских территорий обусловлена как практическими задачами регионального управления, так и теоретической потребностью в разработке универсальных и адаптивных моделей устойчивого развития в условиях трансформирующегося социоэкономического ландшафта.

Условия исследования определяются многоуровневым характером пространственного управления в Российской Федерации, в частности — сочетанием федеральных, региональных и муниципальных программ, направленных на развитие сельских территорий. Исследование проводилось в условиях реализации государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» (2020–2030 гг.)², а также в контексте задач, обозначенных в Стратегии пространственного развития РФ и национальных проектах.

Материалы исследования включают:

1) официальную статистику Пензастата, Росстата, Минсельхоза России; нормативно-правовые документы федерального и регионального уровней («Комплексное развитие сельских территорий» (2020–2030 гг.)³; региональные стратегии социально-

¹ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/>

² URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdzD7rZAw0FaFjnA79v.pdf>

³ URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdzD7rZAw0FaFjnA79v.pdf>

экономического развития следующих областей РФ: Республики Татарстан до 2030 г.⁴; Республики Башкортостан на период до 2030 г.⁵; Нижегородской обл. до 2035 года⁶; Пермского края до 2035 года⁷; Самарской обл. на период до 2030 г.⁸; Саратовской обл. до 2030 г.⁹;

2) данные мониторинга реализации программ в муниципальных образованиях;

3) научные публикации и экспертные доклады по теме устойчивого развития.

Методы исследования включают:

- системный анализ — для обобщения информации о механизмах устойчивого развития;
- сравнительно-территориальный анализ — для оценки различий в реализации элементов устойчивости в разных муниципальных районах;
- контент-анализ стратегических документов и программ;
- кейс-анализ — на примере Пензенской области.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Концепция устойчивого развития, предложенная в докладе Брундтланд (1987)¹⁰, получила дальнейшее развитие в международных стратегических документах, включая Повестку дня до 2030 г.¹¹ В контексте сельских территорий устойчивое развитие предполагает баланс между экономическим ростом, социальной стабильностью и экологическим равновесием. Как правило, данный баланс не достигается в реальных условиях их взаимодействия, а превалирует какой-то один элемент. Из-за этого во многих регионах Российской Федерации наблюдается значительный перекося в сторону одного из факторов, что замедляет развитие территории [2].

Рассмотрим, что включает в себя каждый из этих элементов, чтобы убедиться в важности и сложности синхронизации всех механизмов устойчивого развития:

1. Социальная устойчивость — качество жизни, демография, социальная инфраструктура.

2. Экономическая устойчивость — многоукладность экономики, занятость, доходы.

3. Экологическая устойчивость — рациональное природопользование, охрана окружающей среды.

4. Также отдельно выделяют институциональную устойчивость — эффективное управление, участие населения, правовое обеспечение [2].

Мы видим, что многогранность механизмов не позволяет в одинаковой степени заниматься их развитием. Стоит лишь обратиться к территориальному расположению субъекта Федерации, как становится ясно, что природопользование развито везде на кардинально разном уровне и привести все к общему знаменателю просто не представляется возможным.

В рамках исследования необходимо обратиться к мнению различных авторов, которые ранее занимались изучением данной темы и сформировали определенное понимание о том, как работают механизмы устойчивого развития сельских территорий. Результаты исследования теоретического материала по теме представлены в *табл. 1*.

Как мы видим, авторы дают различные трактовки того, что будет наиболее эффективным для повышения устойчивости сельских территорий. Каждый из них предлагает свое видение и свой вектор развития. На практике картина примерно похожая, есть много мнений о том, в каком направлении необходимо двигаться, чтобы достичь желаемого результата, но специалисты не могут прийти к единому мнению из-за отсутствия четко сформированного общего плана действий.

«Стратегия устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 года», утвержденная Правительством Российской Федерации, была призвана внести ясность и дать определенный вектор развития. Но, как показывает практика и как мы можем наблюдать из *табл. 1*, каждый специалист сделал свои выводы из предложенной стратегии и на ее основании сформировал основные элементы и направления деятельности.

По мнению автора, приоритетные элементы устойчивого развития сельских территорий обычно группируются вокруг трех ключевых измерений — экономического, социального и экологического. Для сельских территорий они приобретают особую специфику:

1. Экономические приоритеты:

- развитие диверсифицированной экономики: не только сельское хозяйство, но и переработка, туризм, ремесла, «зеленые» технологии;

⁴ URL: <https://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm>

⁵ URL: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/other/398160/>

⁶ URL: <https://nn-invest.ru/region/strategy/>

⁷ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7160a63eee06246127f1e7f8519d0236/proekt_strategii.pdf

⁸ URL: https://economy.samregion.ru/programmy/strategy_programm/proekt_strateg/

⁹ URL: <https://saratov.gov.ru/gov/docs/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-saratovskoy-oblasti-do-2030-goda/>

¹⁰ URL: https://www.alor.org/Storage/Library/PDF/Our_Common_Future_Brundtland_Report1987.pdf

¹¹ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/>

Таблица 1 / Table 1

**Сущность элементов устойчивого развития, по мнению различных авторов /
The essence of the elements of sustainable development, according to various authors**

Автор / Author	Описание подхода / Description of the approach	Элементы устойчивого развития / Elements of sustainable development
Е.Г. Коваленко [3]	В центре подхода – организационно-экономический механизм, включающий многоуровневую координацию: федеральную, региональную и муниципальную власть, при четком распределении полномочий и стимулировании партнерств между государством, наукой, бизнесом и локальными инициативами. Одновременно предлагается мониторинг демографической устойчивости, через набор экологических, экономических и социальных индикаторов с последующим нормированием и балльной оценкой территориального состояния	Политика, местные ресурсы, партнеры
О. В. Шумакова, М.А. Рабканова [4, 5]	Рассматривают устойчивое развитие как контролируемый динамический процесс, где рост социальных, экономических и экологических показателей отслеживается через стандартизированную систему мониторинга. Дополнительно вводят инструменты для инвестиционного привлечения, агродиверсификации, вовлечения инноваций и комплексной поддержки хозяйств, которые учитывают ресурсный и культурно-исторический потенциал регионов	Население, культура, экология
А. В. Костяев [6]	Упор на межведомственное сотрудничество, активизацию институтов местного управления, планирование, выявление депрессивных районов и рекомендации по их реабилитации	Развитие институтов и правовых норм
Л. А. Третьякова*	Рассматривают устойчивость как стабильное социальное развитие сельского общества, упор на воспроизводство населения, социальную сплоченность и культурную целостность. Признают, что понятие требует мультидисциплинарного подхода	Баланс функций, социальная устойчивость
И.А. Морозова [7]	Выделены институциональные и социальные факторы: автор рассматривает ключевые драйверы УРСТ – организационные структуры, правовое пространство, развитие институтов и правила местного управления как основу устойчивого развития	Диагностика, моделирование, кластеризация
Л. В. Прохорова, Н.В. Максимец [8]	Определяют устойчивое развитие как переход сообщества на новый уровень, совмещающий экономическую эффективность и экологическую безопасность, а также социальную составляющую (воспроизводство, условия жизни)	Экономика, воспроизводство, экология
В.В. Леонтьева [9]	Рассматривает сельские территории как сложную территориально-отраслевую социально-экономическую систему. Устойчивое развитие трактуется через выполнение народно-хозяйственных функций, расширенное воспроизводство населения, рост уровня жизни, экономическую эффективность и экологическую безопасность	Структурирование, экология, воспроизводство

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Примечания / Notes: * Третьякова Л.А. Организационно-экономические основы устойчивого развития сельских территорий. Орел: изд-во Орел ГАУ; 2008. 360 с.

- поддержка фермерства и кооперации: малые и средние хозяйства, сельхозкооперативы;
- инфраструктура и цифровизация: транспорт, связь, интернет, логистика для сбыта продукции.

Создание рабочих мест на месте: чтобы снизить миграцию молодежи в города.

2. Социальные приоритеты:

- качество жизни: доступ к медицине, образованию, культуре, спорту;
- социальная справедливость: поддержка малообеспеченных, равные возможности для женщин и молодежи;
- сохранение и развитие сельских сообществ: культурное наследие, традиции, идентичность;
- повышение участия населения в принятии решений (местное самоуправление, инициативные проекты).

3. Экологические приоритеты:

- рациональное использование природных ресурсов: земля, вода, леса;
- экологически чистое производство (органическое земледелие, сокращение химизации);
- сохранение биоразнообразия и сельских ландшафтов;
- адаптация к изменению климата: внедрение устойчивых агротехнологий, энергосбережение [3].

Вместе с этим, выделим систему показателей, которые будут наиболее полно отвечать на вопрос о целесообразности изучения данных элементов и отражать реальную картину мира при формировании плана по развитию региона.

1. Экономические показатели:

- доходы населения (среднедушевой доход, уровень бедности);
- занятость и безработица (доля занятых в сельском хозяйстве и несельских отраслях, миграция);
- диверсификация экономики (число малых и средних предприятий, доля несельхоздоходов в экономике села);
- инфраструктурная обеспеченность (дороги, транспорт, интернет, газификация, энергоснабжение);
- инвестиции (объем инвестиций на душу населения, доля привлеченных средств в сельскую экономику).

2. Социальные показатели:

- доступность социальных услуг (число школ, детсадов, ФАПов/больниц на 1000 жителей, обеспеченность кадрами);
- качество жизни (жилищные условия, благоустройство, доступ к культуре и спорту);
- миграционные процессы (отток/приток населения, доля молодежи);

- образование (уровень охвата средним и высшим образованием, квалификация работников);
- социальное участие (активность НКО, сельских инициативных групп, местного самоуправления).

3. Экологические показатели:

- состояние земельных ресурсов (доля эродированных земель, уровень плодородия почв);
- биологическое разнообразие (сохранность лесов, лугов, охраняемых территорий);
- качество воды и воздуха (доля загрязненных источников, наличие очистных сооружений);
- доля экологически чистого производства (органическое земледелие, сокращение химических удобрений);
- использование возобновляемых источников энергии (солнечные, ветровые, биогазовые установки) [4].

По мнению автора, изучение вопроса просто необходимо начать с изучения региональных особенностей территории, так как протяженность России и ее культурные различия в разных областях оказывают слишком сильное влияние на развитие сельских территорий и на те элементы, которые стоит применять.

Устойчивое развитие сельских территорий в России должно быть реализовано с учетом региональных особенностей: социально-демографической структуры, природных условий, хозяйственной специализации, институционального потенциала и инфраструктурной обеспеченности. Рассмотрим практику применения ключевых элементов на примере территориальных единиц Приволжского федерального округа Российской Федерации (табл. 2). За основу анализа взяты регионы, в которых население превышает 2 млн чел. Такой отбор необходим для того, чтобы проанализировать именно наиболее развитые и густонаселенные регионы, а также для детального изучения вопроса.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Из межрегионального анализа видно, что успешные практики реализации стратегий устойчивого развития наблюдаются, когда учтены индивидуальные особенности региона, будь то социально-демографические особенности, культурные или территориальные.

Если говорить о Республике Татарстан, то там реализованы стратегии институционального лидерства, которые означают высокую эффективность управления и межуровневое взаимодействие. В Республике Башкортостан и Нижегородской области большое внимание уделяется финансированию

Таблица 2 / Table 2

**Приоритетные элементы устойчивого развития регионов ПФО /
Priority elements of sustainable development of the Volga Federal District regions**

Регион / Region Key elements of development	Ключевые элементы развития / Key elements of development
Республика Башкортостан	Кластерные технологии — использование системного подхода для формирования интеграторов, кластерообразующих блоков, «сателлитов» и «точек роста» в сельских муниципалитетах — способствуют переходу от монофункциональной к полифункциональной модели, развитию производства и созданию рабочих мест. Поддержка малого и фермерского бизнеса — в Башкортостане насчитывается 4,6 тыс. фермерских и 570 тыс. ЛПХ, производящих более 65% сельхозпродукции. Субсидии государства на топливо, технику, кредиты, удобрения и консультации (сеть более 45 центров). В Республике выращивают зерновые, сахарную свеклу, подсолнечник, картофель, бахчевые культуры. Рекорд 2022 г. (за 36 лет): валовые сборы зерна превысили 5 млн т.; введен расширительный план для зернохранилищ ^а
Республика Татарстан	Внедрена система «Цифровое сельское хозяйство» (мониторинг урожайности, контроль за техникой, автоматизация логистики). Программа «Наш двор» по развитию транспортной и социальной инфраструктуры (строительство школ, ФАПов (фельдшерско-акушерский пункт), спортивных объектов). Высокая степень межуровневой координации и стабильное финансирование программ за счет республиканского бюджета. Сочетание технологического развития и социальной направленности обеспечивает устойчивый рост и снижение диспропорций между сельскими и городскими территориями ^б
Нижегородская область	Субсидии: около 860 млн руб. на 129 проектов благоустройства, 22 жилых дома для работников села, строительство подъездных дорог (2024); более 1,7 млрд руб. (≈1,4 млрд федеральных + 400 млн областных), 139 проектов, 53 индивидуальных жилья, дороги к трем сельхозпредприятиям (2025). Поддержка для растениеводства, животноводства, переработки, обновления техники (≈3,8 тыс. единиц техники за 5 лет), внедрение цифровых и ресурсосберегающих технологий. Льготы для экотуризма: компенсация части процентной ставки по кредитам, приоритетная поддержка затрат на приобретение оборудования и инфраструктурных обновлений ^с
Пермский край	Проекты в поддержку этнокультуры: этно-ландшафтный фестиваль «Зов Пармы»: в г. Чердыни (свыше 22 тыс. участников в 2024 г.) (ярмарки народных ремесел, театральные выступления, ролевые игры и мастер-классы); мероприятия-соревнования в муниципалитетах Барда и Уинское (например, борьба Куреш) и брендинг. Субсидии и техника: более 1,3 млрд руб. федеральной поддержки, а также региональные субсидии до 30% капитальных затрат на строительство ферм. Поддержаны реконструкция и создание порядка 7300 мест в животноводстве, а также обработка и хранение 13 тыс. т зерна. Реализация проектов: финансируются газификация отдаленных районов, улучшение жилищных условий, водоснабжения, благоустройство, повышение занятости сельского населения ^д
Самарская область	За последние три года 143 семьи получили жилье по договорам социального найма, еще 65 — социальные выплаты на строительство или покупку жилья. В 2024 г.: 90 семей обеспечены жильем общей площадью свыше 5,5 тыс. м ² , 10 семей получили выплаты. Благоустройство и инфраструктура (2024): 76 проектов комплексного благоустройства: общественные пространства, прокладка инженерных коммуникаций, газо- и водоснабжения, очистные сооружения, ремонт дорог, школ и дошкольных учреждений, детских и спортивных площадок; обустройство общественных пространств и объектов социальной инфраструктуры ^е

Регион / Region Key elements of development	Ключевые элементы развития / Key elements of development
Саратовская область	Программа сохранения сельского населения на уровне ~24%, улучшения уровня доходов сельских домохозяйств до ~85% уровня городских и увеличение доли благоустроенного жилья в селах до ~19,5% к 2030 г. 1,7 млрд руб. выделено на строительство 42 домов, ремонт 10 дорог, благоустройство 21 территории и создание 15 социальных объектов. Мелиорация: обеспечение водой и орошение оросительно-обводнительного канала им. Е.Е. Алексеевского (протяженность – 126 км, снабжает водой территории и население 11 районов области, обеспечивает орошение 71,5 тыс. га сельхозугодий и поддерживает водоснабжение на 1,5 млн га) ^f

Источник / Source: Составлено автором по / Compiled by the author*

Примечания / Notes: a – URL: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/other/398160/>; b – URL: <https://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm>; c – URL: <https://nn-invest.ru/region/strategy/>; d – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7160a63eee06246127f1e7f8519d0236/proekt_strategii.pdf; e – URL: https://economy.samregion.ru/programmy/strategy_programm/proekt_strateg/; f – URL: <https://saratov.gov.ru/gov/docs/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-saratovskoy-oblasti-do-2030-goda/>

* URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://mcx.gov.ru/>

и инвестированию в аграрный сектор. За последние годы для нужд сельского хозяйства закуплено большое количество техники, которая позволяет регионам развиваться ускоренными темпами. В Пермском крае упор сделан на этнографическую идентичность региона, проводятся фестивали и соревнования, подчеркивающие важность сельских жителей как основоположников культурных ценностей края. В Самарской и Саратовской областях система развития нацелена на инфраструктурные изменения сельских территорий — это благоустройство дорог, предоставление жилья семьям, строительство школ и больниц.

Эти примеры показывают, что устойчивое развитие сельских территорий не имеет универсальной модели, но требует системности, вовлечения населения и гибкости в элементах реализации в зависимости от регионального контекста.

Для разработки рекомендаций по совершенствованию существующих элементов устойчивого развития и созданию новых автором было решено провести анализ и дать рекомендации на примере Пензенской области, чтобы наглядно отразить значимость индивидуальности подходов [5].

Пензенская область является преимущественно аграрным регионом с развитым сельским хозяйством и обширными сельскими территориями, которые охватывают более 70% площади региона¹².

¹² URL: <https://bigenc.ru/c/penzenskaia-oblast-khoziaistvo-sel-skoe-khoziaistvo-163bfbf>

Население области характеризуется устойчивым снижением в сельской местности, оттоком молодежи в крупные города, а также высокими показателями старения населения. В этих условиях актуальной задачей становится выработка адаптивных и действенных механизмов устойчивого развития сельских территорий.

В Пензенской области реализуется государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»¹³, в рамках которой осуществляется строительство объектов инфраструктуры, газификация и благоустройство сельских поселений. Примером может служить Каменский район, где реализуются проекты по строительству ФАПов, ремонту школ и прокладке дорог. Однако при анализе отчетных данных Министерства сельского хозяйства региона (2023)¹⁴ выявляется, что участие местных сообществ в разработке и мониторинге проектов остается крайне низким, что свидетельствует о формальном подходе к управлению развитием территорий. Преобладает вертикальный механизм реализации мер без горизонтальной координации.

Экономика сельских территорий области опирается преимущественно на крупные агрохолдинги (например, АО «Русмолко»¹⁵), в то время как малые формы хозяйствования и сельское предприниматель-

¹³ URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf>

¹⁴ URL: https://mcx.pnzreg.ru/gospodderzhka-apk/Годовой%20доклад_2023_на%20сайт.pdf

¹⁵ URL: <http://www.rusmolco.com/>

ство развиты слабо. По данным Пензастата (2023)¹⁶, в сельском хозяйстве региона доля занятых в личных подсобных и фермерских хозяйствах составляет менее 12% от общего числа занятых в аграрном секторе, что указывает на слабую диверсификацию экономики. В качестве положительного примера можно привести развитие кооперации в Нижнеломовском районе, где активно функционируют сельхозкооперативы, поддерживаемые региональными грантами. Однако масштаб таких инициатив пока ограничен, и они не приобрели системного характера.

В ряде сельских муниципалитетов Пензенской области наблюдается дефицит социальной инфраструктуры. Например, в Неверкинском и Башмаковском районах закрываются школы и отделения здравоохранения, что усиливает отток населения. Цифровизация сельской местности реализуется медленно. По данным регионального Минцифры¹⁷, лишь около 40% населенных пунктов обеспечены стабильным широкополосным интернетом, что затрудняет внедрение современных форм дистанционного образования, телемедицины и онлайн-сервисов.

Проблемы экологической устойчивости в регионе включают эрозию почв, загрязнение водоемов, вырубку лесов. При этом экологические меры на муниципальном уровне носят ограниченный характер. Отсутствует интеграция экологических программ в экономическое и пространственное планирование. Использование экологически ориентированных технологий аграрного производства (например, органическое земледелие) пока носит единичный характер [6].

На основе проведенного анализа по Пензенской области, а также анализа мнений различных авторов и практик реализации механизмов устойчивого развития можно предложить ряд элементов для реализации в Пензенской области, которые должны улучшить систему устойчивого развития:

1. Создание системы локального стратегического планирования с обязательным участием сельских жителей и НКО. Это позволит лучше понять запрос населения как непосредственных участников процесса преобразования. Вовлеченность людей скажется и на интересе жителей городов, что приведет к притоку не только рабочей силы, но и постоянных жителей.

2. Развитие малых форм хозяйствования и сельской кооперации через расширение грантовых и образовательных программ. Таким образом госу-

дарство покажет свое трепетное отношение к развитию и даст людям толчок для реализации важных инициатив, которые продвигнут и развитие региона.

3. Цифровизация сельской инфраструктуры, в том числе предоставление субсидий на развитие связи в отдаленных населенных пунктах, так как сейчас, в век технологий, не должно быть такого огромного разрыва в доступе к цифровым ресурсам между сельскими и городскими территориями, если мы стремимся к постоянному и регулярному развитию. Это касается абсолютно всех областей страны.

4. Интеграция экологических критериев в проектирование сельскохозяйственного производства и муниципальные стратегии. Данное мероприятие позволит получить результат на дистанции, реализовав концепцию «бережного производства» еще до запуска производственного процесса.

5. Развитие сельского туризма и культурных инициатив, что может стимулировать занятость и сохранить идентичность местных сообществ.

Помимо точечных рекомендаций для конкретного региона автором были разработаны рекомендации, которые призваны повысить эффективность механизмов устойчивого развития на государственном уровне [10]:

1. Укрепление институциональной базы — включение местных сообществ в принятие решений, формирование региональных кластеров устойчивости.

2. Финансовая децентрализация — увеличение доли собственных доходов муниципалитетов.

3. Развитие человеческого капитала — через программы поддержки молодежи, сельской педагогики и здравоохранения.

4. Интеграция экологических факторов в экономические модели и планирование.

5. Развитие цифровой инфраструктуры — как основа для повышения доступности услуг и вовлеченности населения.

ВЫВОДЫ

Механизмы устойчивого развития сельских территорий представляют собой совокупность институциональных, экономических, социальных и экологических инструментов, которые должны быть взаимосвязаны и адаптированы к региональным условиям. Отсутствие целостного подхода и слабая координация между уровнями власти затрудняют реализацию эффективной модели устойчивого развития. Необходим переход от фрагментарного управления к системному стратегическому планированию, ориентированному на долгосрочные цели и участие

¹⁶ URL: <https://58.rosstat.gov.ru/>

¹⁷ URL: <https://ui.pnzreg.ru/>

местных сообществ. Только при таких условиях можно обеспечить устойчивость сельских территорий как пространств жизни, труда и сохранения культурного наследия.

Цель статьи заключалась в исследовании элементов устойчивого развития сельских территорий на примере областей Приволжского федерального округа. По итогам анализа удалось установить, что Приволжский федеральный округ в целом и Пензенская область в частности являются лидерами страны по развитию сельского хозяйства. Регионы Приволжского федерального округа осуществляют системную политику в области развития сельских территорий и стремятся к повышению общего уровня состояния села.

Однако в исследованных регионах, как и во всей стране, существует проблема раздробленности в подходах к развитию сельских территорий. Существует множество программ развития, которые теоретически способны вывести сельские территории на новый уровень, но этот процесс не запускается из-за несогласованности существующих программ.

Был предложен ряд мероприятий и рекомендаций, которые призваны повысить уровень развития сельских территорий и решить проблему несогласованности программ развития. Но необходим комплексный подход к вопросу и участие всех государственных и социальных институтов, так или иначе относящихся к вопросу, чтобы достичь консенсуса и встать на единый путь развития сельских территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлова О.А. Модели устойчивого развития сельских территорий. *Продовольственная политика и безопасность*. 2025;12(2):393–406. DOI: 10.18334/ppib.12.2.122830
2. Шамин А.Е., Зуева С.В. Устойчивое развитие сельских территорий в региональной экономике страны. *Вестник НГИЭИ*. 2022;1(128):101–111. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-1-101-111
3. Коваленко Е.Г. Механизм устойчивого развития сельских территорий региона. *Современные проблемы науки и образования*. 2012;2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5823>
4. Шумакова О.В. Устойчивое развитие сельских территорий: понятие и сущность. *Фундаментальные исследования*. 2014;8(7):1643–1646. URL: <https://www.elibrary.ru/swoiar>
5. Рабканова М.А. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий (на материалах Омской области). Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Омск; 2014. 292 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01007534582.pdf
6. Костяев А.В. Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: теория, методология и методы исследования: автореф. дисс. доктора экономических наук. Санкт-Петербург; 2006. URL: <https://www.elibrary.ru/onxpxn>
7. Морозова И.А., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В. Исследование основных факторов устойчивости пространственного развития территорий с позиции системного подхода. *Экономика устойчивого развития*. 2020;3(43):76–83. URL: <https://www.elibrary.ru/ohcvnc>
8. Максимец Н.В. Модель устойчивого развития сельских территорий. *Инновационные технологии управления и права*. 2013;3(7):60–62. URL: <https://www.elibrary.ru/rtgyuy>
9. Леонтьева В.В. Статистическая оценка региональной дифференциации показателей экономического развития сельских территорий Алтайского края. *Вестник ИНЖЭКОНА. Сер. Экономика*. 2010;6:350–354. URL: <https://www.elibrary.ru/mwipwp>
10. Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Новикова И.И., Пархомов Е.А. Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации. *Экономика региона*. 2023;19(3):683–696. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-6

REFERENCES

1. Kozlova O. A. Models of sustainable rural development. Food policy and security. 2025;12(2):393–406. (In Russ.). DOI: 10.18334/ppib.12.2.122830
2. Shamin A. E., Zueva S. V. Sustainable rural development in the regional economy of the country. *Bulletin of the NGIEI*. 2022;1(128):101–111. (In Russ.). DOI: 10.24412/2227-9407-2022-1-101-111
3. Kovalenko E. G. The mechanism of sustainable development of rural areas in the region. Modern problems of science and education. 2012;2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5823> (In Russ.).
4. Shumakova O. V. Sustainable rural development: Concept and essence. *Fundamental research*. 2014;8(7):1643–1646. URL: <https://www.elibrary.ru/swoiar> (In Russ.).

5. Rabkanova M.A. Sustainable socio-economic development of rural areas (based on the materials of the Omsk region): diss. Cand. Sci. (Economics). Omsk; 2014. 292 p. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01007534582.pdf (In Russ.).
6. Kostyaev A. V. Territorial differentiation of agricultural production: Theory, methodology and research methods: diss. Dr. Sci. (Economics). Saint Petersburg; 2006. URL: <https://www.elibrary.ru/onxpxn> (In Russ.).
7. Morozova I.A., Shevchenko S.A., Kuzmina E.V. Investigation of the main factors of sustainability of spatial development of territories from the perspective of a systematic approach. *Economics of sustainable development*. 2020;3(43):76–83. URL: <https://www.elibrary.ru/ohcvnc> (In Russ.).
8. Maximets N. V. Model of sustainable rural development. *Innovative management and law technologies*. 2013;3(7):60–62. URL: <https://www.elibrary.ru/rtgyyj> (In Russ.).
9. Leontieva V.V. Statistical assessment of regional differentiation of indicators of economic development of rural territories of the Altai Territory. *Bulletin of INJEKON. Ser. Economy*. 2010;6:350–354. URL: <https://www.elibrary.ru/mwipwp> (In Russ.).
10. Zakshevsky V. G., Merenkova I. N., Novikova I. I., Parkhomov E. A. Sustainable rural development: A new perspective on assessment in the context of spatial localization. *The economy of the region*. 2023;19(3):683–696. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Викторович Колокольцев — аспирант кафедры «Управление, экономика и право», факультет экономики, Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Российская Федерация
Andrey V. Kolokoltsev — PhD Student of the Department of Management, Economics and Law, Faculty of Economics, Penza State Agrarian University, Penza, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0008-2568-8346>
kolokoltsev.andre@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.09.2025; принята к публикации 15.10.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 22.09.2025; accepted for publication on 15.10.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Опыт обучения в англоязычных школах в арабских странах — пример Эмирата Дубай

А.М. Хакки

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Представленное исследование посвящено анализу современного состояния частного школьного образования в Объединенных Арабских Эмиратах с фокусом на эмират Дубай. Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем как описательную статистику, так и углубленный количественный анализ. Ключевыми параметрами исследования выступили: количество частных учебных заведений с полностью англоязычной программой; сравнительный анализ стоимости обучения в частных и государственных школах. Проведенное исследование выявило следующие тенденции: значительный рост числа частных школ (с 169 до 220 учреждений за период 2015–2024 гг.); стабильность количества государственных школ (98 учреждений); существенный разброс в стоимости обучения в частных школах (от 43,000 до 120,000 дирхамов ОАЭ в год); сохранение бесплатного образования в государственных учреждениях для граждан ОАЭ. Частные образовательные учреждения характеризуются высоким уровнем преподавательского состава, включающим специалистов с учеными степенями и значительным международным опытом работы. Исследование подчеркивает важность усиления поддержки государственного образования с акцентом на использование арабского языка как основного языка обучения на начальных этапах. При этом предлагается поэтапный переход к англоязычному обучению для обеспечения доступа к международным научным ресурсам и современным знаниям.

Ключевые слова: образование в Дубае; школьное образование; образовательный опыт; английские школы; частные школы

Для цитирования: Хакки А.М. Опыт обучения в англоязычных школах в арабских странах — пример эмирата Дубай. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):130-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-130-136

ORIGINAL PAPER

The Experience of Studying in English-Speaking Schools in Arab Countries — the Case of the Emirate of Dubai

A.M. Hakki

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article used statistics on several factors to determine the reality of private school education in the United Arab Emirates—the Emirate of Dubai as an example. The study analyzed the data using both descriptive and statistical methods. The most important criteria included in this study were the number of private schools that use English as the language of instruction for all subjects and the annual tuition fees in both private and public schools. The research results revealed the following: From 2015 to 2024, the number of private schools increased from 169 to 220, an increase of 51 private schools, while the number of public schools remained unchanged at 98. In 2024, the lowest annual tuition fees in private schools (English-American) were approximately AED 43,000, while the highest was AED 12,000. Education in public schools remained free for all UAE citizens. Private schools attract highly qualified teachers (Masters and PhDs) with at least ten years of extensive international experience. This study demonstrated the need to intensify efforts to support public education and the necessity of using the mother tongue (Arabic) in all academic subjects, especially in the early years. Later, students can transition to learning using English to keep up with the latest subjects and benefit from the vast scientific content available in English.

Keywords: education in Dubai; school education; educational experience; English schools; private schools

For citation: Hakki A.M. The experience of studying in english-speaking schools in Arab Countries — the case of the Emirate of Dubai. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):130-136. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-130-136

ВВЕДЕНИЕ

Феномен англоязычного образования в арабском мире представляет собой радикальный сдвиг в образовательном ландшафте, обусловленный экономической глобализацией, развитием международного высшего образования и осознанием родителями важности изучения английского языка как международного. Эта модель больше не ограничивается престижными международными школами, но расширилась, включив в себя многие частные школы и даже некоторые государственные инициативы, внедряющие международные учебные программы (такие как Международный бакалавриат или Британско-американская учебная программа) или включающие английский язык в качестве основного языка обучения (английский как язык обучения — ЕМЛ) [1–6].

Эта трансформация обладает огромным потенциалом, таким как расширение доступа к престижным университетам по всему миру, повышение конкурентоспособности на международном рынке труда и углубление межкультурного взаимопонимания. Однако она также поднимает глубокие научные и эпистемологические вопросы, связанные с культурной идентичностью, социальной справедливостью и трудностями освоения языка, а также их влиянием на освоение учебных материалов и родных языков (например, арабского).

Исследования показывают, что успех англоязычной модели образования зависит от сложных и взаимосвязанных факторов, прежде всего от лингвистической и педагогической компетентности преподавателей, наличия соответствующих учебных материалов, поддержки родного языка и социально-культурного контекста учащихся. Многие из этих школ сталкиваются с проблемой достижения баланса между обеспечением свободного владения английским языком и сохранением лингвистических и культурных прав учащихся, сохраняющих свою арабскую идентичность [7–12].

Актуальность исследования

Определение соответствующих методов и программ для удовлетворения образовательных потребностей учащихся государственных и частных школ и повышения их квалификации, а также повышение качества государственного и частного образования, понимание реалий довузовской подготовки, повышение уровня знаний учащихся и приобретение ими различных навыков, сосредоточение внимания на английском языке как основном средстве приобретения различных наук, не пренебрегая родным языком (арабским), связь образовательного

процесса с местным и глобальным рынком труда и предоставление образовательным учреждениям необходимой информации для принятия соответствующих решений по развитию системы школьного образования и достижению устойчивости.

Цели исследования

Целью данного исследования является обзор государственного и частного школьного образования в Объединенных Арабских Эмиратах (на примере эмирата Дубай) в период с 2009 по 2022 год, а также перспективы развития системы довузовской подготовки. Для достижения этой цели исследование было сосредоточено на двух ключевых факторах: количестве государственных и частных школ и стоимости ежегодной платы за обучение как в государственных, так и в частных школах. В результате были разработаны соответствующие образовательные стратегии для достижения поставленных целей.

Материалы и методы исследования

Объединенные Арабские Эмираты стремятся развивать частное и государственное среднее (школьное) образование и повышать качество образовательных программ в соответствии с требованиями современной эпохи.

Научная новизна

В исследовании рассмотрены два ключевых показателя: количество частных и государственных школ и годовая плата за обучение в период с 2015 по 2025 год. Актуальность исследования обусловлена растущей ролью Дубая как международного образовательного центра и необходимостью системного анализа рынка образовательных услуг. Особое внимание уделяется динамике развития частного сектора и ценовой политике различных типов учебных заведений.

АНАЛИЗ РЫНКА ЧАСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ШКОЛ ДУБАЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Образовательный ландшафт эмирата Дубай характеризуется динамичным развитием частного сектора при сохранении стабильности государственного образования. Настоящее исследование представляет комплексный анализ текущего состояния школьного образования в эмирате, охватывая ценовые и качественные показатели обеих систем.

Таблица 1 показывает значительный рост количества частных школ в Дубае в период с 2015 по 2024 год: в 2015 г. их было около 169, а в 2024 г. — около 220.

За этот период количество частных школ увеличилось примерно на четверть, в то время как количество государственных школ осталось стабильным на уровне 98 за тот же период исследования.

Таблица 1 / Table 1

**Количество частных школ в Дубае (2015–2024) /
Number of private schools in Dubai (2015–2024)**

Учебный год / Academic year	Количество / Quantity
2015–2016	169
2016–2017	185
2017–2018	194
2018–2019	209
2019–2020	219
2020–2021	216
2021–2022	215
2022–2023	216
2023–2024	220

Источник / Source: составлено автором / Complied by the author¹.

В табл. 2 показана годовая плата за обучение в британских школах в Дубае в 2024 г. Из табл. 1 следует, что самая низкая годовая плата за обучение составляет 68,000 дирхамов ОАЭ, тогда как самая высокая зафиксированная стоимость обучения составила 120,800 дирхамов ОАЭ.

Таблица 2 / Table 2

**Ежегодная плата за обучение в британских
школах в Дубае в 2024 г. / Annual tuition fees
at British schools in Dubai in 2024**

Название школы / Name of the school	Диапазон годовой платы (дирхамы ОАЭ) / Annual Fee Range (UAE dirhams)
Dubai College	106,500–120,800
Jumeirah College	98,200–108,700
King's School Dubai	70,000–105,000
North London Collegiate School Dubai	96,000–120,500
Repton School Dubai	68,000–110,000
GEMS Wellington International School	63,000–100,000

Источник / Source: составлено автором / Complied by the author².

¹ URL: <https://www.khda.gov.ae/en/statistic>

² URL: <https://www.khda.gov.ae/en/directory>; <https://www.khda.gov.ae/ar/publications/landscape2023>

Из таблицы 3 следует, что самая низкая годовая плата за обучение в американских школах в Дубае в 2024 г. составляет 43,000 дирхамов ОАЭ, тогда как самая высокая стоимость обучения составила 140,500 дирхамов ОАЭ.

Таблица 3 / Table 3

**Ежегодная плата за обучение в американских
школах в Дубае в 2024 г. / Annual tuition fees
at American schools in Dubai in 2024**

Название школы / Name of the school	Диапазон годовой платы (дирхамы ОАЭ) / Annual Fee Range (UAE dirhams)
American School of Dubai (ASD)	95,800–140,500
Dubai American Academy (DAA)	75,800–110,600
Universal American School	49,000–74,000
GEMS American Academy	70,500–103,500
American International School Dubai	43,000–72,000

Источник / Source: составлено автором / Complied by the author³.

В табл. 4 показана годовая плата за обучение в школах Международного бакалавриата (IB) в Дубае в 2024 г.: самая низкая годовая плата составила 55,000 дирхамов ОАЭ, самая высокая — 120,000 дирхамов ОАЭ.

Таблица 4 / Table 4

**Ежегодная плата за обучение в школах
Международного бакалавриата (IB) в Дубае
в 2024 г. / Annual tuition fees for International
Baccalaureate (IB) schools in Dubai in 2024**

Название школы / Name of the school	Диапазон годовой платы (дирхамы ОАЭ) / Annual Fee Range (UAE dirhams)
Dubai International Academy (DIA)	59,000–89,000
GEMS World Academy Dubai	80,000–120,000
Swiss International Scientific School	75,000–115,000
Jumeira Baccalaureate School	65,000–95,000
Uptown International School	55,000–80,000

Источник / Source: составлено автором / Complied by the author⁴.

³ Там же

⁴ Там же

Регулирование стоимости обучения в государственных школах Дубая осуществляется уполномоченными государственными структурами. Как правило, для граждан ОАЭ образование в государственных школах бесплатное, а оплата для школьников-экспатов составляет 13,000 дирхамов ОАЭ в год.

ОБУЧЕНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ШКОЛАХ ДУБАЯ: СКРЫТЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Англо-американские школы в Дубае обладают высококвалифицированным преподавательским составом и находятся под контролем Управления по вопросам знаний и развития человека (KHDA). Минимальные требования — степень бакалавра и сертификат преподавателя, но престижные школы конкурируют за преподавателей с высокой квалификацией (степень магистра, доктора) и обширным международным опытом (более десяти лет) преподавания по британским и американским программам.

Методика обучения на неродном для детей языке требует тщательного рассмотрения, поскольку, несмотря на определенные плюсы, существует серьезная проблема, особенно критичная в раннем возрасте или при недостаточном уровне предварительной подготовки учащихся.

Перечислим наиболее существенные недостатки и достоинства, выделенные в исследовании и разделенные на пять основных категорий.

I. Академические и когнитивные недостатки

1. Языковой барьер существенно затрудняет освоение сложных учебных дисциплин. Учащиеся вынуждены тратить значительную часть внимания на перевод и толкование терминов, вместо того чтобы концентрироваться на сути изучаемых концепций в математике, естественных науках и истории.

2. Механическое запоминание становится основным методом обучения при языковых трудностях. Ученики заучивают факты и информацию без глубокого осмысления, что противоречит фундаментальной задаче образования — формированию навыков критического и аналитического мышления.

3. Диссонанс способностей проявляется в разрыве между реальным уровнем знаний ученика и возможностью их демонстрации. Даже при хорошем понимании материала и наличии интуитивного восприятия темы слабое владение языком обучения мешает вербальному выражению идей и полноценному участию в экзаменах и дискуссиях, что негативно сказывается на оценках и самооценке.

4. Высшие когнитивные функции страдают из-за языковых ограничений. Навыки анализа, син-

теза, оценки и творческого мышления требуют свободного владения языком, позволяющего гибко манипулировать понятиями и идеями. В условиях обучения на неродном языке развитие этих компетенций существенно затруднено.

II. Психологические и социальные недостатки

1. Снижение самооценки и эмоциональная подавленность: постоянный дискомфорт от невозможности ясно выразить свои мысли или полноценно понять учебный материал приводит к развитию комплекса неполноценности. Ученик начинает воспринимать себя менее способным по сравнению с одноклассниками, для которых язык обучения является родным или хорошо освоенным.

2. Страх коммуникации и социальная тревожность: значительное число учащихся испытывает выраженный психологический дискомфорт, который препятствует их активному участию в учебном процессе. Опасаясь совершить ошибку или стать объектом насмешек, они избегают задавать вопросы и участвовать в обсуждениях, что существенно замедляет их образовательный прогресс.

3. Культурный диссонанс и кризис идентичности: применение в образовательном процессе языка доминирующей культуры (например, английского или французского) нередко приводит к обесцениванию родного языка и культурных традиций учащегося. Это может вызвать внутренний конфликт, ощущение раздвоенности и ослабление связи с собственной культурной идентичностью.

4. Трудности социальной интеграции: ограниченный уровень владения языком общения создает существенные препятствия для построения межличностных отношений и взаимодействия со сверстниками. В результате ученик может оказаться в ситуации социальной изоляции в школьной среде, что негативно влияет на его эмоциональное благополучие и общее развитие.

III. Негативное влияние на родной язык и самоидентификацию учащихся

1. Деграция родного языка и его маргинализация: когда в образовательном процессе доминирует второй язык, родной язык учащихся постепенно вытесняется в сферу неформального общения. Это негативно сказывается на развитии академических компетенций и сокращает лингвистический потенциал ученика. Возникает риск частичной утраты и обесценивания родного языка и прерывания передачи культурных традиций между поколениями. Вместо обогащения словарного запаса и углубления понимания смыслов на родном языке учащиеся осваивают их на иностранном, что порой приводит

к негативному эффекту: недостаточному владению как иностранным, так и родным языком в академическом контексте.

2. Диссонанс семейного образования: родители, не владеющие иностранным языком, оказываются не в состоянии полноценно участвовать в образовательном процессе своих детей. Они не могут эффективно помогать с домашними заданиями или обсуждать школьные темы, что лишает семью возможности выполнять свою поддерживающую функцию в обучении и создает разрыв между школьным и домашним опытом ребенка.

3. Утрата культурного наследия: язык является носителем культурной идентичности и способа мышления. Игнорирование родного языка неизбежно приводит к пренебрежению связанным с ним культурным богатством — литературой, историей, народными традициями. Это способствует разрыву межпоколенческих связей и потере важной части культурной идентичности.

IV. Методологические и прикладные недостатки

1. Социальное неравенство в образовании: подобная система создает преимущества для ограниченного круга учащихся, имеющих прочную базу иностранного языка. Как правило, это дети из материально обеспеченных семей или выпускники престижных учебных заведений. Ученики из менее благополучных слоев общества оказываются в невыгодном положении, что усугубляет существующий разрыв в качестве образования между различными социальными группами.

2. Повышенные требования к педагогическому составу: в рамках данной модели преподаватели должны одновременно демонстрировать высокий уровень владения предметом и безупречное знание иностранного языка. К сожалению, далеко не всегда удается найти специалистов, соответствующих этим критериям, что неизбежно сказывается на качестве образовательного процесса.

3. Формальный подход к обучению: образовательный процесс смещается от передачи фундаментальных знаний к освоению самого языка. В результате главным приоритетом становится успешная сдача языкового экзамена, а не глубокое понимание научных дисциплин.

V. Социальные последствия внедрения такой системы на уровне сообщества

1. Культурная зависимость от стран-носителей языка: образование на иностранном языке усиливает интеллектуальную и культурную зависимость от государств, чей язык используется в обучении. Это происходит потому, что образовательные ре-

сурсы и знания потребляются на чужом языке, при этом снижается способность создавать знания на местном языке.

2. Социальная стратификация: формируется разделенная система образования, которая готовит небольшую группу элиты, владеющей международным языком. При этом основная часть общества, использующая местный язык, может столкнуться с трудностями в освоении современных научных дисциплин, что ведет к углублению социального расслоения.

Несмотря на перечисленные негативные моменты, использование английского языка в качестве основного языка школьного образования (в неанглоязычной стране) — это подход, обладающий значительными преимуществами, особенно в свете глобализации и нынешнего доминирования английского языка в академической и профессиональной сферах.

Перечислим наиболее важные моменты, разделив их на три категории.

I. Академические и когнитивные достижения

Доступ к первоисточникам в сфере науки обеспечивается благодаря английскому языку, выступающему глобальным языком научного сообщества. Преобладающее большинство научных публикаций в авторитетных журналах, академических сборниках и базах данных (включая JSTOR и ScienceDirect) представлены на английском языке. Обучение на английском дает студентам возможность оперативно получать актуальную информацию без необходимости ожидания переводов, которые могут быть несвоевременными или неточными. Чтение оригинальных материалов способствует более глубокому пониманию предмета и своевременному ознакомлению с новейшими достижениями различных областей науки.

Развитие критического мышления происходит при изучении сложных дисциплин (таких как философия, сравнительное литературоведение и политология) на иностранном языке. Этот процесс требует от студентов повышенного внимания к значению, контексту и точности формулировок, что способствует совершенствованию аналитических и критических навыков.

Упрощение получения высшего образования достигается благодаря тому, что многие образовательные программы в престижных университетах мира, включая магистерские программы в неанглоязычных странах, проводятся на английском языке. Студенты, привыкшие к англоязычному обучению, легче адаптируются

к университетской среде и достигают успехов в учебе, избегая языковых барьеров.

II. Профессиональные и трудовые льготы

Расширение возможностей трудоустройства: как на мировом, так и на местном рынке труда отдают предпочтение выпускникам со знанием английского языка. Это открывает возможности трудоустройства в транснациональных корпорациях (ТНК).

Сферы технологий, программирования, туризма, гостиничного бизнеса, дипломатии, международных отношений, научных исследований и академической сферы обеспечивают глобальное конкурентное преимущество.

Владение английским языком на академическом и профессиональном уровне открывает выпускникам глобальные карьерные возможности, позволяя работать как в своей стране, так и в любой точке мира. Это значительно расширяет их профессиональные горизонты и повышает конкурентоспособность на международном рынке труда.

Изучение культурных особенностей в процессе языкового образования помогает студентам не только освоить язык, но и понять его культурный контекст. Это знание позволяет эффективно взаимодействовать с международными коллегами и клиентами, соблюдая нормы делового этикета разных стран.

Обучение на английском языке создает эффект полного погружения, где студенты используют его как инструмент для изучения других дисциплин и повседневного общения. Такой подход обеспечивает:

- глубокое владение языком на продвинутом уровне;
- богатый академический и профессиональный словарный запас;
- улучшенное произношение и речевые навыки;
- естественное усвоение языка через постоянную практику.

Изучение гуманитарных и научных дисциплин на английском языке знакомит студентов с различными культурными перспективами, развивает критическое мышление и способствует межкультурному взаимопониманию. Это также готовит их к участию в международных мероприятиях:

- научных конференциях и симпозиумах;
- всемирных предметных олимпиадах;
- международных образовательных программах;
- глобальных профессиональных сообществах.

Такой комплексный подход не только развивает языковые навыки, но и формирует глобальное мышление, готовя студентов к успешной деятельности в международной среде.

III. Современные технологии

Современные технологии и программирование в значительной степени ориентированы на английский язык. Студенты, владеющие английским, получают доступ к ключевым ресурсам и возможностям в этих областях, что позволяет им:

- работать с профессиональными программными интерфейсами и приложениями;
- изучать программирование по первоисточникам;
- использовать МООС и техническую документацию;
- участвовать в международных IT-проектах;
- осваивать передовые достижения в области искусственного интеллекта.

Привлечение талантов и инвестиций обеспечивается благодаря развитой системе англоязычного образования, делающей страну привлекательной для иностранных специалистов и инвесторов.

Унификация образовательного процесса в многоязычных странах достигается за счет использования английского языка как нейтрального средства обучения, обеспечивающего равные возможности для представителей всех этнических групп.

ВЫВОДЫ

Важно отметить, что изучение иностранных языков является жизненно важным в современном мире. Однако существует проблема, связанная с тем, что их часто используют в качестве единственного средства обучения, а не как самостоятельную цель изучения языка.

Успешные образовательные модели обычно строятся на двуязычной основе или преимущественно опираются на родной язык на ранних этапах обучения. После того как ученик освоит родной язык и базовые знания, иностранный язык постепенно и систематически вводится как средство обучения.

Такой подход позволяет достичь баланса между сохранением культурной идентичности и развитием когнитивных способностей, с одной стороны, и открытостью к миру и освоением международных инструментов коммуникации — с другой.

REFERENCES

1. Belhiah H. English as a Medium of Instruction in the Gulf: When students and teachers speak. *Language Policy*. 2015;49(2):414–421. DOI: 10.1007/s10993-014-9336-9

2. Al-Bakri S. The impact of English-medium education on academic achievement and Arab identity: A case study from Jordan. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. (2019);22(5):589–603. DOI: 10.1080/13670050.2017.1306027
3. Taylorson J., Miles P. Applying a psychological lens to educators' professional identity: The case of English for Academic Purposes educators. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2025;13(3). DOI:10.1002/rev3.70102
4. Belhiah H. Instruction through the English Medium and its Impact on Arab Identity. *Arab World English Journal*. 2016;7(2):342–357. DOI: 10.24093/awej/vol7no2.23
5. Zakharia Z. Language-in-education policies and practices in the Arab world: Pathways to equitable plurilingualism. *Language Policy and Political Issues in Education*. 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-02344-126
6. Randall M., Samimi M.A. The status of English in Dubai: A transition from Arabic to English as a lingua franca. *English Today*. 2010;26(1):43–50. DOI: 10.1017/S 0266078409990617
7. Taha-Thomure H. The status of Arabic language teaching today. *Education, Business and Society: Contemporary Middle Eastern Issues*, 2019.2(3):186–192.
8. Rida H., Melanie C. School improvement in the United Arab Emirates: A Study of Three Schools in Dubai. 2019. DOI: 10.18502/kss.v3i19.4893
9. Eman G., Melissa A. Leadership for Inclusion in the United Arab Emirates: A Holistic Conceptualisation. 2023. DOI: 10.1080/13603116.2021.1968516
10. Sarah H. The impact of English-medium instruction on the identity and cultural capital of university students in the UAE. 2024. DOI: 10.1080/01434632.2021.1926959
11. Melanie H., David C. Teachers' perceptions of the effectiveness of the reform of English language instruction in the primary cycle in state schools in the UAE. 2023. DOI: 10.1080/03004279.2022.2154394
12. Rana T., Saida A., The Status of STEM/STEAM Learning in the United Arab Emirates. *Narrative Review*. DOI: 10.3390/su142316857

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Аднан Мухаммад Али Хакки — кандидат технических наук, доцент, кафедра математики и анализа данных факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Adnan M. Hakki — PhD (Math.), Assoc. Prof., Department of Mathematics and Data Analysis, Faculty of Information Technology and Big Data Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0245-9061>

ahakki@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.09.2025; принята к публикации 27.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.09.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-137-145
УДК 796.03:331.101.1(47+57)(091)«1920/1930»(045)

Советская модель производственной физкультуры в контексте государственной социально-трудовой политики

Е.В. Барышева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В истории становления и развития физкультурного движения в СССР существует немало ярких и значимых страниц. Особое место в 1920–1930-е гг. занимает производственная физкультура, становление которой было непосредственно связано с экономической необходимостью повышения производительности труда и улучшения показателей промышленного производства. В статье подробно рассматриваются цели, методы и ключевые аспекты формирования и развития системы производственной физкультуры в указанный период. Разрабатываемые методы применения различных форм физической культуры на производстве проходили апробацию на предприятиях, подвергались тщательному анализу, получали научное обоснование и в дальнейшем распространялись в виде официальных инструкций для повсеместного использования. Производственная гимнастика представляла собой не только инструмент заботы о здоровье рабочих, но и эффективное средство формирования коллективистской идентичности в рамках концепции построения «нового человека», что соответствовало ключевым идеологическим установкам советского государства того времени. Актуальность изучения опыта производственной физкультуры 1920–1930-х гг. обусловлена несколькими важными факторами, изложенными в настоящей статье, позволяет не только переосмыслить уникальный опыт, но и создать современные программы физической активности на производстве, разработать эффективные методики адаптации работников к условиям труда, внедрить научно обоснованные подходы к организации рабочего процесса, сформировать здоровую корпоративную культуру, повысить общую производительность труда. Таким образом, исторический опыт производственной физкультуры представляет собой ценный ресурс для развития современных подходов к организации труда и заботе о здоровье работников.

Ключевые слова: СССР в 1920–1930-е гг.; советское физкультурное движение; производственная физкультура; повышение эффективности труда; формирование «нового человека»; научное обоснование физической культуры

Для цитирования: Барышева Е.В. Советская модель производственной физкультуры в контексте государственной социально-трудовой политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):137-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-137-145

ORIGINAL PAPER

The Soviet Model of Workplace Physical Exercises in the Context of State Social and Labor Policy

E.V. Barysheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

There are many bright and significant pages in the history of the formation and development of the physical culture movement in the USSR. A special place in the 1920–1930s is occupied by industrial physical education, the formation of which was directly related to the economic need to increase labor productivity and improve industrial production indicators. The article examines in detail the goals, methods and key aspects of the formation and development of the industrial physical education system in this period. The developed methods for applying various forms of physical education in production were tested at enterprises, subjected to careful analysis, received scientific justification and were subsequently distributed in the form of official instructions for widespread use. Industrial gymnastics was not only a tool for caring for the health of workers, but also an effective means of forming a collectivist identity within the framework of the concept of building a “new man”, which corresponded to the key ideological principles of the Soviet state of that time.

Keywords: USSR in the 1920s–30s; soviet physical culture movement; industrial physical culture; increasing labor efficiency; formation of the “new man”; scientific justification of physical culture

For citation: Barysheva E.V. The Soviet model of workplace physical exercises in the context of state social and labor policy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):137-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-137-145

© Барышева Е.В., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Производственная физкультура в СССР — уникальный пример государственного регулирования физической активности трудящихся, сочетавшего прагматизм (повышение эффективности труда) и идеологию (формирование «нового человека»).

Физкультура на производстве и производственная гимнастика в СССР были важной частью государственной политики. В 1920–1930-е гг. это направление физкультурного движения получило научное обоснование и практическую реализацию.

Главными задачами производственной физкультуры были:

- повышение производительности труда — физкультура способствовала рационализации рабочих процессов, боролась с утомлением и обеспечивала профилактику профзаболеваний;
- укрепление здоровья рабочих — улучшалась физическая форма трудящихся, снижался уровень травматизма на предприятиях;
- идеологическое воспитание — формировались дисциплина, коллективизм и советская коллективистская идентичность в рамках концепции «нового человека».

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Современная историография развития физической культуры и спорта носит многогранный и комплексный характер. Можно выделить несколько основных направлений, среди которых важное значение имеет изучение физкультуры как инструмента повышения производительности труда, а также борьбы с травматизмом и профессиональными заболеваниями.

Значимым направлением является анализ физической культуры как элемента масштабной кампании по формированию «санитарной культуры» и здорового образа жизни. Е. В. Комиссарова вводит ключевое для этого подхода понятие «санитарная культура», помещая физическую культуру в широкий идеологический контекст [1]. Автор рассматривает физкультуру не как самоцель, а как один из инструментов построения здорового общества. Опыт использования лечебной физкультуры, рассмотренный Т. В. Бушуевой, расширяет представления о советской системе физкультуры и спорта [2].

Современные исследователи С. Б. Ульянова [3], В. В. Комарова [4], А. Х. Айбазов [5], М. В. Добрынина и Д. А. Огородова [6] изучают спорт и физкультуру как инструмент государственной пропаганды, конструирования нового общества и демонстрации преимуществ советского строя.

Осмысляя роль спорта в повседневной жизни советского человека, историки акцентируют внимание на понимании физкультуры как части проекта формирования «нового человека». В этой связи интерес представляют работы, посвященные производственной физкультуре, которая рассматривалась как одно из великих завоеваний социализма, заботящегося о человеке труда.

Существовавшая практика анализируется в конкретном историко-экономическом контексте эпохи (НЭП, индустриализация). Так, С. Б. Ульянова на примере Ленинграда 1920-х гг. изучает механизмы и проблемы внедрения производственной физкультуры на предприятиях города [3].

Выйдя за рамки исключительно спортивной истории, авторы интегрировали ее в более широкие поля социальной и политической истории. Предложенный ими современный подход к изучению системы физической культуры и спорта способствует более глубокому пониманию ключевых процессов становления и развития советского государства и общества.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ

В советской пропаганде здорового образа жизни физкультура и спорт занимали главенствующую роль. Уже в 1921 г. газета «Красная молодежь» подробно останавливается на необходимости производственной физкультуры, особенно для подростков, работающих на предприятиях. Примечательно название статьи Р. Кана — «Это надо сделать». На вопрос, что должен дать спорт рабочему подростку, автор отвечает: «Он должен возместить ему потерю силы и здоровья во время работы в душной фабрике»¹. Читателю подробно объясняется, какими именно видами спорта должен заниматься рабочий в зависимости от его рода занятий: если шахтера или грузчика, например, после работы на спортивной площадке заставить поднимать гири, то это ничего, кроме вреда, не принесет; если курьера, который все время ходит, заставить заниматься бегом, это его погубит. Наоборот, тех молодых рабочих, которые в производстве большую часть времени сидят на одном месте (швейники, например), необходимо заставить побегать. Тем, кто мало двигается, рекомендуются вольные движения и занятия с гириями.

¹ Кан Р. Это надо сделать. Красная молодежь. Газета рабоче-крестьянской молодежи. Орган ЦК РКСМ. 1921;(5):4. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012170569/

В связи с этим рекомендовалось «спорт к тому или иному виду работы, сознательно выбирать в том или ином случае различные его виды»² и делался призыв сделать это во что бы то ни стало.

Летом 1923 г. при ВЦИК был создан Высший совет физической культуры (ВСФК), определены цели физкультуры и организованы местные советы физкультуры. ВСФК призван разрабатывать единые методики в физкультуре и спорте, координировать деятельность местных советов и пропагандировать здоровый образ жизни в средствах массовой информации.

Теоретические основы физкультуры и производственной гимнастики заложены в 1920-е гг. Наркомздравом, пропагандировавшим социально-гигиенический подход. Первый нарком здравоохранения Н.А. Семашко утверждал, что цель физкультуры — не «наращение мускулов рук и ног и уменьшение извилин мозга, а, наоборот, гармоническое развитие человеческого организма, усиление трудоспособности и обороноспособности в нашем трудовом государстве, окруженном врагами» [7, с. 58]. Он понимал советскую физкультуру не только как физические упражнения, а как неотъемлемую часть культуры в целом. Семашко считал, что «советская физкультура есть революция быта», продолжающаяся в течение всего дня, охватывая весь быт человека, его работу, сон и отдых [7, с. 21].

Такой подход призван был способствовать оздоровлению труда и быта рабочего, поднятию трудоспособности населения: «Вся жизнь человека должна быть оздоровлена при помощи физической культуры. Физическая культура поможет нам революционизировать быт» [7, с. 23]. Характерно, что Семашко подразумевал под бытом в первую очередь труд, который, на его взгляд, был зачастую нерациональным, энергозатратным: «В труде мы делаем массу ненужных усилий, расходует напрасно и неэкономно свои силы», — писал он в 1926 г. [7, с. 23].

Рациональный подход к труду должна была дать физкультура, оздоравливающая трудовой режим, приучающая к дисциплине, способствующая извлечению максимальных результатов при наименьшей затрате сил и повышению производительности труда. Поэтому научную организацию труда (НОТ) Н.А. Семашко считал одним из видов физической культуры [7, с. 23–24]. Это означало тотальную реорганизацию рабочего времени через физкультпаузы и физкультминутки, компенсацию

профессиональных «вредностей», формирование дисциплинированного, организованного трудового коллектива.

Государство также рассматривало физкультуру, и в первую очередь производственную, в рамках парадигмы научной организации труда. Центральный институт труда под руководством А.К. Гастева исследовал эргономику «трудовых движений», разрабатывал рациональные подходы к организации труда и подготовке высококвалифицированных рабочих и основы двигательной и физической культуры, ловкости и умение экономно расходовать свои силы в движении [8, с. 45].

ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЗАБОЛЕВАНИЙ В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ ТРУДА

Особое внимание в производственной физкультуре уделялось борьбе с «профвредностями» и профзаболеваниями.

Помимо поднятия производительности труда путем рационализации и оздоровления его условий, увеличения физических сил и выносливости трудящихся, физическая культура являлась мощным средством в борьбе с вредными производственными факторами («профессиональными вредностями»). К ним относилась работа в пыльном и загазованном помещении, сидячий труд (например, швейника), поднятие тяжестей. Чтобы избежать последствий для здоровья рабочего, предлагались «коррекции» в виде физкультурных упражнений [7, с. 42].

Массовое внедрение производственной физкультуры на предприятиях началось в 1930-е гг. Роль катализатора системного внедрения физкультуры в производственный процесс сыграло Постановление ЦИК СССР, вышедшее 3 апреля 1930 г. Народному комиссариату труда Союза ССР совместно с Высшим советом народного хозяйства и Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов дано поручение включить физкультуру в число мероприятий по оздоровлению и повышению производительности труда и организовать научное изучение применения методов физкультуры в производственных процессах.

К этому времени физическая культура стала неотъемлемой частью быта трудящихся. Интерес граждан к спорту вырос: зимой они ходили на катки и лыжные станции, летом — посещали пляжи и лодочные станции [9, с. 89].

Возглавлявший в 1930–1934 гг. Всесоюзный Совет физической культуры при ЦИК СССР Н.К. Антипов отмечал, что «невиданные в истории челове-

² Там же.

ства темпы индустриализации страны, улучшение материального положения трудящихся, переход на пятидневную рабочую неделю, введение 7-часового рабочего дня и широкий размах социалистического переустройства деревни создают большие возможности для охвата физкультурой широчайших слоев трудящихся. Поэтому особенно необходимо до конца выявить все недочеты, мешающие работе, быстрее их изжить, быстрее перестроиться в соответствии с новыми условиями работы» [9, с. 7].

Среди основных недочетов физкультурного движения в постановлениях ЦК партии (ноябрь 1929 г.) и Президиума ЦИК СССР (3 апреля 1930 г.) указывалось на: рекордсменский уклон; слабую увязку физкультурной работы с повседневными задачами рабочего класса, аполитичность; недостаточность подготовленных кадров руководителей и слабую пролетарскую прослойку среди наличных, отсутствие централизованного руководства; недостаточность физкультурного инвентаря; слабое внимание со стороны общественных организаций и печати делу физкультуры [10, с. 25].

Физическая культура признавалась в постановлении ЦК ВКП(б) делом первостепенной государственной важности и должна была использоваться как «массовый фактор повышения производительности труда и борьбы с профессиональными вредностями производства» [10, с. 25].

ФИЗКУЛЬТУРНАЯ РАБОТА И ОРГАНИЗАЦИЯ ВРАЧЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Работа по вовлечению рабочих в занятия физкультурой осуществлялась государственными органами в теснейшей связи с организациями широкой рабоче-крестьянской общественности при централизованном руководстве специальных общесоюзных и республиканских государственных органов. На республиканские народные комиссариаты здравоохранения была возложена организация врачебного контроля над всей физкультурной работой, постановка и научное изучение физической культуры как социально-гигиенического, лечебного и евгенического фактора в здравоохранительных учреждениях, подготовка врачебных кадров [10, с. 25]. Народному комиссариату труда Союза ССР совместно с Высшим советом народного хозяйства Союза ССР и Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов предстояло включить физическую культуру в число мероприятий по оздоровлению производительности труда работающих на предприятиях кадров и организовать научное

изучение применения методов физической культуры в производственных процессах [10, с. 26].

Тогда же 3 апреля 1930 г. утверждено положение о Всесоюзном совете физической культуры при Центральном Исполнительном комитете Союза ССР, ведению которого подлежало, кроме общего руководства, общее планирование строительства физкультурных сооружений и производства физкультурного инвентаря и работа по пропаганде физкультурного движения: организация, планирование и проведение всесоюзных съездов, совещаний, массовых праздников физической культуры, соревнований, выставок и т.п.; организация международных праздников [10, с. 27–28].

В развитие Постановления ЦИК вышло Постановление Наркомата труда СССР 5 февраля 1931 г., в котором ставились конкретные задачи развития производственной физкультуры: «Ввести физкультуру в производство как мероприятие оздоровления труда, борьбы с профзаболеваемостью и меру повышения производительности труда. Осуществление этого мероприятия проводить в порядке планомерного, организованного включения физкультуры по отраслям промышленности отдельным предприятиям» [10, с. 134]. Отмечая недостаточную научную разработку вопросов физической культуры, перед научными учреждениями ставилась задача по научно-исследовательскому изучению применения физкультуры на предприятиях [10, с. 134]. Тем же постановлением Наркомтруда СССР было выделено 17 предприятий на территории Союза для постановки опытного изучения производственной физкультуры.

Однако основная работа на этих предприятиях развернулась только в конце 1931 г. Вызвано это было недооценкой физкультуры в производственном процессе хозяйственными и профессиональными организациями, отсутствием опыта, кадров и научного обоснования производственной физкультуры. Физкультура впервые внедрялась в производство и поэтому «она несмелыми робкими шагами вступала в цех, на конвейер, поток, в бригаду и смену» [9, с. 134].

Производственная физкультура уже зарекомендовала себя как эффективный способ в борьбе за повышение производительности труда. Физкультурники ленинградской фабрики «Большевичка» создали свою физкультурную ленту на швейном фронте и дали высокие производственные показатели; сталинградские физкультурники освоили высокую технику тракторостроения; физкультурники-ударники освоили мощное турбиностроение

и станкостроение, железнодорожники-физкультурники в рекордные сроки провели эшелоны транспортного угля для Магнитогорска и других ведущих строек [9, с. 134].

Но при этом системы организации физкультуры как органической части производственного процесса не существовало. Активную роль в ее создании сыграли научно-исследовательские институты, возглавившие опытно-исследовательские работы по внедрению физкультуры в производственный процесс и сумевших совместно с бюро физкультуры предприятий за сравнительно короткий период времени проделать огромную научно-исследовательскую работу по изучению наиболее эффективных форм и методов применительно к ведущим профессиям предприятий различных отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Начав с 17 опытных баз в 1931 г., научно-исследовательские институты сумели поставить работу на наиболее ответственных участках предприятий, охватив различные отрасли народного хозяйства. Организационная модель производственной физкультуры была введена в тяжелой промышленности (Наркомтяжпром) на угольнодобывающих и металлургических, нефтяных и энергетических предприятиях, в сельскохозяйственном машиностроении, общем машиностроении; в легкой промышленности (Наркомлегпром): трикотаж, кожа, швейпром, шерсть, хлопчатобумажная, мыловаренная, шелк, стекло-фарфор; в промышленности Наркомснаб: мясо, табак, кондитерская, спирто-водочная; на предприятиях связи: телефоностроение, телефон, телеграф, почта; на предприятиях деревообделочной промышленности, на железнодорожных станциях, депо, заводах.

НАУЧНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФИЗКУЛЬТУРЫ

В опытно-исследовательскую работу включилось около 30 ведомственных НИИ, в первую очередь ВСФК, Наркомздрава, Наркомтруда и Наркомата путей сообщения.

Согласно данным, приведенным инспектором Центрального управления социального страхования (Цустрах) Д. Б. Дубновым, в первые годы 1930-х гг. началось массовое распространение производственной физкультуры (см. таблицу).

Данные таблицы свидетельствуют о динамике ассигнований: от 100 тыс. руб. (1931) до 4,24 млн руб. (1933) через фонды охраны труда и соцстраха и расширение количества пилотных проектов с 17 предприятий (1931) до 100 к 1933 г. При этом официальная статистика не учитывала ряд предприятий, где производственная физкультура ставилась самостоятельно без предварительного согласования с центральными ведомствами. Следует полагать, что цифры статистики должны быть выше.

Результаты исследований весьма интересны и подтверждают, что целесообразно построенные и правильно проводимые физкультурные мероприятия, внедренные в производственный процесс, оказывают положительное влияние на здоровье и самочувствие рабочих, способствуют снижению травматизма и несчастных случаев, повышению производительности труда (снижается процент брака).

Методология оценки эффективности производственной физкультуры состояла из оценки общего состояния организма рабочих, данных врачебно-физкультурного контроля, проводимого в периоды до введения физкультурных мероприятий, во время

Таблица / Table

**Данные о производственной физкультуре в 1931–1933 гг. /
Data on workplace physical exercises in 1931–1933**

Количество / показатель Quantity / indicator	1931	1932	1933
Количество предприятий, охваченных физкультурой	17	75	100
Количество рабочих, охваченных физкультурой	1500	22 500	40 000
Ассигнования на физкультуру: по фонду на охрану труда	100 тыс. руб.	2 млн руб.	1 240 тыс. руб.
Ассигнования на физкультуру: по фонду соцстраха	—	2 250 тыс. руб.	3 млн руб.

Источник / Source: составлено автором по / Compiled by the author [11].

проведения мероприятий и после их окончания; специальных исследований (физиологических, психотехнических и др.) в те же периоды. Принимались во внимание и данные субъективных ощущений рабочих, и отзывы администрации и общественных организаций предприятий.

Влияние физкультуры на повышение производительности труда было проанализировано на основании учета выработанной продукции в периоды до, во время и после введения физкультуры (поштучная и валовая выработка в течение отдельных периодов трудового дня, общая месячная примерная выработка, кривые роста или уменьшения заработной платы, данные увеличения или уменьшения брака, связь брака с утомляемостью). По данным поликлиники НКПС снижение брака на профильных предприятиях составило 15–20%.

КОРРЕКЦИЯ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ И СНИЖЕНИЕ ТРАВМАТИЗМА

Физическая культура на производстве, направленная на повышение производительности труда и оздоровление работников, позволяла решить задачу сокращения дней нетрудоспособности.

К поиску наиболее эффективной терапии привлечен ряд учреждений здравоохранения. Так, медико-санитарной организацией НКПС в 1931 г. было поручено объединенной поликлинике Московского железнодорожного узла изучить использование физической культуры на производстве [11, с. 3]. При поликлинике открыли кабинет лечебной и профилактической физкультуры с одним сотрудником. Кабинет работал как полноценное отделение с обширным планом. Главная задача — снижение заболеваемости и травматизма [11, с. 4]. Исследовательская работа проводилась и в организации врачебного контроля на массовых физкультурных праздниках железнодорожного транспорта.

В ходе практической реализации идеи производственной гимнастики и физкультуры была выработана модель, рекомендованная предприятиям, состоявшая из:

- 1) физкультпаузы (5–10 мин) в виде коротких комплексов упражнений во время рабочего дня;
- 2) физкультминутки (1–2 мин) как микроперерывы для снятия напряжения, в первую очередь для рабочих конвейерных производств;
- 3) профилактическая гимнастика, особенно для работников вредных производств (шахтеры, металлурги);
- 4) утренняя гимнастика (радиотрансляции на Всесоюзном радио начались с 1930-х гг.).

Эти формы физкультурного движения стали первым этапом внедрения производственной физкультуры. Следующим этапом стали спортивные соревнования — межцеховые спартакиады и сдача норм ГТО [11, с. 138].

Работа по комплексу ГТО решала и идеологические задачи: «способствовала выковыванию крепкого, здорового, классово-устремленного и политически воспитанного рабочего, знающего свое место, права и обязанности на социалистическом труде и на фронте обороны» [11, с. 144]. Ставилась задача через простейшие формы производственной физкультуры втянуть взрослых рабочих в физкультурное движение. Физкультпаузы и физкультминутки были стартом к вовлечению рабочих в процесс физического самосовершенствования. Для этого ставилась и задача строительства стадионов, бассейнов, парков: «Рабочим недостаточно пятиминутной физкультпаузы, он требует систематической, более серьезной работы над собой» [11, с. 144].

Первый этап производственной физкультуры пройден. Физкультурные мероприятия стали органической частью производственного процесса на ряде передовых предприятий.

МАССОВОЕ ФИЗКУЛЬТДВИЖЕНИЕ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

На следующем этапе требовалось закрепить достигнутые результаты, перейти к повсеместному внедрению физкультурных мероприятий на предприятиях и на массовое обслуживание рабочих в выходные дни и после трудового дня, делая упор на массовые виды зимнего и летнего спорта; через спортивные секции и школы спорта добиться вовлечения рабочих в самостоятельное физкультурное движение с установкой на массовый охват рабочих предприятий, подготовкой и сдачей норм по комплексу ГТО. В целях популяризации производственных форм физкультуры проводились межцеховые спартакиады, рассчитанные на массовое вовлечение рабочих цехов и бригад, с премированием лучших цехов, бригад, отдельных ударников-физкультурников [11, с. 144]. Физкультурники как «авангард трудового фронта» демонстрировали связь физкультуры с ударничеством.

ВЫВОДЫ

Производственная физкультура в СССР — уникальный пример государственного регулирования физической активности трудящихся, сочетавшего прагматизм (повышение производительности труда) и идеологию (формирование «нового человека»).

В условиях форсированной индустриализации советская модель производственной физкультуры продемонстрировала свою эффективность. Ее внедрение шло не только на предприятиях Москвы и Ленинграда, но и в Магнитогорске, и на Уралмаше, а впоследствии распространилось по всем предприятиям страны. Она представляла собой уникальный синтез социальной инженерии, научной организации труда и идеологического воспитания и базировалась на научной методологии, системном подходе и объединяла принципы медицины, экономики и идеологии.

Сегодня корпоративный спорт как инструмент повышения эффективности работы сотрудников и фактор, способствующий развитию профессионального мастерства, не вызывает сомнений в своей актуальности.

Изучение опыта СССР в организации мероприятий по улучшению условий труда и охране здоровья работников, а также снижению профессиональных рисков приобретает особую значимость в современных условиях. Это связано с тем, что государственные задачи направлены на увеличение производственных мощностей в различных отраслях. Особое внимание уделяется подготовке и развитию профессиональных кадров на всех уровнях среднего специального и высшего образования. Интеллектуальное развитие невозможно без физического совершенствования. Поэтому формирование позитивного отношения к производственной физкультуре и охране труда должно начинаться уже в период обучения в профильных образовательных учреждениях.

Производственная гимнастика вновь была введена на предприятиях в середине 1950-х гг. постановлением президиума ВЦСПС от 22 июня 1956 г. «Об организации производственной гимнастики на предприятиях и в учреждениях». И если раньше она представляла собой лишь форму физической активности на рабочем месте, направленную на повышение производительности, снятие усталости и профилактику заболеваний у работников, то сегодня ее задачи значительно расширились.

Производственная физкультура сегодня призвана:

- повышать физическую активность сотрудников;
- укреплять командный дух в коллективах;
- совершенствовать программы менеджмента по управлению компаниями;
- развивать направления волонтерской деятельности;

- адаптировать сотрудников с ограниченными возможностями здоровья.

Отметим, что долгие годы в СССР существовал подход, согласно которому инвалидов как бы не существовало, поэтому в разрабатываемых правилах не учитывались направления адаптивной физкультуры. В настоящее время данное направление требует дополнительного изучения и разработки рекомендаций.

Актуальность изучения опыта производственной физкультуры 1920–1930-х гг. обусловлена несколькими важными факторами:

- **Проблема здоровья работников** остается острой в современном производстве. Опыт научного подхода к разработке комплексов упражнений может быть адаптирован для современных условий труда.

- **Повышение производительности труда** через физическую культуру — это актуальная задача для любой производственной системы. Методы, разработанные в советский период, могут быть использованы для оптимизации рабочих процессов.

- **Корпоративная культура** и формирование командного духа через совместные занятия физкультурой — это современный тренд, который имеет исторические корни в концепции «нового человека».

- **Научная база** исследований того периода может послужить основой для создания новых методик производственной гимнастики с учетом современных технологий и условий труда.

- **Экономическая эффективность** внедрения производственной физкультуры доказана историческим опытом. В современных условиях это может способствовать снижению затрат на медицинское обслуживание работников и уменьшению производственного травматизма.

- **Профилактика профессиональных заболеваний** через специально разработанные комплексы упражнений — это актуальная задача, решение которой может быть найдено в исторических наработках.

Изучение и переосмысление опыта советской производственной физкультуры позволяет:

- Создать современные программы физической активности на производстве.
- Разработать эффективные методики адаптации работников к условиям труда.
- Внедрить научно обоснованные подходы к организации рабочего процесса.
- Сформировать здоровую корпоративную культуру.
- Повысить общую производительность труда.

Современные программы по охране труда и формированию здорового образа жизни на предприятиях

и в организациях продолжают традиции советской производственной физической культуры. Это подтверждается приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 16.06.2014 № 375н «О внесении изменений в типовой перечень ежегодно реализуемых работодателем мероприятий

по улучшению условий и охраны труда и снижению уровней профессиональных рисков».

Таким образом, исторический опыт производственной физкультуры представляет собой ценный ресурс для развития современных подходов к организации труда и заботе о здоровье работников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссарова Е.В. Формирование санитарной культуры населения: опыт советского здравоохранения 1920-х годов. *Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья*. 2013;(S 1):113–115. URL: <https://www.elibrary.ru/ucorwt>
2. Бушуева Т.В. Лечебная физическая культура в исторических вехах развития общества. *Вестник спортивной истории*. 2020;1(20):103–114. URL: <https://www.elibrary.ru/mowsip>
3. Ульянова С.Б. В борьбе за высокую производительность труда: внедрение производственной гимнастики на предприятиях Ленинграда в 1920-е годы. *Labour and Leisure = Труд и досуг. Сборник тезисов VIII Международной конференции*. 2019;1:112. URL: <https://www.elibrary.ru/kmvtb>
4. Комарова В.В. Физкультуру — в массы! *Юрисконсульт в строительстве*. 2015;5:68–69. URL: <https://www.elibrary.ru/fjddgp>
5. Айбазов А.Х. Влияние занятий физической культурой на эффективность производственной деятельности. *Евразийское пространство: экономика, право, общество*. 2023;(6):171–174. URL: <https://www.elibrary.ru/mqrkwt>
6. Добрынина М.В., Огородова Д.А. Формирование советской политики в области физкультуры, спорта и спортивного образования: идеологические основания. *Вопросы политологии*. 2021;11(75):3111–3122. URL: <https://www.elibrary.ru/oggrhb>
7. Семашко Н.А. Пути советской физкультуры. Москва: Изд-во Высшего Совета Физической культуры, 1926. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009158861>
8. Гастев А.К. Трудовые установки Москва: Экономика; 1972. 337 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007243833?ysclid=mhunl1qpl3215889351>
9. Антипов Н.К. Состояние и задачи физкультурного движения. М.-Л.: Физкультура и спорт, 1930. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009009047?ysclid=mhunly3xdw966611886>
10. О физкультурном движении. Постановление ЦК ВКП(б). *Состояние и задачи физкультурного движения*. Москва — Ленинград: Физкультура и спорт. 1930:25–28.
11. Физкультура в лечебно-профилактических учреждениях и на производстве. Труды отделения лечебной и профилактической физкультуры 1-й объединенной поликлиники Московского узла железной дороги. Под ред. Б.А. Ивановского. Москва: ОГИЗ-Физкультура и туризм; 1934.

REFERENCES

1. Komissarova E. V. Formation of the sanitary culture of the population: The experience of Soviet healthcare in the 1920s. Russian Academy of Medical Sciences. *Bulletin of the National Research Institute of Public Health*. 2013;(S 1):113–115. URL: <https://www.elibrary.ru/ucorwt2>. 2. (In Russ.).
2. Bushueva T. V. Therapeutic physical culture in historical milestones of society development. *Bulletin of Sports History*. 2020;1(20):103–114. URL: <https://www.elibrary.ru/mowsip> (In Russ.).
3. Ulyanova S. B. In the struggle for high labor productivity: The introduction of industrial gymnastics at Leningrad enterprises in the 1920s. *Labour and Leisure = Work and leisure. Collection of abstracts of the VIII International Conference*. 2019;1:112. URL: <https://www.elibrary.ru/kmvtb> (In Russ.).
4. Komarova V. V. Physical education — for the masses! *Legal adviser in construction*. 2015;5:68–69. URL: <https://www.elibrary.ru/fjddgp> (In Russ.).
5. Aybazonov A. H. The influence of physical education classes on the effectiveness of production activities. *The Eurasian space: economy, law, society*. 2023;(6):171–174. URL: <https://www.elibrary.ru/mqrkwt> (In Russ.).
6. Dobrynina M. V., Ogorodova D. A. The formation of Soviet policy in the field of physical culture, sports and sports education: Ideological foundations. *Questions of political science*. 2021;11(75):3111–3122. URL: <https://www.elibrary.ru/oggrhb> (In Russ.).

7. Semashko N.A. The ways of Soviet physical education. Moscow: Publishing House of the Supreme Council of Physical Culture, 1926. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009158861> (In Russ.).
8. Gastev A.K. Labor attitudes Moscow: Ekonomika Publ., 1972. 337 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007243833?ysclid=mhunl1qpl3215889351> (In Russ.).
9. Antipov N.K. The state and tasks of the physical culture movement. Moscow: Physical Culture and Sport, 1930. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009009047?ysclid=mhunly3xdw966611886> (In Russ.).
10. About the physical education movement. Resolution of the Central Committee of the CPSU(b). The state and objectives of the physical education movement. Moscow–Leningrad: Physical Culture and Sport. 1930:25–28. (In Russ.).
11. Physical education in medical institutions and at work. Proceedings of the Department of Therapeutic and preventive physical education of the 1st United Polyclinic of the Moscow Railway hub. Edited by B.A. Ivanovsky. Moscow: OGIZ-Physical Culture and Tourism; 1934. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Владимировна Барышева — доктор исторических наук, декан исторического факультета, Историко-архивный институт; доцент, заведующий кафедрой истории и теории исторической науки, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Elena V. Barysheva — Dr. Sci. (Hist.), Head of the Department of History and Theory of Historical Science; Assoc. Prof., Dean of the Faculty of History, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-5853-6456>

barysheva.e@rggu.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.09.2025; принята к публикации 15.10.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.09.2025; accepted for publication on 15.10.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Многомерное переплетение истории, идентичности и памяти в романе «Одсун. Роман без границ» А. Варламова

Ван Чжэнкунь

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ романа Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» с целью исследовать историческую взаимосвязь между Германией и Чехией, дилемму определения, поиска и понимания персонажами своей идентичности, историческую память и влияние на межнациональные отношения. Автор статьи рассматривает исторические события, связанные с Судетской областью — регионом, ставшим символом этнических конфликтов, культурного доминирования и насильственной ассимиляции. Особое внимание уделяется судьбе судетских немцев, чье изгнание после Второй мировой войны подчеркивает хрупкость коллективной идентичности и разрушительное влияние политизированной исторической памяти. С помощью профессиональных подходов — постколониализма и теории культурной памяти — интерпретируются внутренние логические связи и глубокие культурные последствия различных тем, что подчеркивает уникальную ценность романа в отражении социальной и культурной экологии, анализе тонкостей человеческой натуры, вдохновляет читателя на размышления об истории, предоставляет ориентир для изучения современной России и культурного ландшафта Восточной Европы. Исследование вносит вклад в дискуссию о постколониальном измерении восточноевропейской литературы и проблеме «трудного прошлого» в условиях глобализации. Роман, сочетая художественную глубину с философской рефлексией, становится актуальным ориентиром для изучения этнических конфликтов, миграционных кризисов и путей достижения межкультурного взаимопонимания. Работа подтверждает, что преодоление стереотипов и диалог с историей являются ключевыми условиями для построения многокультурного общества.

Ключевые слова: Алексей Варламов; «Одсун. Роман без границ»; этнический конфликт; идентичность; историческая память; этнические стереотипы

Для цитирования: Чжэнкунь Ван. Многомерное переплетение истории, идентичности и памяти в романе «Одсун. Роман без границ» А. Варламова. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):146-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-146-152

ORIGINAL PAPER

Multidimensional Interweaving of History, Identity, and Memory in A. Varlamov's Novel "Odsun. A Novel Without Borders"

Wang Zhengkun

Sichuan International Studies University, Chongqing, China

ABSTRACT

This article analyzes Alexey Varlamov's novel "Odsun. A Novel Without Borders" in order to explore the historical relationship between Germany and the Czech Republic, the dilemma of defining, searching for and understanding one's identity by the characters, historical memory and its impact on interethnic relations. The author examines historical events related to the Sudetenland, a region that has become a symbol of ethnic conflicts, cultural dominance and forced assimilation. Particular attention is paid to the fate of the Sudeten Germans, whose expulsion after World War II highlights the fragility of collective identity and the destructive impact of politicized historical memory. Using professional approaches — postcolonialism and cultural memory theory — the internal logical connections and deep cultural implications of various themes are interpreted, which emphasizes the unique value of the novel in reflecting social and cultural ecology, analyzing the intricacies of human nature, inspiring the reader to reflect on history, providing

a reference point for studying contemporary Russia and the cultural landscape of Eastern Europe. The study contributes to the discussion of the postcolonial dimension of Eastern European literature and the problem of the “difficult past” in the context of globalization. The novel, combining artistic depth with philosophical reflection, becomes a relevant reference point for studying ethnic conflicts, migration crises and ways to achieve intercultural understanding. The work confirms that overcoming stereotypes and dialogue with history are key conditions for building a multicultural society.

Keywords: Alexey Varlamov; “Odsun. A Novel Without Borders”; ethnic conflict; identity; historical memory; ethnic stereotypes

For citation: Zhengkun Wang. Multidimensional interweaving of history, identity, and memory in A. Varlamov's novel “Odsun. A Novel Without Borders”. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):146-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-146-152

ВВЕДЕНИЕ

В многообразном ландшафте современной литературы роман Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» занял первое место на премии «Большая книга» 2025 г. Этот роман путешествует в разных временных, пространственных и социальных контекстах, создавая литературный мир, полный напряжения и глубины. В основе повествования романа лежит историческая взаимосвязь между Германией и Чехией: их дилемма идентичности характера, сложная эволюция исторической памяти и упрямое существование национальных стереотипов сплетаются воедино, образуя сложную и глубокую культурную и социальную сеть. «Одсун. Роман без границ» наглядно показывает динамические изменения в структурах власти двух стран и их культурные конфликты. Таким образом, исторический контекст становится полем символической борьбы. События разворачиваются в Судетской области — пограничном регионе Чехии, до 1945 г. переходившем под управление то германцев, то чехов, но именно немцы дали ей интенсивное развитие и масштабное строительство и заложили основу для ее культурного и экономического господства. Однако политическая перестройка после Первой мировой войны сделала Чехию суверенным контролером Судетской области, и судьба проживавших в ней немцев изменилась. Германские власти построили на этой земле процветающее сообщество и развитую промышленную систему, охватывающую все сферы деятельности — от традиционных ремесел до современных отраслей промышленности, что стало ярким символом их культурного и экономического влияния. «И если в Праге кто-нибудь спрашивал дорогу на чешском, ему советовали перейти на человеческий язык, то есть на немецкий. Это считалось в порядке вещей, ведь это они облагородили эту землю и принесли на нее христианство, культуру, трехполье, просвещение, веймарский классицизм, науку, технологию, государственное устройство и даже немецкоязычного еврея

Франца Кафку. Они были нацией исторической, государство образующей, не то что менее образованные чехи — как вдруг все достижения немцев обернулись против них» [1]. Немецкая риторика о «цивилизаторской миссии» — распространении христианства, технологий и государственного устройства — служит инструментом символического насилия, определяя чехов как «отсталого другого».

Однако подписание Сен-Жерменского договора мгновенно нарушило изначальное равновесие. Договор закрепил суверенитет Чехии над Судетской областью, что вызвало сильное сопротивление со стороны немцев. За этим сопротивлением стоял глубокий страх и борьба против утраты культурного доминирования. Все эти события отражают сложную переплетенность идентичности и власти в отношениях между колонизатором и колонизированным. Ситуация усугубилась экспансионистскими действиями нацистской Германии в 1930-х гг. Немецкие лидеры умело использовали националистические настроения для подстрекательства немцев в Судетской области. Под влиянием нацистской идеологии немцы в Судетской области стали инструментом экспансии, а чехи — жертвами. Их суверенитет и достоинство были безжалостно растоптаны, и в процессе этого к этническим группам была посеяна ненависть, что наложило тяжелый отпечаток на последующее историческое развитие. После Второй мировой войны изгнание немцев, предпринятое в соответствии с Потсдамским соглашением, было отчасти крайним ответом Чехии на ее исторически угнетенное положение. В ходе этого процесса немцы быстро превратились из «хозяев» земли в изгнанных «других», в то время как чехи переформировали свою «самость» на фоне переплетающихся эмоций национального освобождения и мести. Насилие и лишения, причиненные чехами немцам во время процесса изгнания, были сверхкоррекцией исторического дисбаланса сил. Эта сложная историческая переплетенность стала фоном судьбы персонажей романа, а также

отразила изменения в межэтнических отношениях, а хрупкость и сложность исторического процесса оказали сильное влияние на идентичность и поведенческий выбор персонажей.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ

В данном исследовании постколониальная теория применяется для анализа борьбы за власть и культурного противостояния между Германией и Чехией, а теория культурной памяти позволяет интерпретировать процессы наследования, искажения и реконструкции исторического нарратива. Сложные взаимосвязи между двумя странами становятся основой для теоретического анализа, раскрывая их значимость и ценность в современном культурном контексте. В рамках постколониального дискурса романа этнокультурные стереотипы представлены как результат многовекового символического насилия [2], порождаемого борьбой за доминирование. Конфликт между группами закономерно ведет к упрощению образов «другого», а исторический маятник в Судетах иллюстрирует динамику изменений в структурах власти. Этот процесс демонстрирует циклическую смену ролей «жертвы» и «палача»: каждая этническая группа, временно обретая культурную гегемонию, воспроизводит механизмы угнетения, ранее направленные против нее самой.

В романе судья Судетской области Фолькер выступает против войны и призывает жителей региона уважать друг друга и быть терпеливыми. Он безнадежно проповедует, что «между немцами и чехами нет непреодолимой пропасти, а места в этом краю хватит всем, просто нужно, чтобы и те и другие уступили, одумались, не торопили ход событий, не требовали слишком многого, а уж тем более заведомо невыполнимого». [1] Он говорит: «Давайте не будем утверждать, что одни люди бесы, а другие — ангелы. Чешская или немецкая мать нас родила — давайте не забывать, что все мы люди» [1].

Однако никто не желал слушать эти наивные речи. Одни обвиняли Фолькера в том, что он немец, а, следовательно, по определению фашист, враг демократии и молодой свободной Чешской республики, другие называли его предателем собственного народа. Он без всякой причины был избит группой чешских юношей, и «странное мстительное, едва ли не самоубийственное чувство им ов-

ладело» [1]. Данный эпизод раскрывает конфликт между личностным сознанием и доминирующими социальными установками: беспомощность индивида перед давлением коллективной ненависти становится частью художественного осмысления эпохи. Насилие над судьей не только демонстрирует крах индивидуальной воли, но и иллюстрирует механизм идеологической интерпелляции: переход от стигматизирующего ярлыка («немец = фашист») к физической расправе обнажает алгоритм формирования этнической идентичности через отрицание «чужого». Здесь социальная риторика превращает абстрактный образ врага в оправдание жестокости, подчиняя психологию личности логике коллективной травмы. Коллективная ненависть к немцам, спровоцированная исторической травмой, переносится на индивида, чья этническая принадлежность превращается в символическую мишень для разрядки социального напряжения. Как подчеркивает Джудит Батлер, насилие над телом «другого» становится ритуалом, подтверждающим границы коллективной идентичности [3]. Фолькер, пытающийся преодолеть бинарность «немец vs чех», оказывается жертвой идеологической интерпелляции, где его физическая уязвимость (precarity) обнажает хрупкость индивидуального сознания перед давлением коллективной травмы.

В социальном и культурном контексте, созданном в романе, формирование и распространение этнических стереотипов является результатом взаимодействия социальной психологии и культурных предрассудков [4]. Конфликт и конкуренция между группами могут легко привести к формированию стереотипов. В историческом споре между Германией и Чехией у обеих сторон сформировались глубоко укоренившиеся стереотипы, основанные на военном опыте и конфликте национальных интересов. В романе описывается, что чехи считают немцев захватчиками и пособниками фашизма из-за зверств нацистской Германии во время Второй мировой войны и давних территориальных споров [5]. Немецкая оккупация, террор концентрационных лагерей и другие исторические события стали травмой в коллективной памяти чешской нации. Движимые этой травматической памятью, чехи развили сильную антипатию и ненависть к немцам. Навешивание негативных ярлыков на всех немцев сформировало стереотип, который трудно изменить и который оказал влияние на межэтнические отношения и социальное взаимодействие между двумя сторонами.

В немецком обществе сложился образ чехов как нации, склонной к мести и жестокости. Такое восприятие во многом обусловлено историческим опытом послевоенного периода, когда немецкое население подвергалось изгнанию. Пережитое насилие, потеря имущества и страдания соотечественников оставили глубокий след в коллективной памяти. Эти травмирующие события породили взаимную неприязнь: страх и ненависть немцев к чехам привели к формированию устойчивых негативных стереотипов с обеих сторон.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В РОМАНЕ

Все эти предубеждения особенно заметны во взаимоотношениях персонажей романа, а также в опыте пребывания главного героя, который является русским, в Чехии. Например, в общении с чехами он часто сталкивается с непониманием и дискриминацией из-за национальных стереотипов. Отношение к нему чехов зачастую обусловлено существующими предрассудками относительно русской нации, что создает препятствия в повседневном общении и профессиональном сотрудничестве, затрудняет его интеграцию в местное общество. Это отражает мощное влияние этнических стереотипов на социальные взаимодействия, не только разрушает гармоничные отношения между этническими группами, но и препятствует обмену и интеграции культур, становясь важным потенциальным фактором этнических конфликтов. Поэтому в романе подчеркивается актуальность и важность разрушения стереотипов и развития национального взаимопонимания, а также раскрывается их взаимосвязь с исторической памятью и идентичностью.

Дилемма идентичности, с которой сталкиваются герои романа, также отражает напряжение между культурной памятью и индивидуальной субъективностью. Коллективная культурная память является краеугольным камнем индивидуальной идентичности. После многократных изгнаний жители Судетской области столкнулись с разрывом своей культурной памяти и фрагментацией идентичности [6]. Они теряют землю, на которой жили на протяжении поколений, и вынуждены покинуть свои дома, хранившие их семейные воспоминания и культурные традиции. Их прежние школы, церкви и общинные традиции насильственно разрушены, т.е. люди лишены своего традиционного пространства и права передавать свою культурную память.

Они не способны восстановить свою идентичность в этой сложной ситуации и впадают в отчаяние. Немцы же, находясь в трудном изгнании, полагаются на свою цепкую приверженность прошлым культурным воспоминаниям, чтобы попытаться собрать воедино свою сломанную идентичность в чужой стране и найти новый смысл выживания. Это отражает борьбу и стойкость людей перед лицом кризиса культурной памяти, а также основную позицию культурной памяти в процессе признания идентичности.

В романе говорится, что жители Судетской области всегда легко выгонялись из мест своего проживания: «Изгнание немцев было поставлено на поток с немецкой же тщательностью и пунктуальностью. Жителей Судет одним движением руки лишили гражданства и личных прав» [1]. Судьба изгнанных немцев — ключевой пример разорванной идентичности. Лишившись «школ, церквей, кладбищ» [1], они теряют «телесность памяти» [7], это не просто материальная утрата, но разрушение «топографической памяти» [7], где пространства выступают «хранителями» культурной идентичности. Уничтожение этих «мест памяти» лишает группу возможности воспроизводить коллективный нарратив, что приводит к экзистенциальному кризису. При этом автор избегает однозначных оценок: даже акт мести чехов трактуется не как зло, а как сверхкоррекция исторической несправедливости [8]. Историческая память представляет собой сложную картину сосуществования наследия и искажений, за которой скрывается ожесточенная игра между политикой памяти и стремлением к исторической правде [9]. Политизация исторической памяти в романе отражает дилемму, описанную как конфликт между «истиной памяти» и «справедливостью истории», на историческую память оказывает давление власть и идеология в процессе социальной коммуникации. Память жителей Судетской области о былом процветании и травмах войны является неотъемлемой частью их культурного наследия. Их воспоминания об идиллических пейзажах родного города, традиционных праздниках и семейной славе составляют уникальную цепочку культурной памяти. Однако воспоминания о страданиях, принесенных войной, в частности руины после бомбардировок, жертвы среди близких и пережитая дискриминация, тяжелым бременем ложатся на их сердца, становясь неизгладимой болью в их культурной памяти.

Во время неоднократных войн между Германией и Чехией за Судеты историческая память была

политизирована и серьезно искажена. Чехи распространили свою ненависть к нацистской Германии на всех немцев и в процессе изгнания дали одностороннюю интерпретацию и злонамеренное преувеличение немецкой истории. Такое поведение является проявлением политики памяти [10]. Чтобы укрепить национальную сплоченность и месть, чешское правительство и некоторые люди стараются помнить лишь «преступления» немцев, игнорируя разнообразие немецкого населения и сложность истории. Чехи, акцентируя преступления нацистов, не придают значения сложности немецкого культурного наследия в Судетах, создавая «сверхкорректирующий» нарратив, который заменяет одну несправедливость другой. История становится инструментом для легитимации текущей политики, а не диалога с прошлым. В результате историческая правда оказывается затемненной туманом этнической ненависти, что усиливает противостояние и непонимание между этническими группами, а также подчеркивает неустойчивость и хрупкость исторической памяти в социально-политическом контексте. Например, в романе часто описываются дома в немецком стиле, в которых живут главные герои, камин, который горит независимо от времени суток, и часовые башни, где можно увидеть вечные звезды и луну. Также упоминается, что по особому случаю десятой годовщины основания Чешской Республики в 1928 г. Йозеф Ян торжественно передал обсерваторию чешскому правительству. В то же время на эсперанто есть письмо, в котором содержатся его пожелания и надежды на мир. А главный герой романа сидит в старом судетском доме и погружается в следующие мысли: «...Я сижу в старом судетском доме, читаю эту романтическую историю и представляю себе долгую, полнокровную, прекрасную человеческую жизнь и думаю о братьях. Они могут ссориться и мириться, могут соперничать, а могут уступать друг другу и даже жить один вместо другого. Братская любовь совершенна. Гляжу за окно, где, подсвеченная луной и звездами, таинственно светится церковь, а рядом с ней старая колокольня, тоже похожая на обсерваторию. Прежде я об этом не думал, но этой ночью понимаю совершенно точно» [1].

Эти образы вечны, но в настоящее время все «знали, кто жил в каждом доме и что потом случилось с этими людьми. И когда дети учились в школе, им сложно было соотнести то, что говорили на уроках истории, с тем, что они видели по дороге домой: немецкое кладбище, камни с датами, надписи на немецком... Но и потом, когда все откры-

лось, общей темой тоже не стало. Зачем? Гораздо интереснее ездить в переименованные на чешский лад горы отдыхать, лечиться, кататься на лыжах и велосипедах, подниматься на Прадед, пить пиво и не беречь память воспоминаниями и уколами» [1]. Или дело в том, что новое поколение молодых людей не заботится об истории, «и до судетских немцев им дела нет. Это новое поколение, про которое никто не скажет, каким оно будет и что ему достанется» [1].

МЕЖДУ УТОПИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: ФИЛОСОФИЯ ПАМЯТИ В РОМАНЕ

В книге изображаются две модели отношения к прошлому: Обсерватория как символ эсперантистских утопий («границы между государствами должны исчезнуть») противостоит «переименованным горам» — насильственная ассимиляция через топонимику (пространству насильственной культурной амнезии). Этот диалектический конфликт между утопическим проектом и практиками коллективного забвения отражает авторскую позицию, которая говорит нам о том, что бессмысленно судить о прошлом с точки зрения настоящего и трудно найти абсолютную справедливость в истории. «Ведь каждая нация имеет право на свою жизнь, свой язык и свою культуру, разве не так?» [1]. Но у истории есть цель: «Границы между государствами должны исчезнуть вместе с самими этими государствами, и люди без какого бы то ни было принуждения пусть определяют, какой язык и чья культура им ближе. Понятно, что это такая же утопия, как эсперантские мечты восторженного немецкого юноши из судетской деревни, и в ближайшие десятилетия едва ли что-то подобное случится, но это единственное большое дело, к которому стоит прикладывать усилия, ибо тогда у истории появится и смысл, и цель» [1]. Подзаголовок романа гласит «без границ», не утопический ли это идеал? Труднодостижимый в реальности, но отражающий прекрасные надежды автора романа на мирное сосуществование.

Главная тема — изгнание — проходит через весь роман. Будь то главный герой повествования «профессор», украинская героиня или судьи и люди в Судетской области, они едва ли могут избежать участи быть изгнанными. Когда человек оказывается в подобной ситуации, бесполезно судить о добре и зле. Однако понимание и уважение истории, возможно, является главной идеей, которую А. Варламов хочет донести через этот роман. Повествуя о переплетении немецкой и чешской истории, подробно рисуя судьбы героев, историческую

память и национальные стереотипы, благодаря изысканному изображению таких тем, как немецко-чешские исторические конфликты, идентичность, историческая память и национальные стереотипы, «Одсун. Роман без границ» создает глубокую и разнообразную литературную вселенную, демонстрирует глубокую проницательность и глубокое осмысление литературой социальной истории, человеческой психологии и культурной памяти, обладает неоспоримой литературной ценностью и имеет большое общественное значение. Этот роман выходит за рамки простого исторического повествования и становится глубоким философским размышлением о человеческой природе, этнических отношениях и социальной реальности. В современном контексте глобализации и культурного разнообразия роман дает нам ценный образец для изучения национальной интеграции и конфликта. Он предупреждает нас, что история — палка о двух концах, и правильное отношение к исторической памяти является ключом к достижению национального примирения и социальной гармонии. Единственный способ построить многокультурное общество — сломать лед этнических стереотипов и содействовать межкультурному взаимопониманию и толерантности.

ВЫВОДЫ

Роман Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» представляет собой многогранное исследование сложного взаимодействия истории, идентичности и памяти в контексте немецко-чешских отношений. Автор раскрывает механизмы формирования этнических стереотипов, цикличность ролей «жертвы» и «палача», а также травматические последствия исторических конфликтов для определения, поиска и понимания человеком коллективной и индивидуальной идентичности. Анализ судеб персонажей, таких как судья Фолькер или главный герой-рассказчик, демонстрирует, как политизация памяти, насильственное забвение и культурная амнезия разрушают социальную гармонию, превращая историческое прошлое в источник непрекращающегося напряжения. Ценность романа заключается не только в его художественной глубине, но и в актуальности поднимаемых вопросов. В условиях глобализации, когда этнические конфликты и миграционные кризисы остаются острыми вызовами всему человечеству, «Одсун. Роман без границ» напоминает о необходимости критического осмысления прошлого, преодоления стереотипов и поиска диалога между культурами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта по иностранным языкам и литературе 2023 года по дисциплинам первого класса муниципалитета Чунцин «Исследования в области современной русской биографической литературы» (SISUWYJY 202310) и программ исследований и инноваций для аспирантов Чунцина на 2024 год «Историческая достоверность и литературное творчество — исследование биографического вымысла Варламова» (CYB 240276).

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared with the support by the 2023 Research Project of Foreign Languages and Literature in the First-Class Disciplines of Chongqing Municipality “Research on Modern Russian Biographical Literature” (SISUWYJY 202310) and the 2024 Research and Innovation Program of Chongqing Graduate Students “Historical Authenticity and Literary Creativity — Research on Varlamov’s Biographical Fiction” (CYB 240276).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варламов А. «Одсун. Роман без границ». Москва: Издательство «АСТ»; 2024. 264 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; 2007. 576 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=446&ysclid=mhw5prlbwm71838387>
3. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso; 2004. 192 с. URL: https://archive.org/details/precariouslifepo0000butl_p2t0
4. Erll A. Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan; 2011. 240 с.
5. Саид Э. Ориентализм. Москва: Русский Мир; 2006. 448 с.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Москва: Новое издательство; 2007. 336 с.
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
8. Лакан Ж. Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис; 2004. 224 с.

9. Ricoeur, P. Memory, History, Forgetting. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 660 p. DOI: 10.5195/jffp.2005.247
10. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти. Отечественные записки. 2005;(4):12–25. URL: https://rusneb.ru/catalog/002744_000053_RU___ГПНТБ+России___KNB_IBIS___63.3%284ФР%29B-040198/?ysclid=mhw6lwjsl5717920827

REFERENCES

1. Varlamov A. “Odsun. A novel without borders.” Moscow: ACT Publishing House; 2024. 264 p. (In Russ.).
2. Bourdieu P. Social space: Fields and practices. St. Petersburg: Aleteya; 2007. 576 p. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=446&ysclid=mhw5prlbwm71838387> (In Russ.).
3. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso; 2004. 192 c. URL: https://archive.org/details/precariousof0000butl_p2t0
4. Erll A. Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan; 2011. 240 c.
5. Said E. Orientalism. Moscow: Russian World; 2006. 448 p. (In Russ.).
6. Halbwaks M. Collective and historical memory. Moscow: New Publishing House; 2007. 336 p. (In Russ.).
7. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. 368 p. (In Russ.).
8. Lacan, J. Seminars. Book XI: Four basic concepts of psychoanalysis. Moscow: Gnosis; 2004. 224 p. (In Russ.).
9. Ricoeur, P. Memory, History, Forgetting. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 660 p. DOI: 10.5195/jffp.2005.247
10. Nora P. Between memory and history: Problems of memory locations. Domestic notes. 2005;(4):12–25. URL: https://rusneb.ru/catalog/002744_000053_RU___ГПНТБ+России___KNB_IBIS___63.3%284ФР%29B-040198/?ysclid=mhw6lwjsl5717920827 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ван Чжэнкунь — аспирант Института русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

Wang Zhengkun — PhD Student, Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Chongqing, PR China

<https://orcid.org/0000-0001-5228-1973>
954660187@qq.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.05.2025; принята к публикации 28.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.05.2025; accepted for publication on 28.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-153-156
 УДК 101.1:316+316.7+78.01+004.738.5+37.036

Музыка, социум и конструирование реальности

У.П. Благовещенская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию взаимосвязей между музыкой и социумом на основе анализа процессов конструирования социальной реальности. Исследуется место музыкальной культуры в общей культуре социума, ее функции, историческое развитие от древних времен до современности, показана роль музыкального воспитания в формировании культурных ценностей и эстетических предпочтений в социуме. Рассматривается эволюция музыкальных тенденций как динамический процесс, обусловленный взаимодействием технологических, социальных и культурных факторов. Анализируются механизмы формирования и распространения музыкальных трендов, включая влияние технологических инноваций, социально-культурных институтов, музыкальной индустрии и средств коммуникации. Рассматривается роль музыкальных медиа и цифровых платформ в современных процессах распространения музыкального контента. Особое внимание уделено когнитивному воздействию музыки на индивидуальном, коллективном и социальном уровнях. Анализируются психологические инструменты влияния музыки на сознание, ее функции как механизма когнитивного структурирования, способствующего формированию групповой идентичности и эмоциональной саморегуляции личности. Раскрывается роль музыки как механизма когнитивного структурирования сознания, способствующего формированию групповой идентичности и эмоциональной саморегуляции личности. В статье также обсуждается влияние музыки на социальное поведение и процессы адаптации в обществе. В заключение выдвигается тезис о значимости музыкальной культуры как неотъемлемой части человеческой жизни, способствующей развитию личности и укреплению социальных связей и культурной идентичности. Обозначены перспективные направления для дальнейших исследований в области музыкальной культуры и ее влияния на духовное состояние общества, включающие изучение влияния цифровизации и глобализации на музыкальную культуру и ее роль в поддержании духовного состояния общества. Работа имеет практическую ценность для исследователей, интересующихся инструментарием конструирования социальной реальности, а также для изучения социокультурных изменений в обществе. Статья может служить основой для дальнейших исследований в области социально-политической философии, углубляя понимание механизмов взаимодействия культуры и власти, а также роли музыкальных практик в формировании коллективной идентичности, моделей социального контроля и процессов консолидации социума в условиях современных трансформаций.

Ключевые слова: музыкальная культура; эволюция музыки; культурный конструкт; когнитивное воздействие; социум; социальные механизмы; психологическое восприятие музыки

Для цитирования: Благовещенская У.П. Музыка, социум и конструирование реальности. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(6):153-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-153-156

ORIGINAL PAPER

Music, Society and Construction of Reality

U.P. Blagoveshchenskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the interrelations between music and society based on the analysis of processes involved in constructing social reality. It examines the place of musical culture within the overall culture of society, its functions, historical development from ancient times to the present, and highlights the role of musical education in shaping cultural values and aesthetic preferences within the social context. The evolution of musical trends is considered as a dynamic process determined by the interaction of technological, social, and cultural factors. The mechanisms of formation and dissemination of musical trends are analyzed, including the influence of technological innovations, socio-cultural institutions, the music industry, and communication channels. The role of musical media and digital platforms in contemporary processes of music content distribution is also explored. Special attention is given to the cognitive impact of music at individual, collective, and social levels. Psychological tools of music's influence on consciousness are analyzed, as well as its functions as a mechanism of cognitive structuring that contributes to the formation of group identity and emotional self-regulation of the individual. The role of music as a mechanism of cognitive structuring of consciousness, facilitating group identity formation and emotional self-regulation, is further revealed. The article also discusses the influence of music on social behavior and processes of social adaptation. In conclusion, the thesis is put forward on the significance of musical culture as an integral part of human life that promotes personal development and reinforces social bonds and cultural identity. Prospective directions for further research in the field of musical culture and its influence on the spiritual state of society are outlined, including the study of the effects of digitalization and globalization on musical culture and its role in maintaining the spiritual well-being of society. The work holds practical value for researchers interested in the instruments of social reality construction, as well as for the study of sociocultural changes in society. The

© Благовещенская У.П., 2025

article may serve as a basis for further research in the field of social and political philosophy, deepening the understanding of the mechanisms of interaction between culture and power, as well as the role of musical practices in the formation of collective identity, models of social control, and processes of social consolidation amid contemporary transformations.

Keywords: musical culture; evolution of music; cultural construct; cognitive impact; society; social mechanisms; psychological perception of music

For citation: Blagoveshchenskaya U.P. Music, society and construction of reality. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):153-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-153-156

ВВЕДЕНИЕ

Музыка, неотъемлемый компонент человеческого бытия — история не знает примеров социумов без музыки — затрагивает глубинные аспекты существования человека, влияет на его интеллект, эмоциональную и волевую сферы, личную жизнь, практическую деятельность и, в свою очередь, зависит от них [1]. Алгоритмы взаимодействия музыки с экзистенциальными измерениями могут быть поняты через анализ механизмов, посредством которых музыкальное восприятие формирует наше понимание себя и мира. На протяжении всей истории — от архаичных ритуалов до современных цифровых платформ — музыка является неотъемлемой частью человеческой жизни. Она разделяет с людьми и радость, и печаль, сплавливает социокультурные группы и лежит в основе множества способов личного самовыражения [2].

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИИ

Музыкальная культура, будучи неотъемлемой частью человеческого бытия, отражает глубинный опыт общества и прошла долгий путь развития — от древнейших форм к современным. Изначально музыка была тесно связана с ритуальными практиками, что демонстрирует ранние стадии ее становления как организованной деятельности. В религиозных обрядах Древнего Египта и развитии музыкального театра в Античной Греции можно проследить становление жанровых и инструментальных традиций.

Средневековый период характеризуется доминированием духовной музыки под влиянием христианства [3], наряду с развитием светской музыкальной традиции. В эпоху Возрождения влияние церкви на музыку ослабевает, что приводит к формированию первых национальных школ. Это способствовало не только большему стилистическому разнообразию, но и активному развитию инструментария. Следующая эпоха, барокко, сделала музыку более экспрессивной и усложнила ее формы, что стало прямым отражением изменений в обществе и культуре. Пришедший ему на смену классицизм, напротив, провозгласил строгие каноны и четкую жанровую иерархию, создав ту самую основу, на которой выросли симфонический и камерный жанры.

Для музыкальной культуры романтизма были свойственны углубление личностного и эмоционального

начал, а также активное использование национального фольклора. В свою очередь, XX век ознаменовался новаторскими поисками в области художественной формы, стимулированными развитием технологий, синтезом жанров и расширением межкультурных контактов [4]. Что касается современности, то ее отличительная черта — это предельное стилистическое разнообразие, а также глубокая трансформация музыкальных практик под влиянием цифровой среды [4].

Итак, музыка предстает как действенный инструмент конструирования социума, активно формирующий наши социальные практики, эмоциональные состояния, перцепцию мира, когнитивные процессы.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЛИЯНИЯ МУЗЫКИ НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО

Психофизиологическое восприятие музыки представляет собой многоуровневый процесс, включающий нейрофизиологическую обработку звуковых сигналов, которая преобразуется в когнитивные и эмоциональные реакции [5]. Важную роль играет темпоральная обработка, связанная с распознаванием ритмических структур, создающих ощущение времени и целостности музыкального произведения.

Мелодическое восприятие базируется на гармоническом ожидании, когда слушатель предугадывает дальнейшее развитие музыкального потока через узнаваемые паттерны — процесс, описываемый как «гармоническая рационализация будущего». Эмоциональная обработка включает как сознательное, так и фоновое восприятие, и на нее влияют музыкальное образование, личные интерпретации, контекст прослушивания, настроение и социокультурные факторы. Взаимодействие этих факторов формирует сложную систему, которая динамически влияет на когнитивные и эмоциональные состояния личности и общества.

Музыкальное восприятие охватывает уровни от биологических реакций до осознанного восприятия и эмоционального отклика. На индивидуальном уровне музыка влияет на эмоции, волю и память, способствуя психологическому благополучию и позволяя управлять личными эмоциональными состояниями. На коллективном уровне музыка создает общие культурные переживания и укрепляет групповые идентичности, а на социальном — структурирует социальные и культурные иерархии, отражая ценности общества [6].

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Музыкальная тенденция, представляя собой динамическую закономерность в музыкальном развитии, отражает эволюционные сдвиги в музыке, которые связаны с изменениями в обществе, культуре и технологиях [7]. Музыкальные тенденции формируются под воздействием множества взаимосвязанных факторов. Они проявляются через появление новых музыкальных форм и стилей, взаимодействие различных культур, внедрение технических инноваций и изменение способов создания и потребления музыки. Эти тенденции способствуют интеграции музыки с другими искусствами и задают направление дальнейшего развития музыкальной и общей культуры.

Технологические инновации предоставляют человечеству новые эффективные инструменты для создания музыки, что приводит к появлению новых музыкальных стилей: так, возникновение электронной музыки в 1980-х стало ответом на технологические достижения. Инновации открывают дорогу и новым нишевым направлениям, которые появляются, в том числе, благодаря потоковым платформам: именно переходом к цифровым платформам во многом определяется динамика изменений в современной музыкальной индустрии, кардинально изменившая в настоящее время алгоритм распространения музыкальных произведений и взаимодействие с ними. Значительное влияние на открытие новой музыки оказывают алгоритмы рекомендаций, применяемые на стриминговых платформах [8, с. 45].

Музыкальная индустрия оказывает значительное влияние на формирование музыкальных трендов. Сегодня она представляет собой динамичную экосистему, в которой наряду с традиционным контролем выдвижения исполнителей на передний план выходят цифровые платформы, социальные сети и алгоритмы рекомендаций стриминговых сервисов [9, с. 88]. Виртуальные платформы демократизируют этот процесс, предлагая новые способы интерпретации музыки и вовлекая любителей в создание контента. Это, в свою очередь, позволяет независимым артистам находить свою аудиторию за пределами традиционной иерархии индустрии.

Критерии популярности тех или иных музыкальных стилей напрямую зависят от слушательских предпочтений, складывающихся под воздействием широкого спектра социальных и культурных детерминант. Особое значение имеет микросоциум индивида — ближайшее окружение и сверстники, чье влияние закладывает основы его культурного капитала и формирует музыкальные вкусы [10]. Что касается механизмов распространения, то здесь за-

действован целый комплекс коммуникационных каналов: от межличностного общения до активных онлайн-сообществ и социальных сетей, функционирующих как площадки для дискуссий, обмена рекомендациями и консолидации фан-базы [2]. Отдельную роль в этом процессе играют алгоритмы рекомендаций стриминговых сервисов, которые не только помогают пользователям открывать новую музыку, но и активно продвигают самих исполнителей.

Трансформация музыкальных направлений находится в прямой зависимости от масштабных социальных изменений, таких как урбанизация и перестройка культурных парадигм. Яркой иллюстрацией этой связи являются хип-хоп, укорененный в городской реальности и протестном дискурсе, и гранж, выразивший экзистенциальное разочарование молодежи 1990-х. Интенсификация глобализационных процессов и технологический рывок в XX столетии выступили катализатором возникновения гибридных музыкальных форм, стирающих жанровые границы и стимулирующих межкультурную коммуникацию. Данный синтез выполняет двойную функцию: он не только расширяет палитру музыкального выражения, но и обеспечивает адаптацию и сохранение аутентичных традиций в меняющемся мире.

ВЫВОДЫ

Будучи формой искусства, музыка одновременно является и фундаментальной частью человеческого существования. Ее историческая эволюция демонстрирует сложную природу этого феномена, а мощное влияние на когнитивные процессы и становление культурной идентичности личности раскрывает ее значение далеко за пределами эстетики. Музыка играет активную роль в формировании характера, развитии вкуса и эмоциональном освоении мира. Через глубокое эстетическое переживание она помогает человеку постичь собственную сущность, укрепляя при этом социальные связи и чувство культурной принадлежности.

Движение музыкальных трендов управляется тройственной детерминацией: технологические инновации открывают новые звуковые возможности, социальные сдвиги рожают актуальные темы и настроения, а культурные традиции задают смысловой фон. Это взаимодействие создает не просто сумму влияний, а целостную среду, где музыка эволюционирует, отвечая на вызовы времени и одновременно конструируя новую реальность.

Восприятие музыки возникает на стыке когнитивных процессов и эмоционального отклика. Формирующиеся при этом эмоции и образы памяти складываются под влиянием нескольких факторов: композиционной структуры произведения, акустических

условий и ситуативного контекста прослушивания. Именно это сочетание определяет терапевтический потенциал музыки — ее способность регулировать психоэмоциональное состояние и стимулировать когнитивные функции. Особую роль играют ритмические и мелодические структуры, которые создают устойчивые паттерны, организующие субъективное восприятие времени и внутреннего мира слушателя.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение антропологического значения музыки, влияния технологического прогресса, глобализации и культурного обмена, а также роли музыкального образования в развитии личности и общества. Музыкальная культура априорно является значимым инструментом воздействия на социальную систему и индивида, в частности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература; 1990. 541[2] с.
Bakhtin M.M. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Fiction; 1990. 541[2] p. (In Russ.).
2. Антипов М.А. Музыка как компонент цифрового универсума и форма социального конструирования реальности. *Наука. Общество. Государство*. 2024;12–4(48):128–137. DOI:10.21685/2307-9525-2024-12-4-12
Antipov M.A. Music as a component of the digital universe and a form of social construction of reality. *Science. Society. State*. 2024;12–4(48):128–137. (In Russ.). DOI:10.21685/2307-9525-2024-12-4-12
3. Hoppin R.H. *Medieval Music*. New York: W.W. Norton; 1978. 600 p. URL: <https://www.librarything.com/work/384686/t/Medieval-Music>
4. Стракович Ю.В. Музыкальная культура в цифровую эпоху: трансформация социального функционирования. Автореф. Дисс. ... канд. культурологии. Москва; 2010. URL: <https://elibrary.ru/zoibbf>
Strakovich Yu.V. Musical culture in the digital age: Transformation of social functioning. Diss. Cand. of Cultural Studies. Moscow; 2010. URL: <https://elibrary.ru/zoibbf> (In Russ.).
5. Patel A.D. *Music, Language, and the Brain*. Oxford: Oxford University Press; 2008. 513[1] p.
6. Леер Е.И. Психофизиологические характеристики восприятия музыки разных направлений детьми и подростками. Дисс. ... канд. психологических наук. Москва; 2017. 201 с. URL: <https://elibrary.ru/wguzyv>
Leer E.I. Psychophysiological characteristics of the perception of music of different directions by children and adolescents. Diss. of the Cand. Sci. Psychological. Moscow; 2017. 201 p. URL: <https://elibrary.ru/wguzyv> (In Russ.).
7. Адорно Т. Философия новой музыки. Пер. с нем. Б. Скуратова. Москва: Логос; 2001. 352 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000691401?ysclid=mhwdnt9yj160542714>
Adorno T. Philosophy of new music. Transl. from Germ. B. Skuratov. Moscow: Logos; 2001. 352 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000691401?ysclid=mhwdnt9yj160542714> (In Russ.).
8. Wikström P. *The Music Industry: Music in the Cloud* by Patrik Wikström. 2011. 226 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/263566242_The_Music_Industry_Music_in_the_Cloud
9. Адорно Т. Избранное: социология музыки. Пер. с нем. М.И. Левина, А.В. Михайлов. Москва: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга; 2014. 444[1] с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007573554?ysclid=mhwdhh454y5106743>
Adorno T. Selected works: the sociology of music. Transl. from Germ. by M.I. Levin, A.V. Mikhailov. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, University Book; 2014. 444[1] p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007573554?ysclid=mhwdhh454y5106743> (In Russ.).
10. DeNora T. *Music in everyday life*. Cambridge: Cambridge univ. press; 2000. 181 p. URL: <https://sciarium.com/file/102973/?ysclid=mhwdja05z3754131352>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ульяна Павловна Благовещенская — аспирант кафедры гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ulyana P. Blagoveshchenskaya — PhD Student of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0002-5663-7310>
upblagoveshchenskaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.10.2025; принята к публикации 27.10.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.10.2025; accepted for publication on 27.10.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.